

СОВРЕМЕННАЯ И КЛАССИКА

Джон Ирвинг

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ
У ИЗВИЛИСТОЙ РЕКИ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Современная классика

Джон Ирвинг

**Последняя ночь у
Извилистой реки**

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ирвинг Д.

Последняя ночь у Извилистой реки / Д. Ирвинг — «Азбука-Аттикус», 2010 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-15211-3

В тихом поселке лесорубов, окруженном глухими северными лесами, живут отец и сын. В отличие от буйных соседей, ни выпивка, ни женщины их особо не интересуют, они ведут спокойную, размеренную жизнь. Однако невероятное, безумное происшествие, которое могло случиться лишь в книге Джона Ирвинга, заставляет их спасаться бегством. Они устремляются в отчаянное путешествие по сверкающей неоновыми огнями Америке, а по их следам идет безжалостный полицейский по кличке Ковбой со своим старым кольтom... «Последняя ночь у Извилистой реки» – блестящий, незабываемый роман от одного из крупнейших прозаиков современности!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-15211-3

© Ирвинг Д., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	62
Часть вторая	78
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джон Ирвинг

Последняя ночь у Извилистой реки

John Irving

LAST NIGHT IN TWISTED RIVER

Copyright © 2009, 2010 by Garp Enterprises, Ltd.

All rights reserved

© И. Иванов, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Джон Ирвинг (р. 1939) – американский писатель и сценарист, обладатель премии «Оскар». Произведения Ирвинга переведены на десятки языков, многие из них экранизированы. «Мир глазами Гарпа», «Отель "Нью-Гемпшир"», «Сын цирка», «Правила виноделов», «Молитва об Оуэне Мини»...

Каждый роман писателя становится событием в мире литературы.

Книга, которую невозможно пропустить! Вдохновенная, прекрасно рассказанная история об отце и сыне.

Financial Times

Увлекательный роман, созданный Ирвингом с мастерством, вниманием к мельчайшим деталям. Роман похож на драгоценное кольцо, собранное из сотен небольших сверкающих камней.

Houston Chronicle

Глубокая, выразительная книга!

Washington Post

Читатели любят длинные романы с интересным сюжетом и интригующими персонажами. Я всегда считал идеальной моделью роман XIX века, а большинство из них длинные. Для меня главное в романе – это возможность уловить движение времени. Настоящие читатели не ленивы. И поэтому до сих пор мы пишем длинные книги. Умберто Эко, Гюнтер Грасс, Салман Рушди, я. И люди их читают.

Джон Ирвинг

Эверетту – моему первопроходцу, моему герою

*I had a job in the great north woods
Working as a cook for a spell*

*But I never did like all that much
And one day the ax just fell.*

Bob Dylan. «Tangled Up in Blue»¹

¹ Строчки из песни Боба Дилана из его альбома «Blood on the Tracks» (1974). Название песни можно перевести как «Запутавшийся в печали». Вариант перевода слов: Я работал в северных густых лесах, Лесорубам еду варил, А потом надоело: работа – не ах, И однажды я взял и свалил. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Часть первая

Округ Коос, штат Нью-Гэмпшир, 1954 год

Глава 1

Под бревнами

Юный канадец, которому вряд ли было больше пятнадцати, замешкался и упустил момент. Его ноги словно приросли к бревнам, что плыли по излучине реки, и в следующее мгновение парень уже скрылся под водой. Это случилось раньше, чем сплавщики успели схватить его протянутую руку. Один из них попытался поймать парня за длинные волосы. Пальцы сплавщика шарили в холодной воде, похожей на густой суп из-за плавающей в ней разбухшей коры. Затем руку потенциального спасителя с двух сторон сжало бревнами, которые столкнулись и сломали ему запястье. «Крыша» из движущихся бревен окончательно сомкнулась над головой юного канадца. Больше его не видели. Над бурой поверхностью так и не показалась ни рука, ни нога упавшего в воду парня.

Когда на заторе отпускают стопорящее бревно, тут только успевай шевелиться. Останавливаться нельзя даже на секунду – не заметишь, как швырнет в воду. При сплаве леса зазевавшегося иногда убивало движущимися бревнами раньше, чем он тонул. Но все же чаще люди просто тонули.

Повар и его двенадцатилетний сын слышали долетавшие с реки ругательства сплавщика, которому сломало запястье. Оба сразу поняли: с кем-то случилась беда, и гораздо серьезнее, чем сломанная рука. Как-никак покалечившийся сплавщик сумел вытащить руку и устоять на скользких бревнах. Другим сплавщикам было не до него: они быстрыми шажками двигались к берегу, выкрикивая имя исчезнувшего парня. Сплавщики то и дело цепляли бревна баграми, создавая себе «тропки». Их прежде всего заботило, как бы поскорее и без приключений добраться до берега, но сын повара надеялся, что они попытаются расчистить «окошко» и тем самым позволить юному канадцу всплыть. Щели между бревнами появлялись лишь на мгновение, и бревна тут же смыкались вновь. Парень, называвший себя Эйнджелом Поупом из Торонто, уже не имел шансов вынырнуть.

– Так это Эйнджел? – спросил повара его двенадцатилетний сын.

Мальчишку с темно-карими глазами и не по-детски серьезным лицом ошибочно могли бы принять за младшего брата Эйнджела. Но всем сразу было понятно, чей он сын. Та же серьезность, та же внимательность, что и у его вечно настороженного отца. На лице повара отражалось сдержанное опасение, будто он привык предвидеть самые невероятные бедствия. Отчасти это опасение отражалось и на лице его сына. Мальчишка был настолько похож на отца, что некоторые лесорубы удивлялись, почему он не унаследовал от повара сильную хромоту.

Повар был уверен: под бревна угодил не кто иной, как юный канадец. И не кто иной, как он, повар, предостерегал сплавщиков, что Эйнджел еще слишком молод для работы на сплаве и что его нельзя пускать на бревна, когда затор готовят к путешествию по реке. Но парню, видимо, очень хотелось помочь сплавщикам, а может, они и заметили-то его не сразу.

По мнению повара, Эйнджел Поуп был слишком молод (и неуклюж) и для работы на лесопилке. Распиловщик – профессия, которая требует особого умения и опыта. Да и к строительному станку пускать его было нельзя: там тоже требуется умение, хотя опасности меньше.

Наиболее опасными и наименее квалифицированными считались работа на площадке для разгрузки бревен, где бревна подавались к распиловочному станку, а также выгрузка бревен с машин. Пока не появились механические погрузчики, у грузовиков-лесовозов просто откидывали борт, и вся масса бревен с грохотом скатывалась вниз. Но случалось, борт заклинивало, тогда рабочие выбивали задвижки и не всегда успевали отскочить в сторону.

Повар утверждал: Эйнджелу не место вблизи движущихся бревен, будь то на берегу или на реке. Но парня все любили (повар с сыном не были исключением) и поддались на его уговоры. Эйнджел ныл, что работать на кухне ему скучно. Там жарко и душно, а ему нравится настоящий мужской труд на свежем воздухе.

На время глухой стук багров умолк. Сплавщики заметили багор Эйнджела более чем в пятидесяти ярдах от места исчезновения парня. Течение реки уносило пятнадцатифутовый багор прочь от затора.

Меж тем сплавщик со сломанным запястьем выбрался на берег, держа здоровой рукой свой багор. Знакомые ругательства и такие же знакомые косматые волосы и спутанная борода свидетельствовали, что покалечился Кетчум – отнюдь не новичок в сплаве.

Был апрель. Не так давно растаял последний снег, обнажив вязкую, раскисшую землю. И лед на реке тоже начал ломаться совсем недавно. Первые бревна, вмерзшие в него, теперь вырывались на свободу и неслись в сторону Даммерских прудов. Река вздыбливалась, а вода в ней была ледяной. Многие лесорубы носили длинные волосы и отпускали бороду. Это давало хоть какую-то защиту от холода зимой и от мошкеры, начинавшей бесчинствовать с середины мая.

Кетчум лежал на спине, похожий на медведя, выброшенного на берег рекой. Мимо плыли бревна. Затвор чем-то напоминал спасательный плот, а сплавщики – матросов, потерпевших кораблекрушение. Только морская вода не меняла так стремительно свой цвет с зелено-ватого-коричневого на иссиня-черный. Вода в реке Извилистой была щедро окрашена танином.

– Ну и задница же ты, Эйнджел! – кричал Кетчум. – Говорил тебе: «Не стой на месте. Шевели ногами. Постоянно двигайся!» Черт бы тебя подрал!

Увы, массивный затвор бревен не оказался для Эйнджела спасательным плотом. Парень наверняка утонул: либо сразу, либо его, еще живого, сначала изуродовало бревнами на стремнине вблизи излучины. Сплавщики (и Кетчум в их числе) обычно сопровождали массив бревен до того места, где Извилистая впадала в Понтукское водохранилище, перегороженное плотиной Покойницы. Это водохранилище находилось неподалеку. Когда бревна отправлялись в вольное плавание по реке Андроскоггин, рано или поздно они попадали за Миланом² в сортировочные ворота. В районе Берлина³ перепад высот на трехмильном отрезке составлял двести футов. Казалось, бумажные фабрики Берлина превращали реку в сплошные сортировочные ворота. Туда попадало все, что плыло по реке. Вполне вероятно, что туда же теперь держало путь и тело Эйнджела Поупа из Торонто.

Наступил вечер. Сегодня почти никто из лесорубов не пришел ужинать. Еда в тарелках давно остыла, и повар с сыном собирали в кастрюли то, что можно было пустить на завтрашний обед и ужин. Помещение столовой было довольно скромным, как и поселок, названный по имени реки Извилистой и лишь немногим отличавшийся от передвижного лагеря лесозаготовителей. Не так уж давно здесь и такой столовой не было. Все кухонное хозяйство помещалось на двух грузовиках. Один занимала собственно кухня, а другой – разборная столовая. Оба грузовика двигались вслед за рабочими.

² Городок в округе Коос.

³ Город на реке Андроскоггин.

В те времена лесорубы и сплавщики возвращались в поселок лишь по выходным. Лагерный повар зачастую готовил еду в палатке. Все оборудование должно было быстро разбираться и так же быстро собираться на другом месте. Даже спальные домики монтировались на кузовах грузовиков.

Поселок Извилистый находился на пути к Даммерским прудам. Он не разрастался, и о дальнейшей его судьбе приходилось только гадать. В поселке жили рабочие лесопилки и их семьи. Здесь же стояли бараки лесозаготовительной компании, в которых по большей части жили сезонные рабочие: франкоканадцы, приезжавшие на заработки, а также некоторые лесорубы и сплавщики. Для них лесозаготовительная компания выстроила столовую – барачного типа здание. Там же, на втором этаже, жили повар и его сын. Но сколько еще протянет Извилистый? Этого не знал даже владелец компании.

Лесная промышленность переживала времена перемен. Все шло к тому, чтобы лесорубы больше не кочевали по делянкам, а жили оседло и ездили бы туда на работу. Передвижные лагеря и поселки вроде Извилистого вымирали. Исчезали и сами ваниганы⁴ – лачуги, где спали, ели и хранили инструменты и личные вещи. Ваниганы ставили на грузовиках, гусеничных тягачах, а нередко и на плотках и лодках.

Индианка, работавшая у повара посудомойкой, когда-то давно рассказывала его сыну, что «ваниган» – слово из языка индейцев племени абнаки. Может, она сама была из племени абнаки? А может, просто где-то вычитала, откуда происходит это слово, или придумала сама. Мальчишка-индеец, учившийся в одном классе с сыном повара, утверждал, что слово «ваниган» имеет алгонкинское происхождение.

Рабочий день на лесозаготовках и сплаве длился от зари до зари. По условиям найма кормить рабочих полагалось четыре раза. Ланч и обед им привозили прямо на место работы, а завтракали и ужинали они в столовой. Но сегодня, из-за беды с Эйнджелом, многие рабочие не пришли на ужин. Конечно, они уже не надеялись найти парня живым, но что-то не отпускало их с реки. Выгнала их оттуда темнота и противное чувство неопределенности. Никто из сплавщиков не знал, открыта ли плотина Покойницы. Бревна, среди которых могло застрять тело Эйнджела, сейчас плыли в сторону Понтукского водохранилища. Но это в том случае, если плотина Покойницы закрыта. Если же и она, и Понтукская плотина открыты, тело юного канадца унесет прямо в Андроскоггин. Кто-кто, а Кетчум хорошо понимал, что там его уже будет не найти.

Повар точно знал, когда сплавщики прекратили поиски. Он слышал стук багров, которые они ставили у стены столового барака. Вскоре в столовую ввалилось несколько усталых рабочих. Они изрядно запоздали, но у повара не хватило духу им отказать. Кухонные работницы уже уехали домой, оставалась лишь посудомойка. Она часто задерживалась здесь допоздна. Повар Доминик с труднопроизносимой фамилией Бачагалупо (в поселке его привыкли называть Стряпун) быстро приготовил им ужин, а сын разнес тарелки по столам.

– Где же Кетчум? – спросил у отца мальчик.

– Наверное, отправился со своей рукой к врачу, – ответил повар.

– Представляю, какой он голодный. Но Кетчум чертовски выносливый, – с оттенком гордости произнес двенадцатилетний сын повара.

– Для пьющего человека он здорово выносливый, – согласился Доминик и тут же подумал: «Едва ли его выносливости хватит на случившееся».

Гибель Эйнджела Поупа сильно ударила по Кетчуму. Он сам чуть ли не с мальчишеских лет работал в лесу. Парня взял под свое крыло. Присматривал за ним. Во всяком случае, старался.

⁴ *Ваниган* – слово, перекочевавшее в английский язык из языка индейцев племени оджибве. Дословно означает «складская яма».

Ни у кого в здешних местах не было таких черных волос и такой черной бороды, как у Кетчума. Черные как смоль, чернее меха черного медведя. Кетчум был несколько раз женат. Дети, с которыми он не знал, выросли и ушли в самостоятельную жизнь. Кетчум же безвылазно жил в Извилистом: то в каком-нибудь бараке, то в одном из ветхих домишек, именуемых гостиницами. Бывало, он переселялся в ваниган, сооруженный в кузове его грузовика. Несколько раз он там чуть не замерз зимой, отрубившись после изрядной выпивки. Но Эйнджела к спиртному он не подпускал. И к красоткам из так называемого танцзала Кетчум его тоже не подпускал.

– Ты слишком молод, Эйнджел, – услышал как-то повар слова Кетчума, обращенные к юному канадцу. – А от этих дамочек кроме удовольствия можно получить кое-что еще.

Должно быть, Кетчум знал, о чем говорил. Повар представил, каково ему сейчас. И дело тут не в сломанном запястье. Оно-то срастется. А вот Эйнджела уже не вернешь.

Доминик готовил на стареньком «гарленде» – восьмиконфорочной газовой плите с двумя духовками и закопченным рашпером. Равномерное шипение плиты и перемигивание ее запальников служило вполне подходящим светозвуковым фоном угрюмому настроению ужи-нающих. Они успели полюбить Эйнджела и приняли его, как принимают приبلудившегося пса. Повар тоже успел полюбить его. Веселый, жизнерадостный парень. Повару хотелось, чтобы его сын вырос похожим на юного канадца. Обычно в этом возрасте подросткам свойственна замкнутость и мрачное настроение (тем более в такой глуши, как Извилистый с его грубыми нравами). Эйнджел всегда улыбался, был приветлив и любознателен.

Редкое состояние для парня, который сразу же объявил, что сбежал из дома.

– Ты ведь итальянец? – в один из первых дней спросил его Доминик Бачагалупо.

– Нет, я не из Италии. И по-итальянски говорить не умею. Разве можно быть итальянцем, живя в Торонто?

Доминик тогда благоразумно промолчал. Повар был немного знаком с нравами бостонских итальянцев, а нравы эти сохранялись и вдали от родины. Скорее всего, настоящее имя парня было Анджело. (В детстве мать называла Доминика «анджелу» – ангелочек, – произнося это имя с сицилийским акцентом и ударением на последнем слоге.)

Теперь они вряд ли узнают настоящее имя и фамилию погибшего. Среди скудных пожитков Эйнджела Поупа не было ничего, что свидетельствовало бы о его имени: ни книги с дарственной надписью, ни письма. Если у парня и имелся какой-нибудь документ, он лежал в кармане дешевеньких джинсов Эйнджела и теперь плыл в холодной апрельской воде. Если они не сумеют найти тело, семья или те, от кого парень сбежал, так и не узнают о его гибели.

Легально или нелегально, с документами или без, но Эйнджел Поуп сумел пересечь канадскую границу и добраться до Нью-Гэмпшира. Правда, сделал он это по-своему, поскольку происходил не из Квебека. Парень сразу объявил, что он из провинции Онтарио и не франкоканадец. Повар ни разу не слышал от него французских или итальянских слов. Работавшие здесь франкоканадцы сторонились беглеца: они не жаловали англоканадцев. В свою очередь, Эйнджел тоже держался от них подальше. Похоже, он испытывал к франкоканадцам не больше симпатии, чем они к нему.

Доминик не лез к парню с расспросами. Теперь он жалел, что почти ничего не знает об утонувшем. А еще он жалел, что Дэниел (или Дэнни, как все здесь звали его сына) лишился такого замечательного товарища.

Повара и его сына в Извилистом знали все, включая и женщин. Доминик нуждался в знакомстве с женщинами – главным образом для присмотра за сыном. Десять лет назад (а кажется, прошла уже целая вечность) Доминик потерял жену.

По мнению повара, Эйнджел Поуп кое-что смыслил в кухонной работе, которую выполнял неуклюже, но без сетований. Работая, парень не делал лишних движений: следовательно,

все это было ему не в новинку, хотя он без конца бубнил, что на кухне ему скучно, и умудрялся вместе с овощами резать себе пальцы.

Оказалось, юный канадец любил читать. Он брал книги, оставшиеся от покойной жены Доминика, и часто читал их вслух Дэниелу. Кетчум утверждал, что Эйнджел просто «перегрузил» Дэна творчеством Роберта Луиса Стивенсона. Он прочел сыну повара не только «Похищенного» и «Остров сокровищ», но и «Сент-Ив» – роман, который Стивенсон так и не успел закончить и который, по мнению все того же Кетчума, должен был бы умереть вместе с писателем. Перед своей гибелью Эйнджел начал читать Дэни «Потерпевшие кораблекрушение» (Кетчум еще не успел вынести суждение об этом романе).

Каким бы ни было происхождение Эйнджела Поупа, чувствовалось, что какое-то образование он все же получил. Этим он отличался от большинства франкоканадцев (да и от большинства рабочих лесопилки и местных лесорубов тоже).

Столовая опустела. Последние посетители отправились спать, а может, пить. Обычно индианка-посудомойка заканчивала работу, когда Дэни уже спал. Но сегодня и она управилась пораньше и уехала на своем пикапе. Дэни остался с отцом и помогал ему вытирать столы.

– Неужели Эйнджел должен был умереть? – спросил он отца.

– Дэни, Эйнджел вовсе не должен был умирать. Это несчастный случай, которого можно было избежать.

Сын привык к постоянным упоминаниям отца о несчастных случаях, которые могли и не произойти, к его мрачным, фаталистическим рассуждениям о том, что люди подвержены ошибкам. В особенности – о юношеской беспечности.

– Он был слишком молод, чтобы соваться на лесосплав, – сказал повар, словно этим исчерпывалась вся причина.

Дэни знал отцовские суждения обо всех вещах, для которых Эйнджел (или любой подросток его возраста) был слишком молод, чтобы ими заниматься.

Повар ни за что не согласился бы дать парню в руки кантовальный крюк (отличительной чертой этого орудия сплавщиков был шарнирный крюк, позволявший перекатывать тяжелые бревна).

Кетчум утверждал, что в «прежние дни» опасностей было гораздо больше. Например, управлять лошадьми, вытаскивая на волокушах бревна из зимнего леса, – рискованное занятие. Зимой лесорубы забирались в глушь, устраивали там лагерь и валили деревья. Еще совсем недавно единственным способом транспортировки были конные волокуши. Вот так, по несколько бревен за одну поездку. Лошади скользили по обледенелому снегу, а то и проваливались, не попадая в колеи, оставленные полозьями волокуш. Чем ближе к весне, тем опаснее становились подмерзшие за ночь дороги. А потом снег начинал дружно таять, и санные пути превращались в месиво из грязи.

Но и здесь настали перемены. На лесозаготовках появилась новая техника, способная работать и в межсезонье. Дороги стали лучше. Работа теперь велась круглогодично, и весенняя распутица уже давно не являлась помехой. А лошадей неумолимо вытесняли гусеничные тягачи.

Бульдозеры еще больше облегчили работу. Они пробивали дороги прямо к делянкам, и бревна по этим дорогам можно было вывозить на лесовозах. Лесовозы могли доставлять лес почти к самым лесопилкам и бумажным фабрикам. Еще немного, и они вытеснят сплав по воде. Прошли времена, когда применяли стопорящие лебедки, помогая лошадям спускаться по обледенелым склонам.

– А погонщики частенько съезжали вниз на собственных задах, – рассказывал Дэну Кетчум.

Сам он предпочитал волов – те устойчивее двигались по глубокому снегу, но воловья тяга была сравнительно редкой.

Исчезли и узкоколейки, проложенные к местам лесозаготовок. В долине Пемигевассет их разобрали в сорок восьмом – в тот самый год, когда один из двоюродных братьев Кетчума попал под поезд на бумажной фабрике в городке Ливермор-Фоллс.

Паровоз производства фирмы Шея⁵ весил пятьдесят тонн, и на платформах вместо бревен лежали рельсы последовательно разбираемой узкоколейки. В пятидесятые годы бывшее железнодорожное полотно укрепили бетонными плитами, и по ним пошли грузовики. Но Кетчум помнил катастрофу, случившуюся тогда на железной дороге в районе реки Биб. Сам он в то время был погонщиком и возил еловые бревна на волокушах, запряженных четверкой лошадей. Кетчум успел поработать и водителем парового тягача марки «Ломбард»⁶. Поначалу этими тягачами управляли с помощью лошади. Ее впрягали спереди. Водитель являлся кучером. Он правил лошадью, та поворачивала передние салазки в нужном направлении, а за нею на черепашьей скорости полз гусеничный тягач и тащил груз. В более поздних моделях лошадь заменили рулевым колесом, снабженным специальными приводами. Кетчум успел поработать и на таких тягачах. Дэнни Бачагалупо не сомневался: Кетчуму здесь была знакома любая работа.

По дорогам вокруг Извилистого, где когда-то пыхтели и ползли паровые тягачи, теперь ездили лесовозы. Несколько «ломбардов» просто бросили ржаветь. Один из них торчал в Извилистом, второй, опрокинутый, валялся в лагере лесозаготовителей в Западном Даммере. После того как здесь построила свою фабрику «Парижская производственная компания» из штата Мэн, поселение стали называть Парижем⁷.

Близ Парижа река Филиппс-Брук впадала в реку Аммонусак, которая, в свою очередь, впадала в Коннектикут. Сплавщики гнали бревна и балансовую древесину по реке Филиппс-Брук до Парижа. Местная лесопилка обслуживала исключительно «Парижскую производственную компанию», изготавливавшую тобоганы. Работала она от парового двигателя, а еще раньше – от конной тяги. Впоследствии конюшню приспособили под машинное отделение. Владелец лесопилки жил здесь же, а в бараке на семьдесят пять человек размещались рабочие. Несколько отдельных домиков занимали те из них, у кого были семьи. В Париже имелась столовая, выполнявшая роль местного клуба, яблоневый сад, заложенный с надеждой на будущее, а также школа. В Извилистом школы не было, и никому не приходило в голову сажать яблони. Здесь не особо верили в то, что поселок долго протянет, и сходились во мнении: у Парижа больше шансов уцелеть и разрастись. В Париже это мнение не оспаривали, а, наоборот, всячески поддерживали.

Но по правде говоря, вряд ли какая-нибудь ясновидящая решилась бы предсказать судьбу обоих поселков. Дэнни как-то слышал от Кетчума, что и Париж, и Извилистый одинаково движутся к закату. Однако отец предупредил мальчика: слушать пророчества Кетчума не стоит, поскольку тот страдает «болезненным неприятием прогресса». Доминик Бачагалупо не был ясновидящим и сомневался в правдивости некоторых историй лесоруба.

– Дэнни, не торопись покупать на рассказы Кетчума, – так говорил он сыну.

– Так ты не веришь, что у Кетчума действительно была тетка, которая работала бухгалтером на фабрике и однажды зашла во фрезерный цех, а там вдруг обрушилась целая груда заготовок и прямо на нее?

– Дэниел, я сомневаюсь, что в Милане хоть на какой-нибудь из их фабрик есть фрезерный цех.

⁵ Узкоколейный паровоз с прицепляемыми к нему платформами. Был сконструирован американским лесопромышленником и изобретателем Эфраимом Шеем. Такие поезда выпускались вплоть до конца 1940-х гг.

⁶ Паровой гусеничный тягач, появившийся в самом начале XX в.

⁷ Париж – центр округа Оксфорд в штате Мэн.

Кетчум знал множество таких историй. Например, про то, как молнией убило сразу четверых на плотине Даммерского пруда – самого крупного и расположенного выше остальных. Молния якобы ударила в тележку, подающую бревна.

– Одним ударом жажнуло пильщика, наладчика и двоих подсобных рабочих, – рассказывал мальчику Кетчум. – Лесопилка сгорела дотла, прямо на глазах свидетелей.

– Удивительно, что там не оказалось никого из родни Кетчума, – только и заметил повар, когда сын пересказал ему эту историю.

Родственники Кетчума гибли исправно. Другой его двоюродный брат угодил под резак на бумажной фабрике, а дяде снесло череп, когда из распиловочного станка вдруг вырвалось бревно. Но этим запас трагических историй не кончался. Когда-то по Даммерскому водохранилищу плавал паровой буксирчик. Он транспортировал бревна к бумажной фабрике, находящейся у внешней плотины. Однажды у буксирчика взорвался паровой котел. Позже на островке в весеннем снегу обнаружили оторванное человеческое ухо. К слову сказать, от взрыва там сгорели все деревья. Кетчум добавил, что человек, нашедший ухо, потом использовал его в качестве наживки для подледного лова на Понтукском водохранилище.

– Полагаю, это тоже был кто-то из твоих? – спросил повар.

– Я не всех своих знаю, – уклончиво ответил Кетчум.

Зато он утверждал, что знает «легендарного засранца», построившего конюшню в Пятом лагере. Конюшня оказалась на возвышении, а жилой барак и столовая – внизу. Когда терпение жителей лагеря лопнуло, они скрутили эту легендарную личность, притащили в конюшню и на вожжах подвесили над навозной ямой.

– Он висел там, пока не потерял сознание от испарений, – восторженно рассказывал Кетчум.

– Теперь ты понимаешь, почему Кетчум скучает по прежним временам, – сказал сыну повар, выслушав очередную историю.

Доминик Бачагалупо тоже знал некоторое количество историй, однако большинство из них не годились для детских ушей (да и для взрослых тоже). А те, что можно было рассказывать сыну, после ярких повествований Кетчума казались Дэнни пресными. Один из отцовских рассказов был о том, как Доминик готовил тушеную фасоль. Дело происходило в районе реки Чикволнепи, близ Успешного водохранилища. Там тогда стоял передвижной лагерь. Доминик вырыл в земле яму, развел костер и вечером, перед тем как ложиться спать, поставил на угли котел, присыпав его горячей золой и землей. В пять утра, когда фасоль будет готова, повар рассчитывал вырыть ее горяченькой и пустить на завтрак. Но на завтрак ему пришлось готовить другое блюдо. Ночью из близлежащего ванигана вылез какой-то франкоканадец (скорее всего, чтобы помочиться). Было темно, а он шел босиком и угодил прямехонько в то место, где повар зарыл котел. Дело кончилось ожогом обеих ступней.

– И это все? Вся история? – попытался у отца разочарованный Дэнни.

– Это, надо думать, поварская история, – ответил за повара Кетчум, желая сказать Доминику нечто вроде комплимента.

Между тем он не упускал случая помучить повара расспросами: не с тех ли времен тушеная фасоль и гороховый суп уступили место спагетти?

– Раньше у нас здесь никогда не было столько итальянских поваров, – говорил Кетчум, подмигивая Дэнни.

– То есть ты бы и сейчас предпочел вместо вкуснейших блюд из макарон лопать тушеную фасоль и гороховый суп? – спрашивал у своего давнего друга повар.

– Ну и обидчивый у тебя папочка, – отвечал на это Кетчум и снова подмигивал Дэнни.

Нередко это сопровождалось словечком «христозапор» – излюбленным ругательством лесоруба – и неизменным вопросом:

– Доминик, неужели ты такой обидчивый?

Да, это был апрель – время грязи и подъема воды в реке. Вода прибывала через открытый створ одного из шлюзов – Кетчум почему-то окрестил это явление «шпиндельной головкой», – скорее всего через створ в восточной части Малого Даммерского пруда. Пора и так хлопотная, а тут еще этот юнец из Торонто ковырнулся. Они его и узнать-то как следует не успели.

Вода в Извилистой поднялась не только от растаявших снегов. Отчасти этому способствовали и сплавщики. На речках, впадавших в Извилистую, были построены плотины со створами. Весной створы открывались, и вода устремлялась в основное русло. Извилистая несла бревна балансовой древесины: те, что вмерзли в лед, и те, что сваливали вдоль берегов. Если створы открывались вскоре после таяния снегов, вода неслась с бешеной скоростью. Берега были просто размолочены движущимися бревнами.

Повар считал, что название реке дали неточное: изгибов на Извилистой было совсем мало. Всего два. Местами (особенно там, где она стекала с гор) река была прямой как стрела. Однако сплавщикам с избытком хватало и этих двух изгибов: весной они рисковали каждый день, проводя по ним заторы. Наиболее опасным считался изгиб, который находился ближе к Даммерским прудам. На обеих излучинах бревна приходилось проталкивать и направлять чуть ли не вручную. Зеленых юнцов вроде Эйнджела пускать в такие места на затор нельзя категорически.

Но Эйнджел погиб не там, а на сравнительно спокойном участке. Конечно, от бревен река вздыбливалась, однако течение в том месте было вполне умеренным. На излучинах скапливались такие громадные заторы, что их рушили динамитом. Доминик Бачагалупо в этом тоже как-то поучаствовал. На его кухне звенели, гремели и плясали кастрюли и сковородки, висевшая утварь раскачивалась подобно взбесившимся маятникам. В зале со столов сбросило сахарницы и бутылочки с кетчупом.

– Твой отец – никудышный рассказчик. Но подрывник он еще более никудышный, – резюмировал Кетчум, обращаясь к Дэнни.

За поселком Извилистая несла свои воды в реку Андроскоггин. Помимо реки Коннектикут главными сплавными артериями в северной части Нью-Гэмпшира были Аммонусак и Андроскоггин. Их обеих вполне оправданно называли реками-убийцами.

Впрочем, хватало и таких, кто утонул или был смертельно покалечен на достаточно коротком отрезке между Малым Даммерским прудом и поселком Извилистым, а также на других, спокойных участках. Эйнджел Поуп – не первый и, уж конечно, не последний.

Река рекой, но ведь люди гибли и на берегу. На той же лесопилке. А сколько лесорубов и сплавщиков в обоих поселках гибло в пьяных драках. Драки затевались в основном из-за женщин, которых на всех не хватало. Правда, Кетчум считал, что в Извилистом мало баров. В Париже их не было совсем, а все тамошние женщины являлись законными женами рабочих.

По мнению Кетчума, это обстоятельство и вынуждало мужчин каждый вечер тащиться по трелевочной дороге из Парижа в Извилистый.

– Нечего было строить мост через Филиппс-Брук, – заявлял он.

– Вот видишь, Дэниел, Кетчум в очередной раз убедительно доказал, что рано или поздно прогресс нас всех погубит, – говорил своему сыну повар.

– Твой отец ошибается, – возражал Кетчум. – Еще раньше нас погубит католическое мышление. Итальянцы – католики, и вы с отцом, разумеется, тоже. Хотя вы не слишком чтобы итальянцы, да и католики не ахти. Я говорю о франкоканадцах. Вот пример католического мышления: у них столько детей, что впору давать номера, а не имена.

– Боже милосердный, – вздохнул Доминик Бачагалупо, качая головой.

– Это правда? – поинтересовался у Кетчума Дэн.

– А как ты думаешь, откуда возникло прозвище Дюма-двадцатник?

– Но у Ролана и Жоанны не двадцать детей! – не выдержал повар.

– Я же не говорю, что только у них, – возразил Кетчум. – Тогда почему этого коротышку называют «двадцатником»? Что, просто оговорка?

Доминик опять покачал головой.

– Что молчишь? – не отставал лесоруб.

– Я обещал матери Дэнни, что дам мальчику надлежащее образование, – сказал повар.

– Отлично. Я всего лишь пытаюсь помочь Дэнни с образованием, – парировал Кетчум.

– Помочь, – повторил повар, не переставая качать головой. – Твой лексикон, Кетчум...

Доминик хотел сказать что-то еще, но не сказал.

«Никудышный рассказчик и никудышный подрывник», – думал Дэнни об отце, вспоминая характеристики, выданные Кетчумом.

Мальчик горячо любил отца. Но даже он удивлялся отцовской привычке – не договаривать начатые фразы. Возможно, повар договаривал их, только не вслух.

Из женщин в столовой ели лишь индианка-посудомойка и кухонные работницы – жены рабочих лесопилки. Другие женщины появлялись здесь в основном по выходным, когда в столовую приходили или приезжали целыми семьями. У повара действовало строгое правило: в стенах столовой – ни капли спиртного. Обед (или ужин, как по привычке называли его лесорубы и сплавщики старшего поколения) подавался после наступления темноты. Мужчины с фабрики, делянок и сплава приходили трезвыми и быстро проглатывали еду, не особо разговаривая за столом. У Доминика редко засиживались или увязали в долгих беседах.

Естественно, что после работы люди приходили сюда в запачканной и засаленной рабочей одежде. От нее пахло смолой, дегтем, мокрой корой и опилками. Однако руки и лица у всех были чистыми и благоухали дегтярным мылом. Стараниями повара оно никогда не переводилось в крохотной туалетной комнате столовой. Обязательное мытье рук и лица являлось еще одним непреложным правилом в царстве Доминика. Более того, в туалетной комнате всегда висели чистые полотенца, и это было одной из причин, почему посудомойка задерживалась в столовой допоздна. Пока подсобницы вытирали со столов и мыли посуду, индианка отправлялась в прачечную комнату и загружала дневную порцию полотенец в стиральную машину. Она никогда не сокращала время стирки. Потом перемещала выстиранные полотенца в сушильную машину и только тогда считала свою работу законченной.

Эту женщину звали Индианка Джейн, но лишь за глаза. Дэнни Бачагалупо она нравилась. И она не чаяла души в мальчишке. Джейн была на десять с лишним лет старше отца (она была даже старше Кетчума). Однажды Дэнни подслушал разговор взрослых и узнал, что когда-то Джейн потеряла единственного сына. Кажется, тот утонул в реке Пемигевассет. А может, Джейн и ее сын были родом из лесов, что простирались к северо-западу от Конвэя с его деревообрабатывающими фабриками. Чего там далеко ходить: густые леса начинались уже к северу от Милана. Лесорубы уезжали туда на работу и жили в передвижных лагерях. Мест, где можно утонуть, там было предостаточно. Из обрывков рассказов Дэнни заключил, что сын Джейн тоже сунулся на лесосплав. (Джейн объяснила Дэнни: «Пемигевассет» в переводе с языка индейцев означает «роща кривых сосен»). Впечатлительный Бачагалупо-младший почему-то решил, что беда с сыном Джейн случилась именно там.)

Дэнни несколько раз пытался по обрывкам подслушанных разговоров составить более или менее ясную картину давней трагедии. Получалось плохо. Он даже не был уверен: погиб ли сын Джейн собственно во время лесосплава или же они с матерью куда-то плыли. Судя по тому, с какой нежностью посудомойка глядела на него, должно быть, и ее утонувшему сыну было не больше двенадцати. Спрашивать у Джейн он не решался. Вообще все, что он знал об индианке, являлось либо результатом его собственных молчаливых наблюдений, либо сведениями, почерпнутыми им из чужих разговоров.

– Слушай только те слова, которые обращены к тебе и тебя касаются, – предостерегал сына повар.

Он старался пресечь сыновнее любопытство и отучить мальчишку ловить обрывки взрослых разговоров.

По вечерам, после ужина, если не надо было идти в утреннюю смену на лесопилку или с утра вставать на качающиеся сплавные бревна, рабочие и лесорубы пили. Не так отчаянно, как во времена ваниганов, но пили. Те, у кого в Извилистом был свой дом, напивались дома. Сезонники, а ими были большинство американских лесорубов и все пришедшие канадцы, пили у себя в бараках, именуемых гостиницами. Оттуда было рукой подать до убогих баров и сомнительного танцзала. Название этому заведению дали неточное: там никто не танцевал. Просто слушали музыку и увивались за немногочисленными женщинами.

Семейные рабочие и лесорубы предпочитали жить в меньшем по размерам, но более «цивилизованном», по их мнению, Париже. Кетчум вообще отказывался называть это поселение Парижем и употреблял прежнее название – Западный Даммер.

– Никакой поселок – даже задрипанный лагерь лесорубов – нельзя называть именем промышленной компании, – утверждал Кетчум.

Более всего его оскорбляло, что компания эта – из чужого штата и делает какие-то там тобоганы.

– Боже милосердный! – воскликнул повар. – Вскоре все леса на Извилистой переведут на балансовую древесину – бумагу делать! Чем тобоганы хуже бумаги?

– Из бумаги делают книги! – провозгласил Кетчум. – А чем полезны тобоганы для образования твоего сына?

В Извилистом детей было совсем мало, и все они ездили в школу Парижа. В том числе и Дэнни Бачагалупо... когда он посещал занятия. Отец сам не гнал его в школу, считая, что для образования сына будет лучше, если он прочтет одну-две книги. В школе Парижа (или Западного Даммера, как не уставал напоминать Кетчум) за чтением детей не следили.

– Да кому в этом чертовом логове лесорубов важно, чтобы дети умели читать? – горячился Кетчум.

Сам он читать научился уже взрослым, и это обстоятельство до сих пор его злило.

В то время (как, впрочем, и сейчас) вдоль канадской границы существовали неплохие рынки для сбыта деловой и балансовой древесины. Северная часть Нью-Гэмпшира продолжает в больших количествах снабжать древесиной бумажные комбинаты этого штата и соседнего Мэна, а также мебельный комбинат в штате Вермонт. Ну а что касается прежних поселков лесозаготовителей – от них остались лишь ветхие воспоминания.

В таких местах, как поселок Извилистый, не менялась только погода. Все месяцы, исключая зиму, когда река замерзала, над ее беспокойными водами висел туман. Он наползал с вечера и расходился лишь к полудню. С лесопилок доносился скулящий визг пил – звук столь же привычный, как щебетание птиц. Но и пение пил, и пение птиц отступали перед непреложностью другого природного явления – отсутствия весны в этой части Нью-Гэмпшира. Здесь зима переходила в лето, которое начиналось с середины мая, когда полностью стаивал снег и подсыхала грязь на дорогах.

Как бы там ни было, но повар прижился в этих краях. Почему? Кое-кто в Извилистом знал почему. Некоторые (их было совсем мало) знали и то, почему он сюда приехал, когда приехал и из каких мест его принесло. У его хромоты была своя история, и вот ее-то знали почти все. В поселках при лесопилках и лагерях лесорубов хромые вроде Доминика Бачагалупо – не редкость. Бревна могут быть крупными и не слишком, но, когда они движутся, им ничего не стоит покалечить кому-нибудь лодыжку. Бывает хромота, заметная только при ходьбе. Хромоту повара замечали всегда. Ботинок на изуродованной ноге был на два размера больше, чем

на здоровой. Даже когда повар сидел или стоял, большой ботинок был как-то странно повернут. В поселке знали: такое увечье непременно связано с бревнами. А обстоятельства могли быть самыми разными.

Доминик покалечился, будучи подростком. Он считал, что был в те времена покрепче Эйнджела Поупа, но все равно «достаточно зеленым». Так он говорил сыну. Жил он тогда в Берлине и после уроков подрабатывал на погрузочной платформе одной из тамошних крупных фабрик. Мастером на фабрике был друг исчезнувшего отца. До начала Второй мировой войны этот так называемый друг часто мозолил Доминику глаза. «Дядя» Умберто запомнился ему алкоголиком, постоянно говорящим гадости про мать. (Даже когда с Домиником Бачагалупо случилось несчастье, беглый папаша не соизволил объявиться, зато «дядя» Умберто часто вел себя как настоящий друг семьи.)

В тот злополучный день на разгрузочной площадке лежали штабеля леса твердых пород – преимущественно березы и клена. Юный Доминик орудовал кантовальным крюком, постепенно раскатывая штабель и направляя бревна на распиловку. Неожиданно штабель рассыпался. Все произошло так быстро, что мальчишка не сумел увернуться. В 1936 году ему было двенадцать, столько, сколько его сыну сейчас. Он считал себя опытным и ловким, с кантовальным крюком обращался уверенно и даже ухарски. Сейчас Доминик ни за что и близко бы не подпустил своего любимого Дэнни к разгрузочной площадке – даже если бы сын одинаково виртуозно мог держать кантовальный крюк правой и левой рукой.

А тогда двенадцатилетний Доминик упал, и шарнирный крюк вонзился ему в левое бедро наподобие рыболовного крючка (только без зазубрины). Левую лодыжку вывернуло вбок и придавило рухнувшими бревнами, раздробив лодыжечную кость. Рана от крюка не угрожала смертельной кровопотерей, но в те дни умирали от заражения крови. В случае если эта смерть минует Доминика, оставалась угроза смерти от гангрены. Возможно, ему и здесь повезет, однако с ногой, скорее всего, придется расстаться. В лучшем случае ее ампутируют по голень, в худшем – целиком.

В 1936 году округ Коос не имел рентгеновских аппаратов. Медицинские авторитеты в Берлине не стали рисковать и пытаться собирать из осколков раздробленную лодыжечную кость. Тогда в подобных случаях обходились без хирургического вмешательства либо сводили его к минимуму. Такие травмы врачи относили к категории «поживем – увидим». Вариантов было два. Либо кровеносные сосуды порвались и сплющились: тогда кровь к лодыжке перестанет поступать и ногу придется ампутировать. Либо кровоток сохранился. В этом случае осколки костей постепенно срастутся, но Доминик Бачагалупо будет обречен всю оставшуюся жизнь хромать, ощущая боль в покалеченной ноге. Мальчишке повезло: судьба уберегла его от ампутации.

Кантовальный крюк оставил Доминику шрам на бедре. Шрам был похож на след от укуса маленького диковинного зверька, в пасть которого не поместилось все бедро и он сумел вонзить только один зуб. Покалеченная ступня была сильно вывернута влево, а пальцы торчали в разные стороны. Зачастую сначала в глаза бросалось уродство ноги, и только потом люди переводили взгляд на лицо хромого.

Отныне юному Доминику дорога в сплавики была навсегда закрыта. Для такой работы нужно твердо держать равновесие. И про работу на лесопилках и деревообделочных фабриках он тоже мог теперь забыть. Даже на той фабрике, где мастером был вечно пьяный «дядя» Умберто, друг его сбежавшего папочки.

– Слушай, Бачагалупо, – поддразнивал его тот, – у тебя же неаполитанская фамилия, а ты ведешь себя как сицилиец.

– Я и есть сицилиец, – важно отвечал Доминик, зная, как мать гордится этим обстоятельством.

– Пусть так, но фамилия у тебя неаполитанская, – гнул свое Умберто.

- Наверное, мне дали отцовскую фамилию, – высказывал догадку увечный мальчишка.
- Фамилия твоего отца не Бачагалупо, – сообщил «дядя» Умберто. – Спроси у Нунци,

откуда она выкопала эту фамилию.

Двенадцатилетнему Доминику не нравилось, когда Умберто, с презрением относившийся к его матери, называл ее Нунци – ласковым производным от Аннунциаты, допустимым только для близких людей. Умберто произносил это имя без всякой нежности. В фильме или пьесе Умберто наверняка был бы второстепенным персонажем, но лучшим актером, который бы его играл, оказался тот, кто считал бы, что ему поручена главная роль.

- Вы ведь на самом деле не мой родной дядя? – спрашивал у Умберто Доминик.

– Спроси у своей мамочки, – отвечал Умберто. – Если она хотела вырастить тебя сицилийцем, нужно было и фамилию свою дать.

Девичья фамилия матери была Саэтта. Аннунциата очень гордилась ею и произносила на сицилийский манер – Сазйта. С равной гордостью она говорила о своих родственниках.

О родственниках со стороны отца мальчишки она почти ничего не говорила. Скучные сведения (трудно сказать, правдивые или ложные) Доминику приходилось собирать по крохам: по оброненным вскользь словам, незначительным вроде замечаниям и тому подобному. Все это напоминало настольную детективную игру из детства Дэнни (со временем популярность игры только возросла). Повар играл в нее вместе с сыном. Третьим был Кетчум и изредка – Джейн. (Когда и кем было совершено убийство? Полковником Мастердом на кухне, где он убил злодея подсвечником? Или того застрелила мисс Скарлет прямо на балу?)⁸

Юный Доминик сумел лишь узнать, что его отец, уроженец Неаполя, бросил беременную Аннунциату Саэтта в американском Бостоне. По слухам, он сел на корабль и уплыл обратно в Неаполь.

- Где он сейчас?

Этот вопрос Доминик задавал матери очень часто. В ответ Аннунциата вздыхала, пожимала плечами и устремляла глаза либо к небесам, либо к вытяжке над кухонной плитой.

- *Vicino di Napoli*, – таинственно произносила она.

Доминик догадался, что это переводится «в окрестностях Неаполя». Несколько раз он слышал: мать во сне произносила названия двух не менее таинственных мест – Беневенто и Авеллино. Вооружившись атласом, он разыскал эти городки и узнал, что так же называются провинции. Значит, решил мальчишка, его отец сейчас находится в той части Италии.

Позже он утвердился в мысли, что Умберто никакой ему не дядя. По классификации Кетчума тот вполне тянул на звание «легендарного засранца».

- А откуда происходит имя Умберто? – как-то спросил он фабричного мастера.

- От короля! – грубо расхохотавшись, ответил Умберто.

- То есть это неаполитанское имя? – задал новый вопрос мальчишка.

– Да что ты прилип ко мне со своими расспросами? Двенадцатилетний сопляк, а врешь всем, что тебе шестнадцать! – вспыхнул рассерженный Умберто.

- Это вы велели говорить, что мне шестнадцать, – напомнил мастеру Доминик.

- А иначе, Бачагалупо, тебя не взяли бы на работу.

По совету Умберто он соврал, и его взяли на работу. Потом случилось несчастье на разгрузочной площадке, и Доминику пришлось стать поваром. Его мать, американка итальянского происхождения, которую из-за ее «позорной» беременности родня выпроводила из бостонского Норт-Энда⁹ в нью-гэмпширский Берлин, умела готовить. Дженнаро Каподилупо, узнав о беременности, бросил Аннунциату, сбежав в район доков, начинавшихся за Атлантик-авеню

⁸ Речь идет о настольной игре «Ключ» («Clue»), появившейся в США в 1949 г.

⁹ Старейшая часть Бостона, где люди начали селиться еще в первой трети XVII в. К началу XX в. Норт-Энд сделался средоточием итальянской общины города.

и Коммершел-стрит, откуда «отплыл в Неаполь» (если не буквально, то образно). А будущей матери пришлось отправляться в северный штат Нью-Гэмпшир.

«Засранец» Умберто был прав в одном: отец мальчишки не носил фамилию Бачагалупо. Как потом объяснила сыну Аннунциата, «Каподилупо» в переводе с итальянского означает «голова волка». Что оставалось делать матери-одиночке? Дженнаро умел виртуозно врать, и, как горестно замечала Аннунциата, ему куда лучше подошла бы фамилия Боккадалупо – «волчья пасть». Потом мальчишка не раз приходил к мысли, что такая фамилия подошла бы и «дяде» Умберто.

– Но ты, анджелу, – ты мой «поцелуй волка», – говорила сыну Аннунциата.

Родившемуся ребенку требовалась фамилия. Записывать его на свою мать не пожелала. Испытывая пылкую любовь к словам, Аннунциата Саэтта решила, что ее сын должен именоваться Бачагалупо – «поцелуй волка». Однако в ее произношении срединное «к» нередко звучало как «г». В церкви и детском саду решили, что это и есть фамилия мальчика, и внесли ее в документы. Так Доминик стал Бачагалупо.

Мать сокращенно звала его Дом, поскольку имя мальчика происходило от итальянского «domenica» – «воскресенье». Аннунциату нельзя было назвать ревностной католичкой, одержимой «католическим мышлением». Все итальянское и католическое в семье Саэтта как раз и изгнало молодую беременную женщину в заштатный городишко Нью-Гэмпшира. Родственники надеялись, что тамошние итальянцы будут присматривать за нею.

Может, родня ожидала, что Аннунциата отдаст ребенка приемным родителям, а сама вернется в Норт-Энд? Такое бывало. Аннунциата хоть и тосковала по итальянскому Норт-Энду, но расставаться с ребенком не собиралась. А вернуться туда вдвоем – подобного искушения у нее не возникало никогда. Это означало бы вторичное изгнание, и потому Аннунциате была ненавистна сама мысль о возвращении в Бостон.

В своей берлинской квартире Аннунциата оставалась сицилийкой, верной традициям, однако пресловутые «связующие нити» были непоправимо оборваны. Бостонская родня, итальянская община Норт-Энда, да и все, что олицетворяло «католическое мышление», отреклись от нее. В свою очередь, изгнанница тоже от них отреклась. Нунци не ходила к мессе и не заставляла ходить Доминика. Своему маленькому «поцелую волка» она говорила так:

– Довольно того, если мы сходим на исповедь... когда захотим.

Не стала она учить сына и итальянскому языку (кулинарный жаргон не в счет). Впрочем, Доминик тоже не стремился изучать язык «старой родины», хотя эти слова относились не к Италии, а к бостонскому Норт-Энду. То место и тот язык отвергли его мать. Доминик Бачагалупо решительно заявлял, что никогда не будет говорить по-итальянски и что в Бостоне ему делать нечего.

Оказавшись на новом месте, Аннунциата Саэтта начала строить жизнь заново.

Она говорила и читала по-английски ничуть не хуже, чем готовила сицилийские блюда. В Берлине Аннунциата работала учительницей начальной школы. После несчастья, случившегося с сыном, она забрала Доминика из школы и начала учить азам кулинарного искусства. Помимо этого, Аннунциата заставляла его читать книги: не только кулинарные, но и те, что читала сама (а сама она читала преимущественно романы). Она не стала подавать в суд за нарушение условий труда несовершеннолетних (тогда бы всплыла ложь Доминика насчет возраста). Аннунциата просто изъяла сына из социума и сама занялась его кулинарно-литературным образованием.

Кетчум о таком образовании мог бы только мечтать. Его знакомство со школой было кратковременным и окончилось гораздо раньше двенадцати лет. В 1936 году, когда ему было девятнадцать, парень не умел ни читать, ни писать. Он работал сплавщиком, а в межсезонье нагружал железнодорожные платформы готовыми лесоматериалами самой крупной деревооб-

делочной фабрики Берлина. Платформы требовалось грузить таким образом, чтобы они свободно проходили через туннели и под мостами.

– Это было верхом моего образования, пока твоя мама не научила меня читать, – с восторгом рассказывал он Дэнни.

Слушая друга, повар начинал качать головой, но спорить с очевидным фактом не мог: его покойная жена действительно научила Кетчума грамоте.

Среди удивительных и сомнительно правдоподобных истории Кетчума сага о его запоздалом обучении стояла особняком. Там не было захватывающего сюжета, как, например, в истории о бараке с низкой крышей. Барак этот находился в Первом лагере. По версии Кетчума, «один индеец» подрядился очищать крышу барака от снега, но к своей работе относился спустя рукава. Под тяжестью сугробов крыша не выдержала и рухнула. Спасти удалось лишь одному сплавщику. Индеец погиб еще раньше. Кетчум говорил, что он «задохнулся от густой вони мокрых носков». (Повар и его сын хорошо знали почти все вечные сетования Кетчума, в том числе и насчет вони от мокрых носков – этого проклятия, сопровождавшего жизнь в бараках.)

– По-моему, в Первом лагере не было индейцев, – только и сказал своему давнему другу Доминик.

– Ты слишком молод, Стряпун, чтобы помнить Первый лагерь, – усмехнулся Кетчум.

Дэнни Бачагалупо не раз замечал, как его отец раздражался при одном лишь упоминании о семилетней разнице в возрасте между ним и Кетчумом. Сам же Кетчум был склонен эту разницу преувеличивать. Но встретиться они в Берлине – эта разница оказалась бы непреодолимым барьером: Кетчум – девятнадцатилетний парень, успевший обзавестись косматой бородой, и двенадцатилетний сын Аннунциаты, еще не вошедший в подростковый возраст.

В свои двенадцать Доминик был сильным. Не слишком высоким, но ладно сбитым и жилистым. Он и сейчас оставался таким, хотя теперь ему исполнилось тридцать и он выглядел старше, особенно в глазах собственного сына. Дэнни считал, что отца старит излишняя серьезность. Стоило произнести в его присутствии слова «прошлое» или «будущее», как повар непременно хмурился. А что касалось настоящего, то даже двенадцатилетний Дэниел Бачагалупо понимал: времена меняются.

Дэнни знал, что увечье лодыжки навсегда изменило течение отцовской жизни. Другое несчастье, уже с матерью Дэнни, навсегда изменило его собственное детство, а жизнь отца снова круто поменялась. В мире двенадцатилетнего человека перемены не могли быть благоприятными. Любая перемена тревожила Дэнни, как тревожили его пропуски школьных занятий.

Не так уж давно, когда Дэнни с отцом приходилось работать и жить в ваниганах, мальчик не ходил в школу. То, что он не любил школу, однако всегда достаточно скоро наверстывал упущенное, тоже тревожило Дэнни. Все мальчишки в классе были старше его, поскольку прогуливали школу при первой же возможности и не стремились нагонять пропуски. Неудивительно, что они сидели в одном классе по два-три года.

Замечая тревогу сына, повар всегда твердил ему:

– Держись, Дэниел, и главное – не погибни. Обещаю тебе: в один прекрасный день мы отсюда уедем.

Но и эти слова добавляли тревоги в жизнь Дэнни Бачагалупо. Даже ваниганы были для него чем-то вроде дома. А здесь, в поселке на берегу Извилистой, у него имелась своя комната на втором этаже столовой, рядом с отцовской комнатой и ванной. Других комнат на втором этаже не было, зато эти три отличались просторностью и уютом. В каждой из них были окна на потолке и большие окна в стене. Из окон открывался вид на горы, предгорья и часть русла реки.

Подножия гор и холмов огибали многочисленные лесовозные дороги. Виднелись зеленые лоскуты лугов и делянки с посадками лесовозобновления. Там лесорубы высаживали хвойные и деревья твердых пород. Дэнни смотрел на окрестности из окна своей комнаты, и ему каза-

лось, что скалы и молодой лес – никудышная замена кленам, березам, елям, соснам нескольких видов, а также лиственницам и тсуге¹⁰. Двенадцатилетнему мальчишке думалось, что луга густо зарастут высоченными травами. На самом деле никто и не собирался уничтожать здешние леса. Их берегли, чтобы постоянно, год за годом, получать деловую древесину. Так было сейчас, и так будет в «этом вонючем двадцать первом веке», как однажды скажет Кетчум.

Сплавщик и лесоруб постоянно провозглашал, что некоторые вещи останутся неизменными.

– Американская лиственница всегда будет любить сырые места. Из древесины желтой березы всегда будут делать качественную мебель, а серой березой – топить печи.

Насчет того, что лесосплав в округе Коос вскоре будет ограничен маломерной балансовой древесиной длиной не более четырех футов, Кетчум предпочитал помалкивать. Он лишь бурчал, что с «маломерками» возни больше.

Неугомонный дух современности – вот что грозило изменить и лесосплав, и лесозаготовки и даже подвести черту под существованием поселков вроде Извилистого, сделав местную столовую и работу повара ненужной. Однако Дэнни Бачагалупо думал об этом по-своему: какая работа останется у отца, когда с Извилистой уедут все лесорубы и сплавщики? Не придется ли и ему с отцом перебираться в другое место? А куда отправится Кетчум?

Река Извилистая ничего не знала о мыслях взрослых и детей. Она просто текла, как всегда текут реки. И где-то под бревнами сейчас плыло тело юного канадца. Движущиеся бревна пихали его со всех сторон. В тот момент даже река казалась встревоженной. Должно быть, ей хотелось, чтобы тело погибшего парня не застряло ни под какой корягой, а продолжало плыть. Дальше и дальше.

¹⁰ *Тсуга* – хвойное дерево, растущее в США.

Глава 2

До-си-до

За кладовой с припасами у повара был чулан, где он хранил пару раскладушек, оставшихся еще со времен житья в ваниганах и работы на передвижных кухнях. Там же у Доминика лежало и два спальных мешка. Старые раскладушки и заплесневелые спальники отнюдь не были данью ностальгическим воспоминаниям о прежних днях. Иногда у Доминика в кухне ночевал Кетчум, а если Дэнни в это время еще не спал, то начинал неумолимо вымаливать у отца разрешение спать рядом с Кетчумом. Сын повара надеялся услышать какую-нибудь новенькую историю или уже знакомую, но сильно измененную. Правда, для этого требовалось, чтобы Кетчум был не слишком пьян.

В первую ночь после исчезновения Эйнджела Поупа под бревнами шел легкий снежок. Апрельские ночи были еще холодными, и потому Доминик зажег две духовки в кухонной плите. Одну он разогрел до трехсот пятидесяти градусов по Фаренгейту, а другую – до четырехсот двадцати пяти. Прежде чем идти спать, повар приготовил все необходимое для выпечки утренних лепешек, кукурузных оладий и бананового хлеба. Его французские тостики (из бананового хлеба) шли просто на ура. Не менее популярными были и блины. Поскольку в жидкое блинное тесто добавлялись сырые яйца, Доминик старался не хранить его в холодильнике более двух дней. А еще он почти каждое утро, буквально в последнюю минуту, когда все остальное для завтрака было готово, пек бисквиты на пахте. Их он сажал в духовку, разогретую до четырехсот двадцати пяти градусов.

У Дэнни были свои обязанности. Прежде чем отправиться спать, он чистил картошку, нарезал ее кубиками и закладывал на ночь в соленую воду. Утром отец поджарит эту картошку вместе с беконом. Жарка производилась на специальной сковородке. В стареньком «гарленде» та находилась над рашпером. При невысоком росте повара рашпер был как раз на уровне его глаз. Доминик переворачивал картошку особой лопаткой с длинной ручкой, а сам вставал на скамеечку. Однако все эти ухищрения не могли компенсировать ему неудобства, причиняемые покалеченной ногой. Неудивительно, что повар частенько обжигал руки, ненароком касаясь раскаленной решетки. Иногда ему помогала Индианка Джейн. С ее ростом и длинными руками у нее это получалось лучше, чем у Доминика.

Доминик поднимался рано: нужно было жарить бекон и выпекать лепешки. Когда Дэнни будил запах бекона и кофе, за окнами было еще темно. В сумраке по окнам пробегал свет автомобильных фар – это приезжали на работу женщины-подсобницы и посудомойка Джейн. По утрам рашпер газовой плиты почти всегда оставался раскаленным докрасна. Доминик плавил на нем сыр, которым поливал омлеты. Помимо вечерних обязанностей у Дэнни имелись и утренние: их он должен был выполнить до школы. Мальчишка резал сладкие перцы и помидоры для омлетов и подогревал на свободной конфорке большую кастрюлю с кленовым сиропом.

Внешняя дверь столовой одинаково скверно открывалась и закрывалась. Если дул ветер, она еще и гремела. Вторая дверь – дверь-ширма, открывавшаяся вовнутрь, – всегда вызывала настороженность у Дэнни Бачагалупо. По чисто практическим соображениям лучше, когда дверь открывается наружу. В кухне и так бывало достаточнолюдно и тесно, а дверь съедала пространство. Как-то давно на кухню пожаловал медведь. Ночь стояла душная, и убогую внешнюю дверь повар оставил открытой нараспашку. Медведь легко пробил головой тонкие доски двери-ширмы и пролез внутрь.

Дэнни тогда был слишком мал и сам ничего не помнил. Потом он часто просил отца рассказать ему эту историю. Это произошло еще при жизни его матери. Она как раз уложила

малыша спать и спустилась вниз, где они с мужем устроили себе поздний ужин. Вероятно, медведь был не прочь составить им компанию. Супруги ели грибной омлет, запивая его белым вином. Доминик объяснял сыну, что тогда у него была привычка выпивать и на ночь глядя его тянуло есть. (Теперь от этой привычки не осталось и следа.)

Увидев медведя, мать Дэнни закричала, отчего зверь встал на задние лапы и наклонил голову. Доминик к тому времени был уже достаточно пьян и не сразу сообразил, что к ним вломился медведь. Повар решил, будто какой-то пьяный косматый сплавщик посмел явиться на кухню и приставать к его прекрасной жене.

На плите стояла чугунная восьмидюймовая сковорода с длинной ручкой. Совсем недавно повар томил в ней грибы для омлета. Доминик схватил еще теплую сковороду и ударил зверя по морде. Удар пришелся прямо в переносицу. Медведь опрометью выскочил из кухни, размоловив дверь.

Рассказывая эту историю, повар всякий раз прибавлял:

– Конечно, дверь давно надо переделать. Она должна открываться наружу.

Если история рассказывалась сыну, Доминик произносил еще такую фразу:

– Я бы не решился ударить медведя чугунной сковородой. Я думал, то был человек.

– А что бы ты сделал с медведем? – допытывался Дэнни.

– Попытался бы договориться с ним по-хорошему. Это с людьми в подобной ситуации не договоришься.

Что скрывалось за словами «в подобной ситуации», Дэнни мог только гадать. Возможно, отец и впрямь вообразил, что защищает свою любимую жену от опасного человека?

После того случая сковорода заняла особое место в доме повара. На ней больше не жарили. Доминик отдраил сковороду и повесил на стенку у себя в комнате. Огнестрельного оружия у повара не было, и сковорода превратилась в холодное оружие на случай нового вторжения (звериного или человеческого) в кухню.

Доминик считал, что огнестрельное оружие ему ни к чему. Когда он был мальчишкой, его нью-гэмпширские сверстники сходили с ума по охоте на оленей. Доминик был лишен этого развлечения по двум причинам: во-первых, из-за покалеченной ноги, а во-вторых, поскольку рос без отца. Здесь кое-кто из сплавщиков и рабочих лесопилки охотился на оленей. Они приносили повару добычу, тот разделывал туши и часть мяса оставлял себе. Так что в столовой время от времени подавались блюда из оленины. Доминик не был противником охоты, просто сам он не любил ни мясо оленя, ни оружие. Повар видел повторяющийся сон. Он и Дэнни рассказал о нем. Доминику снилось, будто его убивают во время сна в собственной постели. Когда он просыпался, в ушах все еще звенел звук выстрела.

Итак, Доминик Бачагалупо держал у себя в комнате чугунную сковороду. На кухне хватало самых разнообразных сковородок, но восьмидюймовая лучше всего подходила для самообороны. Даже Дэнни, приложив некоторые усилия, мог замахнуться ею. Сковороды двенадцатидюймовые и в одиннадцать с четвертью дюймов все же больше годились для жарки, а в качестве оружия были слишком тяжелы. Наверное, и Кетчуму было бы трудно отбиваться ими от медведя или нахрапистого сплавщика.

В ночь после гибели Эйнджела Поупа под бревнами Дэнни Бачагалупо лежал у себя в комнате. Его комната находилась как раз над расхлябанной входной дверью. Она опять гремела на ветру. Помимо лязганья двери до ушей мальчишки долетал шум реки. Здание столовой стояло слишком близко к Извилистой, и голос реки звучал постоянно, если только она не была скована льдом. Скорее всего, Дэнни, как и отец, заснул слишком быстро и не услышал фырчания мотора. И свет фар не полоснул по окнам. Тот, кто сидел за рулем, умел ездить в кромешной тьме, ибо луна едва пробивалась сквозь облака. А может, водитель был просто пьян и забыл включить фары.

Дэнни показалось, что хлопнула наружная дверца. Земля, раскисавшая на дневном солнце, к ночи смерзлась и становилось твердой. А тут еще и снежок выпал. Дэнни засомневался: действительно ли он слышал звук хлопнувшей дверцы. Возможно, это ему приснилось. Но шаги снаружи дома были настоящими. Осторожными, крадущимися. «Наверное, медведь», – подумалось Дэнни.

У повара на дворе стоял мясной ларь. Крышка закрывалась на крепкий замок. Внутри хранилось молотое мясо для рагу, бекон и все остальное, что не влезало в холодильник. Вдруг медведь учуял мясо?

– Отец! – позвал мальчик.

Никакого ответа.

Медведю, как и людям, было трудноато открыть входную дверь. Дэнни слышал, как зверь царапает лапой и урчит.

– Отец! – снова крикнул Дэнни.

Повар тоже проснулся и сдернул со стены чугунную сковороду. Мальчишка выпрыгнул из постели. Как и отец, он спал в теплых кальсонах и носках. Но пол на втором этаже был очень холодным, и ноги зябли даже в носках. Повар и сын быстро спустились в кухню, едва освещенную запальниками газовой плиты. Доминик обеими руками сжимал ручку сковороды. Медведь (если это был медведь) к тому времени открыл входную дверь и всей грудью навалился на дверь-ширму. Пошатываясь, медведь вломился в кухню. В сумраке поблескивали его зубы.

– Угомонись, Стряпун. Это я, а не медведь, – сказал Кетчум.

Белая вспышка, которую Дэнни принял за блеск медвежьих зубов, оказалась новенькой гипсовой повязкой на правой руке сплавщика. Повязка была внушительной: от середины ладони почти до локтя.

– Простите, что напугал вас, парни, – добавил Кетчум.

– Закрой входную дверь, а то ты мне всю кухню выстудишь, – проворчал повар.

Сковороду он положил на нижнюю ступеньку лестницы. Кетчум не без труда пытался закрыть дверь левой рукой.

– Да ты еще и пьян, – поморщился Доминик.

– У меня только одна рука, Стряпун, и я, между прочим, не левша, – сказал на это Кетчум.

– Ты так и не протрезвел, – укоризненно покачал головой Доминик Бачагалупо.

– Думаю, ты помнишь, каково... после такого, – буркнул Кетчум.

Дэн помог ему закрыть входную дверь.

– Ты наверняка голоден, – сказал мальчик.

Рослый Кетчум левой рукой взъерошил ему волосы.

– Обойдусь без еды, – ответил сплавщик.

– Надо поесть. Это поможет тебе протрезветь, – возразил Доминик.

Повар открыл холодильник.

– У меня тут мясной рулет. Он и холодным идет неплохо. Могу полить яблочным соусом.

– Обойдусь без еды, – повторил сплавщик. – Стряпун, мне нужно, чтобы ты поехал со мной.

– Поехать? Куда? – спросил Доминик, но даже Дэн своим разумом двенадцатилетнего мальчишки понял, что отец лукавит, прекрасно зная, о чем идет речь.

– Ты знаешь куда, – коротко ответил Кетчум. – Я вот только не очень помню точное место.

– Пить надо было меньше, оттого и не помнишь.

Кетчум опустил голову, качнулся. Дэнни показалось, что сплавщик вот-вот рухнет на пол. Но он устоял. Потом Кетчум с отцом стали о чем-то вполголоса переговариваться. До мальчика долетали лишь обрывки фраз. Взрослые говорили скупно, взвешивая каждое слово. Сплавщик не знал, что именно известно Дэнни о смерти матери. Доминик опасался, как бы у Кетчума не вырвалось словцо или замечание, которое сыну слышать незачем.

- И все-таки, Кетчум, ты бы попробовал мясной хлеб, – снова предложил повар.
- С яблочным соусом – пальчики оближешь, – добавил его сын.

Сплавщик плюхнулся на табурет. Руку в гипсе он осторожно опустил на разделочный стол. Трудно было представить что-либо более несовместимое, чем резкий, состоящий из сплошных острых кромок Кетчум и эта хрупкая стерильная гипсовая повязка. Она смотрелась столь же нелепо, как протез руки. (Потеряй Кетчум руку, он предпочел бы пользоваться культей, орудуя ею, как палкой.)

Дэнни вдруг захотелось потрогать повязку, ощутить, каков он, гипс. Теперь, когда Кетчум сидел, это вполне можно было сделать. Даже пьяный, сплавщик угадал его мысли.

- Валяй трогай, – разрешил Кетчум, подвигая руку поближе к Дэнни.

На пальцах сплавщика оставалась не то смола, не то запекшаяся кровь. Они странно торчали из гипсового плена и не шевелились. Врач сказал Кетчуму, что в первые несколько дней ему будет больно шевелить пальцами. Дэнни осторожно ощупывал гипсовую повязку.

Повар отрезал другу щедрый ломоть мясного хлеба и обильно полил яблочным соусом.

– Могу налить молока или апельсинового сока, – предложил Доминик. – Или кофе сварю, если хочешь.

- Ну и скудный у тебя выбор, – сказал Кетчум, подмигнув Дэнни.
- Скудный, – повторил повар, качая головой. – Тогда я сделаю тебе кофе.

Дэнни хотелось, чтобы взрослые завели разговор о чем-нибудь. Он знал достаточно о жизни каждого из них, а вот о своей матери – очень и очень мало. В том, что было связано с ее смертью, любая мелочь была уместной и важной. Дэнни хотел знать о матери все, что только можно. Но его отец был человеком осторожным (или стал таким после гибели жены). Даже Кетчум, отдалившийся от собственных детей, был очень осторожен с Дэнни и всячески опекал мальчишку. Как, впрочем, и Эйнджела.

- Если ты будешь пьян, я с тобой никуда не поеду, – сказал повар.
- А я возил тебя туда, когда ты еле языком ворочал.

Чтобы не сболтнуть лишнего при Дэнни, Кетчум подцепил кусок мясного хлеба, обмакнул в яблочный соус и принялся жевать.

- Если тело не застряло под затормом, оно плывет медленнее бревен.

Доминик Бачагалупо стоял к другу спиной и, казалось, разговаривал не с Кетчумом, а с кофейником.

- Или, бывает, тело прицепится к какому-нибудь одиночному бревну.

Дэнни уже слышал подобные объяснения. Тогда они касались его матери. Ее телу понадобилось несколько дней – три, если быть точным, – чтобы доплыть от места гибели до створа плотины. Отец рассказывал мальчику: когда человек тонет, его тело вначале погружается в воду, а затем всплывает.

– По выходным плотины закрывают, – сказал Кетчум, имея в виду не только плотину Покойницы, но и Понтукскую плотину на Андроскогтине.

Он лишь учился есть левой рукой и потому ел непривычно медленно.

- Ну что, правда с яблочным соусом вкуснее? – спросил Дэнни.

Кетчум утвердительно кивнул, продолжая смачно жевать.

Кухня наполнилась ароматом кофе.

– Пожалуй, я мог бы заняться беконом, – произнес Доминик, обращаясь больше к самому себе, нежели к Кетчуму и сыну.

Сплавщик молча ел.

– Думаю, бревна уже добрались до первой плотины, – добавил повар, по-прежнему разговаривая как бы с самим собой. – Я имею в виду наши бревна.

– Я знаю, о каких бревнах и какой плотине ты говоришь, – отозвался Кетчум. – Да, бревна приплыли туда в то время, когда ты стряпал ужин.

– Значит, побывал у того коновала? – спросил повар, чтобы переменить тему. – Конечно, для наложения гипса особой гениальности не требуется. Но ты любишь рисковать.

С этими словами Доминик отправился к уличному ларю за беконом. В теплое пространство кухни ворвался шум реки.

– Это ты любил рисковать, Стряпун! – крикнул в темноту Кетчум и тут же спохватился, осторожно поглядев на Дэнни. – Когда твой отец выпивал, ему бывало хорошо.

– Бывало. На какое-то время, – сказал повар, вываливая пласт бекона на разделочную доску.

Дэнни повернул голову к отцу. Кетчум продолжал поглощать мясной хлеб. Когда он заговорил, то слова произносил с паузами и язык его слегка заплетался.

– Если тела плывут медленнее бревен, когда, по-твоему, Эйнджел достигнет места, название которого я все время забываю?

Дэнни попробовал сам прикинуть время, но и ему, и Кетчуму было понятно: повар уже произвел подсчеты и знал, когда окончится последнее путешествие юного канадца.

– В субботу вечером или в воскресенье утром, – объявил Доминик Бачагалупо, перекрывая голосом шипение бекона на сковороде. – Вечером я с тобой туда не поеду.

Дэнни бросил взгляд на Кетчума, предугадывая, какой ответ даст отцу рослый сплавщик. Для мальчишки это была самая интересная история и самая важная.

– А я, Стряпун, поехал тогда с тобой. Ночью, в темноту.

– Будет гораздо лучше, если воскресное утро ты встретишь совершенно трезвым, – сказал Кетчум повар. – Мы с Дэниелом будем ждать тебя там в девять часов утра.

«Там» – возле плотины Покойницы. Мальчишка знал, что взрослые избегали этого названия.

– Можем все поехать в моем пикапе, – предложил Кетчум.

– Я возьму Дэнни на тот случай, если ты окажешься не вполне трезвым, – пояснил повар.

Кетчум отодвинул пустую тарелку, уложил косматую голову на стол и принялся рассматривать гипсовую повязку.

– Значит, встречаемся на пруду лесопилки? – уточнил он.

– На каком еще пруду? – огрызнулся повар. – Плотина существовала, когда лесопилки не было и в помине. И почему то место называют прудом, если река там сужается?

– Ты же знаешь тамошних работяг, – презрительно бросил Кетчум.

– Плотины построили раньше лесопилки, – повторил Доминик, по-прежнему не произнося название плотины.

– Когда-нибудь вода разворотит эту плотину, и они даже не почешутся построить новую, – сказал Кетчум, глаза которого начинали закрываться.

– Когда-нибудь по Извилистой перестанут сплавлять лес, – заметил ему повар. – Тогда и плотина больше не понадобится. А вот Понтукскую плотину на Андроскогине, скорее всего, сохраняют.

– Не когда-нибудь, Стряпун, а скоро, – поправил его Кетчум.

Глаза сплавщика были закрыты, и он теперь лежал на столе. Повар осторожно убрал опустевшую тарелку. Однако Кетчум не спал. Он продолжал еще медленнее, чем прежде:

– По одну сторону плотины есть водослив. Вода там стоит... что-то вроде открытого колодца. И ограничитель там поставлен. Просто канат с поплавками, чтобы бревна не плыли дальше.

– Надо же, ты то место тоже крепко помнишь, – сказал Доминик.

Дэнни понимал, о чем шла речь. В том месте нашли тело его матери. Оно плыло ниже бревен. Должно быть, оно миновало ограничитель. Кетчум нашел тело в водосливе. И ни одного бревна рядом.

– Я только не совсем помню, как оттуда выбираться, – с некоторой досадой признался Кетчум.

Не открывая глаз, он медленно сгибал пальцы правой руки. Видимо, хотел дотянуться ими до гипса. Повар с сыном понимали: Кетчум проверяет, насколько он способен вытерпеть боль.

– Так я тебе скажу, – тихо произнес Доминик. – Нужно подняться на плотину или перейти по бревнам. Теперь вспоминаешь?

Повар ненадолго исчез и вернулся с раскладушкой. Он кивнул сыну, и Дэнни помог отцу расположить кровать подальше от духовок и не на проходе.

– Отец, я тоже хочу спать в кухне, – затынул знакомую песню Дэнни.

– А я думаю, что тебе нужно подняться к себе. Там тебе не будут мешать взрослые разговоры и ты быстро заснешь.

– Я хочу послушать взрослые разговоры, – заупрямился Дэнни.

– Они почти закончились, – шепнул ему на ухо повар и поцеловал его.

– И не надейся, Стряпун, – сонным голосом возразил Кетчум.

– Мне пора браться за выпечку, да и картошка подоспела.

– А я слышал, ты умеешь одновременно говорить и стряпать, – по-прежнему не разлепляя глаз, сказал Кетчум.

Повар сурово взглянул на сына, кивнув в сторону лестницы.

– Наверху холодно, – попробовал канючить Дэнни, но отец был непреклонен.

Мальчик поднялся на первую ступеньку, где лежала оборонительная сковородка.

– Дэниел, пожалуйста, захвати с собой сковороду и повесь на место.

Дэнни поплелся наверх, останавливаясь на каждой ступеньке. С кухни доносились знакомые звуки: отец месил тесто. Даже не глядя, Дэнни знал, чем именно сейчас занят повар: первым Доминик всегда месил тесто для бананового хлеба. Пока мальчишка вешал восьмидюймовую сковороду на стену, он насчитал шестнадцать разбитых яиц. Их содержимое отец вылил в специальный тазик из нержавеющей стали, где он месил тесто. Туда же отправились банановое пюре и дробленый арахис (иногда отец украшал готовые хлебцы печеными яблоками). Затем повар занялся тестом, соединив муку и прочие сухие компоненты с яйцами и маслом. Последними всегда добавлялись фрукты. По звуку Дэнни точно определял: сейчас отец смазывает жиром противни для кукурузных кексов. Но прежде чем выкладывать кексы, требовалось слегка посыпать противни мукой. Наконец Дэнни добрался до своей комнаты, вдыхая аромат бананового хлеба. Точнее, сладковатый запах муки из отрубей.

Он накрылся несколькими одеялами, почувствовав приятное тепло. Внизу поскрипывали дверцы духовок, внутри которых исчезали хлебцы, лепешки и кексы. Потом дверцы закрылись. Дэнни уже начал дремать, как вдруг открыл глаза и даже сел на постели, услышав совершенно незнакомый звук. Впрочем, внизу не случилось ничего страшного, просто отец волок спящего Кетчума на раскладушку. Дэнни даже не представлял, что у повара может хватить сил перетащить громадину-сплавщика. Поэтому он снова выскользнул из кровати, спустился вниз и застал как раз тот момент, когда Доминик накрывал храпящего Кетчума нераскрытым спальным мешком.

Повар ставил жариться картошку, когда Кетчум вдруг проснулся и заговорил:

– Пойми, Стряпун, я никак не мог позволить тебе взглянуть на нее. Нельзя было этого делать.

– Знаю, – коротко ответил повар.

Дэнни, замерший на лестнице, прикрыл глаза, чтобы мысленно увидеть историю, которую он знал наизусть... Кетчум, пьяный, идущий мелкими шажками по бревнам, добирался до маленького пруда возле водослива.

– Не вздумай сюда идти, Стряпун! – кричал он. – Слышишь? Ни по бревнам, ни по плотине.

Доминик смотрел, как Кетчум несет его мертвую жену вдоль заградителя.

– Вали от меня подальше, Стряпун! – кричал Кетчум, идя по бревнам. – Тебе нельзя на нее смотреть. Совсем нельзя. Она не такая, какой была!

Повар, который тогда тоже был пьян, сунулся в машину Кетчума и достал покрывало. Однако сплавщик и не собирался выходить на берег. Хотя и пьяный, он довольно крепко держался на ногах и продолжал семенить по бревнам.

– Открой заднюю дверцу пикапа! – кричал он повару. – Давай, Стряпун, расстилай там покрывало. А потом отходи прочь!

Когда Кетчум наконец выбрался на берег, Доминик уже стоял одинаково далеко от берега и от пикапа.

– Стой там, Стряпун, пока я ее не укрою, – велел ему Кетчум.

Не с тех ли пор у отца появилось это предостережение: «Держись, Дэниел, и главное – не погибни»? А может, те слова произнес Кетчум, когда укладывал мертвую мать Дэни в пикап и закутывал в покрывало. Во всяком случае, Доминик тогда послушно стоял в отдалении.

– Неужели тебе не хотелось на нее посмотреть?

Этот вопрос сын задавал отцу почти постоянно.

– Я доверял Кетчуму, – отвечал отец. – И тебе говорю, Дэниел: если со мной что-нибудь случится, ты ему тоже доверяй.

Дэни не помнил, как поднялся наверх, лег и заснул. Но сон был не слишком долгим. Его опять разбудили запахи. Теперь к аромату печеного теста примешивались ароматы мяса. Должно быть, отец вновь сходил к ларю и принес оттуда молотую баранину. Мальчишка лежал, не открывая глаз, и наслаждался кухонными запахами. Ему давно хотелось спросить у Кетчума: как лежала мама, когда сплавщик ее заметил? Лицом вверх или вниз?

Дэни оделся и спустился вниз. Он увидел, что отец тоже одет. Наверное, поднимался наверх, когда Кетчум окончательно захрапел. Повар умел делать три-четыре дела одновременно. Движения его были точными и экономными. В такие моменты его хромота становилась почти незаметной. Дэни представлял, каким ловким мальчишкой был отец в двенадцать лет. Бачагалупо-младший в свои двенадцать был мальчишкой одиноким, без друзей. И потому он часто мечтал о странных вещах. Например, о встрече с отцом, когда тот еще не повредил лодыжку.

Если вам двенадцать, четыре года кажутся долгим сроком. Столько времени отвели врачи на окончательное восстановление ноги Доминика Бачагалупо. Но Аннунциата знала: лодыжка ее любимого «поцелуя волка» заживет гораздо раньше. Уже через четыре месяца Доминик расстался с костылями. В тринадцать он был куда начитаннее пятнадцатилетних. Домашнее обучение приносило свои плоды. Как-никак Аннунциата работала учительницей и хорошо знала, сколько учебного времени тратится на всевозможные нравоучения, перемены, не говоря уже о каникулах. Избавленный от всего этого, Доминик успевал делать и тщательно проверять домашнее задание. К тому же у него оставалось достаточно времени на дополнительное чтение и изучение кулинарных рецептов.

Овладение поварскими премудростями давалось ему с трудом. Аннунциата понимала: сейчас его возьмут на работу разве что в какую-нибудь грязную забегаловку. Но для «мальчика на подхвате» нужно иметь обе здоровые ноги. Нет, ее Дом пойдет на работу не раньше, чем настоящему научиться готовить. А в повара его до шестнадцати лет все равно не возьмут. За эти четыре года Доминик успел перечитать массу книг и крепко освоил кулинарное искусство. Он научился ходить, не особо обращая внимания на увечную ногу, и теперь учился обращаться с бритвой.

В свои шестнадцать Доминик Бачагалупо встретил будущую мать Дэнни. Это произошло в 1940 году. Двухлетнюю учительницу работала в одной школе с Аннунциатой. Фактически Нунци их и познакомила, поскольку иного выбора у нее, можно сказать, не было.

Мария, двоюродная сестра Аннунциаты (и тоже из рода Саэтта), была замужем за человеком по фамилии Калоджеро – очень распространенной на Сицилии.

– Фамилия произошла от имени одного греческого святого, который умер на острове, – рассказывала сыну Аннунциата. – Эта фамилия всегда была связана с детьми, особенно с сиротами.

Сама Нунци произносила фамилию на сицилийский манер. От матери Доминик узнал, что существует и имя Калоджеро, которым нередко называют незаконнорожденных сыновей.

Доминик наравне с матерью очень чувствительно относился к участи незаконнорожденных и их матерей. Двоюродная сестра отослала свою беременную дочь в нью-гэмпширскую глушь. А ведь девушка была первой из женщин Калоджеро, окончившей колледж.

– Подумаешь, колледж! – кричала в телефонную трубку Мария. – Чему ее там научили? Отдаваться парням и растить пузо?

Разговор с бессердечной двоюродной сестрой Аннунциата пересказала сыну. Юный Доминик без дальнейших объяснений понял, почему беременную выпускницу колледжа послали именно сюда, в Берлин. Родственники его матери считали, что Аннунциата и «ее бастард» – подходящая компания для Розины. Аннунциата, обожавшая сокращать имена, превратила ее в Розу раньше, чем та приехала из Бостона в Берлин.

В те времена такое избавление от «семейного позора» было довольно частым явлением, характерным не только для бостонского Норт-Энда, выходцев из Италии и католиков. Клан Саэтта и Калоджеро посчитали, что «позорам» их семей лучше жить под одной крышей. У Аннунциаты появилась причина вдвойне ненавидеть свою бостонскую родню.

– Пусть это послужит тебе уроком, Дом, – сказала она сыну. – Мы не станем осуждать бедняжку Розу за случившееся с нею. Нет, мы будем любить ее такой, какая она есть.

За свою способность прощать Аннунциата была достойна похвалы. В 1940 году матери-одиночки весьма строго порицались американским обществом. Однако вряд ли стоило говорить шестнадцатилетнему парню, что он должен любить свою троюродную сестру такой, какая она есть. Здесь Нунци совершила опрометчивый поступок, заострив внимание сына.

– А почему она мне троюродная сестра? – удивился Доминик.

– Мы с Марией – двоюродные сестры. Значит, вы с Розой – троюродные брат и сестра. Впрочем, родство это весьма отдаленное. Можешь считать, что она нам почти чужая.

Но слова были произнесены и возымели свое неведомое и опасное влияние на шестнадцатилетнего увечного парня. Травма, лечение, учеба дома, не говоря уже о будущей кулинарной карьере, – все это лишило Доминика дружбы со сверстниками. Его время целиком было заполнено разнообразными делами, и он считался не подростком, а молодым человеком. Каким бы отдаленным ни было родство, «почти чужая» Роза заняла немалую часть мыслей Доминика.

Наконец Роза приехала в Берлин. Ничто в ее фигуре пока не говорило о развивающейся беременности. Но только пока.

Колледж Роза окончила со степенью бакалавра. У нее была слишком высокая квалификация, чтобы преподавать в начальной школе. Возможно, она нашла бы себе более подходящую работу, однако... когда у молодой женщины начинает зримо увеличиваться живот, ей нужно на время вообще уйти с работы и от неизбежных в таких случаях расспросов.

– Иначе нам придется подыскивать тебе мужа: фиктивного или настоящего, – сказала ей Аннунциата.

Роза была девушкой привлекательной (Доминик считал ее просто красавицей) и без труда нашла бы себе мужа. Но бедняжке и в голову не приходило отправиться в места, где можно познакомиться с молодыми людьми. Идти туда, будучи беременной?

Итак, четыре года подряд Доминик под руководством матери учился готовить. Он добросовестно записывал кулинарные рецепты, причем не ленился записывать разные их варианты. Даже учась, в чем-то он уже превосходил мать.

Накануне той ночи, пережившей его жизнь, он готовил обед на троих: для матери, Розы и себя. Доминик нашел работу в одной из берлинских закусочных, где его слава повара медленно, но неуклонно возрастала. Домой он возвращался раньше обеих женщин. Как-то незаметно он сделался главным поваром в их маленьком семействе. Исключение составляли выходные дни, когда Нунци сама вставала к плите.

В тот вечер, накрыв на стол и размешивая соус маринара, Доминик вдруг сказал:

– А я бы женился на Розе или хотя бы мог изображать ее мужа, пока она не найдет себе подходящего человека. Кому какое дело, настоящий я ей муж или нет?

Аннунциата посчитала эти слова милой и невинной юношеской болтовней. Она улыбнулась и обняла сына. На самом деле Доминик не представлял себе лучшей кандидатуры в мужа для Розы, чем он сам. «Изображать» было сказано просто так. Парень готов был по-настоящему жениться на ней. Разница в возрасте и отдаленное родство не являлись для него помехой.

На Розе подействовала не эта милая и не такая уж невинная болтовня. Наверное, она понимала: предложение троюродного брата нереально и противозаконно даже для такой глуши, как северная часть Нью-Гэмпшира. Бедняжку, находившуюся на третьем месяце беременности, потрясло то, что этот мальчишка, едва успевший познакомиться с ней, предложил выйти за него замуж. А тот чурбан, соблазнивший ее, ни разу не произнес ничего подобного, хотя на него и оказывалось известное давление.

Учитывая нрав мужчин в семьях Саэтта и Калоджеро, «давление» заключалось в многочисленных угрозах кастрировать мерзавца, а затем утопить. Мерзавец, однако, сумел благополучно улизнуть либо в Неаполь, либо в Палермо, так и не заикнувшись о женитьбе на Розе. Неожиданное и искреннее предложение Доминика было первым сделанным ей предложением. Оно так взволновало Розу, что она расплакалась прямо за столом, где Доминик сдабривал креветки соусом маринара. Ей было не до еды. Рыдая, Роза ушла в свою комнату и улеглась спать на голодный желудок.

Ночью Аннунциату разбудили странные звуки. У Розы случился выкидыш. Нунци не знала, воспринимать потерю ребенка как благо или как проклятие. Доминик Бачагалупо лежал у себя в комнате и слушал плач троюродной сестры. В туалете без конца спускали воду, потом стали наполнять ванну. Он догадался, в чем дело. Мать ласково утешала бедняжку:

– Роза, может, это и к лучшему. Теперь тебе не надо бросать работу. И мужа не надо искать: ни фиктивного, ни настоящего. Послушай меня, Роза, ведь *это* и ребенком-то еще нельзя было назвать.

«Что я наделал?» – удивлялся Доминик. Даже воображаемая женитьба на Розе вызывала у парня почти постоянную эрекцию. (Ничего удивительного, ведь ему было шестнадцать.)

Потом Роза перестала плакать. Доминик затаил дыхание.

– Как ты думаешь, Доминик слышал меня? – спрашивала у его матери Роза. – Наверное, я его разбудила.

– Он спит как убитый, – успокоила девушку Нунци. – Но ты сама понимаешь: в таких делах без шума не обходится.

– Он наверняка меня слышал! – всхлипнула девушка. – Я должна ему сказать!

Она вылезла из ванны и стала торопливо вытираться. Затем послышался топот ее босых ног.

– Утром я сама все расскажу Доминику, – пыталась остановить ее Аннунциата, но Роза не слушала, босиком шлепая в свою комнату. – Нет! Это ему должна сказать я!

Хлопнула дверь, скрипнула дверца шкафа, с глухим стуком упала вешалка, с которой Роза сорвала платье. Потом девушка вошла в комнату Доминика. Она не стала стучаться, просто открыла дверь, подошла к кровати и легла рядом с ним. Ее мокрые волосы коснулись его лица.

– Я слышал, как ты... – пробормотал Доминик.

– Со мною все будет в порядке. У меня еще родится ребенок. Другой.

– Это больно? – спросил он.

Доминик не отваживался повернуться к ней. Зубы он чистил несколько часов назад и опасался, что изо рта у него дурно пахнет.

– Пока я не потеряла ребенка, я даже не понимала, что хочу его.

Доминик не знал, какие слова говорят в таких случаях. А Роза продолжала:

– Мне еще никто не говорил таких прекрасных слов, как ты сегодня. Я этого никогда не забуду.

– Я их сказал не просто так. Я хочу на тебе жениться.

Роза обняла его и поцеловала в ухо. Девушка лежала поверх одеяла, Доминик – под одеялом, но его спина все равно чувствовала ее тело.

– Лучшего предложения мне не сделает никто, – прошептала его дальняя родственница.

– Думаю, мы могли бы пожениться, когда я стану чуть старше, – предположил Доминик.

– Может, и поженимся! – воскликнула Роза и снова обняла его.

«Она согласна выйти за меня или это только слова?» – терзался парень.

Аннунциата тем временем отмывала ванну. Она слышала голоса сына и Розы, но слов разобрать не могла. Более всего Нунци удивило, что ее сын-молчун вдруг разговорился. Потом до материнских ушей долетел возглас Розы: «Может, и поженимся!» Доминик говорил не умолкая. Голос Розы становился все тише, а монологи – все длиннее. Потом они оба, как парочка влюбленных, перешли на шепот.

Аннунциата продолжала остервенело скрести ванну. Она уже не задавалась вопросом, считать выкидыш, случившийся у Розы, благом или проклятием. Теперь это не имело значения. Нунци думала о самой Розе Калоджеро. Ее приезд к ним – благо или проклятие? Нунци пустила в свой дом симпатичную, смышленную и явно эмоциональную молодую женщину, которую бросил любовник и изгнала семья. Но подумала ли она, каким искушением явится двадцатитрехлетняя Роза для ее шестнадцатилетнего, начинающего созреть сына?

Аннунциата распрямилась, отряхнула колени и направилась в кухню. Дверь комнаты сына была приоткрыта. Доминик и Роза все еще шептались. В кухне Аннунциата взяла щепотку соли и бросила через плечо. Нунци так и тянуло нарушить эту страстную беседу. Она крепилась, крепилась и все же не выдержала.

– Роза, девочка моя, прости, что вмешиваюсь, – начала Аннунциата, выйдя в коридор. – Я ведь даже не спросила, захочешь ли ты теперь вернуться в Бостон.

Нунци старалась говорить ровным, бесстрастным тоном, чтобы Роза ни в коем случае не подумала, будто ей навязывают эту идею. Нет, Нунци только проявляет заботу и спрашивает о том, чего Роза, возможно, и сама желает. Тут шепот в спальне был прерван громким вздохом.

Роза почувствовала, что первым вздохнул прижавшийся к ее груди Доминик, а следом уловила и собственный вздох.

– Нет! – донеслось из комнаты, Роза и Доминик ответили хором, как будто предварительно репетировали.

«Явно не благословение», – подумала Нунци, услышав слова Розы:

– Я хочу остаться здесь, с тобой и Домиником. Хочу преподавать в школе. Я вообще не желаю возвращаться в Бостон.

«Я ее вполне понимаю», – думала Аннунциата, вспоминая собственные чувства.

– Я хочу, чтобы Роза осталась! – крикнул матери Доминик.

«Ты-то, конечно, хочешь!» – мысленно усмехнулась Аннунциата.

Семь лет разницы. Не ощутит ли потом ее сын, каково жить с женщиной, которая старше тебя? Следом явилась совсем уж нелепая мысль: вдруг начнется война и всех молодых парней заберут в армию?.. О чем это она? Какая армия? С такими увечьями, как у ее любимого «поцелуя волка», в армию не берут.

Рози Калоджеро осталась и успешно работала в школе. Молодой повар успешно работал в своей закусочной. Настолько успешно, что закусочная к подаваемым завтракам добавила блюда на ланч. За короткое время Доминик Бачагалупо своим поварским искусством значительно превзошел Аннунциату. Лучшее из блюд ланча он приносил домой, благодаря чему мать и троюродная сестра изысканно питались. Дома Нунци и Доминик иногда готовили вместе, но такое случалось все реже и реже.

Он делал мясной хлеб с вустерширским соусом и сыром проволоне и подавал горячим, со своим излюбленным соусом маринара, или холодным – с яблочным соусом. Доминик научился жарить обвалянные в сухарях куриные котлеты с пармезаном. По-итальянски это кушанье называлось «alla parmigiana». Мать рассказывала ему, что в Бостоне эти котлеты делают из телятины, однако в Берлине достать качественную телятину было трудно. (Доминик попробовал заменить телятину свининой – получилось не хуже.) Он изобрел собственное блюдо – баклажаны с пармезаном. Франкоканадцы, приехавшие в Берлин на заработки, понимали толк в баклажанах. А еще Доминик готовил баранью ногу с лимоном, чесноком и оливковым маслом. Нунци заказывала оливковое масло в одном из бостонских магазинов. Ее сыну понравилось добавлять это масло и к курятине, и к мясу индейки; то и другое он изумительно фаршировал смесью кукурузного хлеба и колбасы и сдабривал шалфеем. Доминик освоил несколько способов приготовления бифштексов, которые подавал с фасолью или жареной картошкой. Однако молодой повар не особо жаловал картошку, а рис просто терпеть не мог. Основным его гарниром были разные сорта макарон. Доминик просто варил их и подавал с оливковым маслом и чесноком, иногда – с горошком и спаржей. Он научился мастерски тушить морковь в оливковом масле, с добавлением черных сицилийских оливок и изрядного количества чеснока. Сам он не любил тушеную фасоль, но готовил ее для лесорубов и фабричных рабочих – в основном людей старшего поколения, успевших порастерять свои зубы и не евших почти ничего другого. (Нунци презрительно называла эту публику «пожирателями тушеной фасоли и горохового супа».)

Иногда Аннунциате удавалось достать фенхель, и они с сыном делали вкусную подливу из фенхеля и сладкого томатного соуса, куда добавлялись сардины. Консервированные сардины Нунци получала из другого бостонского магазина. Сардины были замечательной добавкой к блюду из макарон, когда все это запекалось в духовке до получения аппетитной коричневой корочки и посыпалось хлебными крошками. Доминик придумал несколько собственных рецептов пиццы. По пятницам в закусочной подавали пиццу без мяса. Мясо полагалось заменять рыбой, однако рассчитывать на свежую рыбу в Берлине не приходилось. Зато сюда по железной дороге привозили большие блоки замороженных креветок. Креветки можно было готовить без опаски. Разумеется, и пиццу с креветками, и все другие сорта пиццы Доминик щедро поливал соусом маринара. Все сыры: рикотта, романо, проволоне и пармезан – приходилось заказывать в Бостоне, равно как и черные оливки. Многие свои блюда молодой повар обильно посыпал петрушкой – даже заурядный гороховый суп. Он доверял словам матери, называвшей петрушку «чистым хлорофиллом». К тому же эта зелень хорошо отбивала запах чеснока и освежала дыхание.

Десерты, которые готовил Доминик, не отличались изысканностью и (к неудовольствию Нунци) отнюдь не были сицилийскими: яблочный пирог, черничный коктейль и сладкие куку-

рузные лепешки. Еще мальчишкой Доминик научился делать вкусное тесто, а яблоки и чернику в округе Коос можно было достать всегда.

Завтраки, которые он готовил, были еще более простыми и плотными: яичница с беконом, блины, французские тосты, кексы и лепешки. В те дни Доминик делал банановый хлеб только из побуревших, раскисших бананов. Переводить на хлеб доброкачественные бананы, по мнению его матери, было непозволительной роскошью.

В долине Андроскоггина, примерно посередине между Берлином и Миланом, находилась индюшачья ферма. Пользуясь этим обстоятельством, Доминик иногда готовил рагу из индейки с луком, перцем и минимальным количеством картошки. Такое рагу делалось и из солонины, однако Аннунциата была категорически против.

– Рагу из солонины – это пища ирландцев, – убеждала она сына.

Пьяница и «большой засранец» Умберто (он допился до смерти, когда еще шла Вторая мировая война) так ни разу и не попробовал еды, приготовленной сыном Аннунциаты. Его все раздражало, и в первую очередь – появление женщин-работниц на фабрике, которые смешили ушедших на войну мужчин. Женщины не выносили Умберто и требовали дать им другого мастера, что больно било по его самолюбию и создавало дополнительный повод для пьянства. Возможно, в пьесе или романе Умберто и впрямь оказался бы второстепенным персонажем, но в мыслях Доминика (и в последующих воспоминаниях) этот человек играл одну из главных ролей. Как и при каких обстоятельствах его отец подружился с Умберто? И не потому ли Умберто ненавидел Нунци, что та отказывалась спать с ним? Зная историю ее изгнания из Бостона, он, должно быть, считал ее женщиной доступной, которую легко соблазнить.

Проще всего было не терзаться догадками, а напрямую спросить у матери. Но Доминик как-то не отваживался это сделать. Потом спрашивать стало не у кого. Зимой сорок первого года Нунци заразилась от учеников гриппом. Организм не справился с болезнью, и она умерла.

Рози Калоджеро на тот момент было двадцать четыре года, а Доминику – семнадцать. Оба понимали: после смерти Аннунциаты прежней жизни в этой квартире уже не будет. Но никто из них не допускал и мысли о разлуке. Что же делать? Выход из затруднительного положения был только один. Будь Аннунциата жива, она бы его одобрила (а возможно, и одобряла, глядя на них с небес).

Доминик вторично солгал насчет своего возраста, и они с Рози официально поженились. Это произошло в весеннюю распутицу 1941 года, прежде чем по Андроскоггину пошел лесосплыв. Молодой паре не нужно было терзаться, думая, как и чем заработать на совместную жизнь. Доминик считался успешным и даже преуспевающим поваром, а Рози – если не преуспевающей, то вполне востребованной учительницей начальной школы. Впрочем, их обоих не интересовала карьера. Они были молоды (даже при этой разнице в возрасте), любили друг друга и не мечтали о «куче детей». Оба решили, что им хватит одного ребенка, который и появился на свет в марте 1942 года.

Дэнни родился в Берлине «еще до весенней распутицы» – так всегда говорил повар, словно весенняя распутица хронологически была точнее календаря. Почти сразу же после его появления трудолюбивые родители покинули этот фабричный город. Молодой повар терпеть не мог вонючие здешних бумажных фабрик. Вонь от целлюлозы постоянно оскорбляла его чувства. Конечно, можно было бы тешить себя надеждой, что рано или поздно война закончится и Берлин разрастется, изменившись до неузнаваемости. Но весной сорок второго года Берлин и так был достаточно большим, а вонючий в нем не убавилось. Так с какой стати надеяться, что через несколько лет ее станет меньше? Помимо запахов Доминика Бачагалупо одолевала не слишком приятные воспоминания, связанные с Берлином. Рози, памятуя свое изгнание из Норт-Энда, настороженно относилась к идее возвращения в Бостон, хотя семейства Саэтта и Калоджеро уговаривали молодых вернуться «домой».

Дети знают разницу между настоящей и показной любовью. Чувства униженной и изгнанной Аннунциаты передались ее сыну. Роза никогда не сетовала на обстоятельства, побудившие ее выйти замуж почти за мальчишку, но она с содроганием вспоминала все, что предшествовало ее отъезду в Берлин.

И теперь оба семейства уговаривали их переехать в Бостон. Уговоры эти падали на глухие уши. Прощение виделось фальшивым. Как же, теперь они женаты, у них законный ребенок. Но Доминик и Роза знали, как в семьях Саэтта и Калоджеро относились к беременным незамужним женщинам.

– Пусть прощают кого-нибудь другого, – заявила Роза.

Доминик, помнивший чувства матери, согласился. Все мосты на дороге в Бостон были сожжены. И не ими, а их родней. В этом молодая пара не сомневалась.

Нетерпимость к отклонениям от норм морали не была для Новой Англии чем-то новым, во всяком случае в 1942 году. И хотя большинство людей предпочли бы Бостон захолустному поселку на реке Извилистой, решения, принимаемые молодыми парами, чаще зависят от эмоционального состояния в данную минуту, нежели от продуманности и здравого смысла. Семья Бачагалупо понимала, что едет в захолустье с примитивно обустроенным бытом, но зато там не будет вони бумажных фабрик. До приезда Доминика повара в поселке, где жили лесорубы и рабочие лесопилки, менялись через каждые несколько месяцев. Школы в Извилистом тоже не было, зато имелась возможность открыть школу в соседнем поселке на реке Филиппс-Брук. Поселки разделяли всего несколько миль лесовозной дороги. По размерам Париж (в недавнем прошлом Западный Даммер) уступал Извилистому, но в нем ощущалось какое-то постоянство. Извилистый был грязнее и напоминал временный лагерь. Лесозаготовительная компания отказывалась строить там здание столовой, считая, что жители вполне обойдутся передвижной кухней и обеденными ваниганами. Однако все это ничуть не обескуражило Доминика и Розу Бачагалупо. Извилистый привлекал их перспективами новой жизни, хотя и отличающейся от городской.

Переезд не был спешным. Каждый из молодых супругов основательно подготовился к работе на новом месте. А потом молодой повар, молодая учительница и их совсем маленький сын поплыли по Андроскоггину до Милана. Дальнейший их путь лежал на северо-северо-запад, по лесовозной дороге до Понтукского водохранилища. Место, где Извилистая впадала в Понтук, тогда называлось просто тесниной. Лесопилку там еще не построили, а примитивная, неукрепленная плотина пока оставалась безымянной (плотиной Покойницы ее называли потом). Вспоминая те времена, Кетчум обычно говорил: «Затей тогда было меньше».

К новому месту жительства молодые супруги добрались, когда начало смеркаться, и комарье еще не так зверствовало, как вечером. Сейчас в Извилистом уже мало кто помнил их приезд. Хромой парень, его симпатичная жена, которая выглядела старше мужа, и их совсем маленький ребенок – все это казалось обнадеживающим знаком. Супруги приехали налегке. Весь основной багаж прибыл раньше и дожидался их под брезентом в кузове грузовика.

Кухня и обеденные ваниганы нуждались не просто в основательной уборке. Они требовали полномасштабной реконструкции. Так заявил повар, поставив это условием своей дальнейшей работы в Извилистом. А если компания хочет, чтобы он доработал здесь хотя бы до следующей весенней распутицы, пусть изволят построить нормальное здание столовой с нормальными жилыми комнатами на втором этаже для повара и его семьи.

Требования Розы были скромнее. Ей для школы вполне хватило одного классного помещения. Как-никак это был 1942 год. В Париже (в недавнем прошлом Западном Даммере) семьи с детьми школьного возраста можно было пересчитать по пальцам (в Извилистом хватило бы пальцев одной руки). Но это пока. Кончится война, мужчины вернутся домой, поселки начнут разрастаться, и тогда... Однако Роза Бачагалупо (урожденной Калоджеро) не суждено было ни увидеть вернувшихся с войны мужчин, ни учить их детей.

Молодая учительница погибла в мартовские дни 1944 года – вскоре после того, как ее сыну Дэнни исполнилось два годика. Матери он не помнил и знал ее лишь по хранившимся у отца фотографиям. Еще от нее остались книги с подчеркнутыми фразами и целыми абзацами (как и Нунци, Роза любила читать романы).

С тех пор в поведении Доминика появилась заметная отстраненность, отрешенность, а черты лица обрели какую-то меланхоличность. Его пессимизм отмечали даже не слишком проницательные люди. Казалось, он так и не оправился после трагической смерти своей двадцатисемилетней жены. Единственным утешением для него оставался любимый сын. Впрочем, Доминик Бачагалупо получил и то, о чем просил: еще при жизни Розы для него построили здание столовой с жилыми комнатами наверху.

Здесь не обошлось без помощи «Парижской промышленной компании». Жена одного из управляющих была проездом в Берлине. Она слышала о замечательном поваре, и ей не терпелось отведать его кулинарных изысков. Оказалось, что повар теперь работает в поселке лесозаготовителей и кормит людей настоящей едой, а не варевом. Но вот условия, в которых ему приходится готовить... Словом кухню ему оборудовали не хуже, чем в Берлине. Теперь собрать вещи и уехать было бы проявлением неблагодарности. И Доминик с сыном остались... на десять лет.

Конечно, не это было главной причиной. Кое-кто в Извилистом (и прежде всего Кетчум) знал настоящую причину, удерживавшую повара здесь. Доминик, овдовевший в двадцать лет, считал себя главным виновником гибели жены. Его жизнь на берегу Извилистой была чем-то вроде сурового покаяния. В этом он был не единственным (достаточно вспомнить Кетчума).

В 1954 году Доминику Бачагалупо было всего тридцать. Редко у кого из мужчин в таком возрасте уже есть двенадцатилетний сын. Доминик производил впечатление человека, давно смилившегося с судьбой. Он был настолько спокоен и невозмутим, что его приятие жизни многие ошибочно считали пессимизмом. Однако в его внимании и заботе о Дэннеле не было ничего пессимистического. Только из-за сына повар вечно сетовал на трудности и ограничения жизни в Извилистом, где до сих пор так и не построили школу.

А в школе на реке Филиппс-Брук, построенной «Парижской промышленной компанией», все еще пользовались тем, что осталось после Розы Бачагалупо. Качество преподавания было низким. В конце сороковых школу немного расширили, оборудовав несколько классов. Но хулиганский дух остался неистребимым. Всем заправляли ребята постарше, второгодники и третьегодники. Никто и не пытался их осадить: пожилая многострадальная учительница не обладала характером Розы. Великовозрастные оболтусы постоянно задевали Дэнни, и не только потому, что он жил в Извилистом и его отец хромал. Они не могли простить мальчишке, что речь его непохожа на их речь. Дэнни говорил правильно: он не проглатывал согласных и растягивал гласные, за что ему доставалось от парижского хулиганья. «Шантрапа Западного Даммера» – так называл их Кетчум.

– Держись, Дэнниел, и главное – не погибни, – твердил сыну повар. – Обещаю тебе: в один прекрасный день мы отсюда уедем.

Но даже эта отвратительная и небезопасная школа была единственной известной Дэнни школой. Сама мысль о том, что он перестанет туда ходить, наполняла тревогой душу Дэнниел Бачагалупо.

– Эйнджел Поуп... ну куда такому зеленому мальчишке валить деревья? И на ряжах¹¹ ему делать было нечего, – бормотал лежащий на раскладушке Кетчум.

¹¹ Прямоугольный сруб из бревен, заполненный внутри камнем. Ряжи служат опорами мостов, плотин, стен набережных и погрузочно-разгрузочных площадок.

Повар с сыном знали про обыкновение Кетчума говорить во сне, особенно после крепкой выпивки.

Ряж, построенный на берегу, вблизи лесовозной дороги, обычно делался чуть выше платформы лесовозов. Он служил двоякой цели: подъезжавшие сюда лесовозы могли разгружаться и нагружаться. Во втором случае ставили пандус и применяли лебедку (в прошлом конную, теперь – вращаемую трактором). Останься Эйнджел жив, Кетчум ни за что не пустил бы его на ряжи.

Дэнни Бачагалупо занялся своей утренней кухонной работой.

– Ему бы доски лепить. Согласен, Стряпун?

Повар машинально кивнул. Вопрос не требовал ответа, поскольку Кетчум по-прежнему спал.

Складированием досок (на жаргоне рабочих это называлось «лепкой») обычно занимались новички. Опасность покалечиться здесь была минимальной. Наверное, даже повар счел бы эту работу вполне посильной для Эйнджела. Доски укладывались слоями: слой вдоль, слой поперек. Слои разделялись деревянными рейками, чтобы воздух циркулировал и высушивал доски. Такой работой мог бы заниматься и Дэнни.

– Непрерывно возрастающая механизация, – буркнул Кетчум.

Если бы сплавщик захотел повернуться на другой бок, он шлепнулся бы на пол или опрокинул раскладушку. Но он неподвижно лежал на спине. Поврежденная правая рука покоилась на груди, а левая касалась пола. Он был чем-то похож на умершего моряка, приготовленного к погребению в пучине. Спальный мешок заменял традиционный в таких случаях флаг.

– Знакомая песня, – сказал повар, улыбнувшись сыну.

«Непрерывно возрастающая механизация» была больным местом Кетчума. К пятидесяти четвертому году в лесу начали появляться трелевочные трактора на резиновых шинах. Трелевку крупных деревьев теперь отдали им, а конным трелевщикам стали платить сдельно, учитывая заготовленную ими древесину в кордовых или досочных футах¹². Их работа все больше становилась вспомогательной: подтащить лес к трелевочной дороге и оставить для тракторов. На смену гусеничной технике приходила колесная. Кетчум понимал, что это заметно ускорило лесозаготовки. Но его натура не выносила ускорения.

Дэнни открыл расхлябанную входную дверь и вышел наружу помочиться. (Отец не одобрял подобных занятий, но Кетчум показал мальчишке всю прелесть отправления малой нужды на воздухе.) Еще не рассвело. Со стороны шумящей реки напал промозглый холодный туман.

– В задницу этих мотористов! – заорал во сне Кетчум. – И сраных трактористов тоже!

– Здесь ты совершенно прав, – согласился со спящим другом повар.

Когда Дэнни вернулся в кухню, Кетчум уже сидел на раскладушке. Должно быть, его разбудил собственный крик. Зрелище было довольно жутким: черные волосы и борода делали его похожим на жертву чудовищного пожара. На лбу особенно явственно проступал шрам, лампы дневного света придавали ему мертвенный оттенок. Кетчум щурился и оглядывался по сторонам, не совсем понимая, где находится.

– Не забудь послать в задницу и констебля Карла, – подсказал повар.

– Обязательно, – с готовностью согласился Кетчум. – Ковбой вонючий.

Шрам на лбу достался ему как раз от констебля Карла. В обязанность местного полицейского входило прекращать драки в танцзале и барах. Кетчум уже и не помнил, с кем он в тот вечер сцепился. В азарте потасовки он не заметил подошедшего Карла и не услышал требова-

¹² Американские единицы измерения объема древесины; в частности, один досочный фут (board foot) равен параллелепипеду с длиной и шириной в один фут и толщиной в один дюйм.

ния прекратить драку. Тогда констебль ударил Кетчума длинным дулом своего кольта сорок пятого калибра и поранил лоб.

Кетчум говорил, что в Нью-Гэмпшире с кольтом сорок пятого калибра (отсюда и прозвище Ковбой) могут ходить либо хвастуны, либо такие засранцы, как Карл.

Однако Дэнни Бачагалупо считал, что лучше уж получить дулом по лбу, чем пулю в ступню или колено. Этим способом Ковбой обычно утихомиривал разбушевавшихся канадских сезонников. После таких ранений забияки уже не могли работать в лесу и были вынуждены возвращаться в родной Квебек, чему констебль Карл только радовался.

– Я чего-нибудь говорил? – спросил у отца с сыном проснувшийся Кетчум.

– В этот раз твое красноречие было направлено на мотористов и трактористов, – сообщил ему Доминик.

– А пошли они в задницу, – выпалил Кетчум. – Я подамся на север. Подальше отсюда.

Он по-прежнему сидел на раскладушке и разглядывал гипсовую повязку. Кетчум смотрел на нее с ненавистью, словно на выросшую за ночь, но совершенно бесполезную руку.

– Конечно, – привычно ответил ему повар.

Дэнни стоял возле разделочного стола и резал сладкие перцы и помидоры для омлета. Кетчум постоянно обещал «податься на север». Его манили такие глухие углы Нью-Гэмпшира, как Милсфилд и Секонд-Грант-Колледж, являющиеся частью Великих северных лесов¹³, а также район Азискохосских гор, что тянулись к юго-востоку от Уилсонс-Миллс в штате Мэн. Однако консервативный сплавщик, вздыхавший по временам конной трелевки, знал: «непрерывно возрастающая механизация» доберется и до тех углов. Фактически уже добралась.

– И тебе, Стряпун, нужно валить отсюда. Сам знаешь, – сказал Кетчум.

В этот момент по окнам кухни полоснули автомобильные фары.

– Да, конечно, – все так же привычно ответил повар.

Доминик Бачагалупо и Кетчум постоянно говорили о необходимости уехать, но оба не двигались с места.

Мотор пикапа, в котором ехала индианка-посудомойка, перекрывал шум моторов других машин.

– Христозапор! – пробормотал Кетчум и наконец встал. – Джейн так и гоняет всегда на первой передаче?

Повар, все это время занятый у плиты, повернулся к нему:

– Кетчум, я нанимал ее работать на кухне, а не пикап водить.

– Само собой, – только и успел ответить Кетчум, поскольку в кухню вошла Джейн, а за ней и остальные кухонные работницы.

Дэнни в очередной раз удивился: из всех, кто открывал входную дверь, только Джейн делала это легко.

Кетчум свернул спальный мешок, сложил раскладушку и собирался отнести их в кладовку.

– Никак сплавщик на кухне? – удивилась Джейн. – Дурная примета.

– Брось болтать о приметах, – огрызнулся Кетчум, не глядя на нее. – Лучше скажи: твой муженек уже очурился или нам опять придется отложить торжество?

– Я за него не выходила и не собираюсь, – по обыкновению, ответила Джейн.

Индианка жила с констеблем Карлом, и это одинаково не нравилось повару и Кетчуму. Как и сплавщик, Доминик не питал никаких симпатий к Ковбою. Джейн жила с констеблем не так уж и долго, и по ее намекам можно было догадаться, что через какое-то время она от него

¹³ Лесной пояс, проходящий по территории штатов Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт и Нью-Йорк и уходящий дальше, в канадскую провинцию Квебек.

уйдет. Карл ее поколачивал. Повар и Кетчум не раз замечали у Джейн синяк под глазом или разбитую губу. Даже Дэнни видел кровоподтеки на ее руках, чуть выше локтей. Должно быть, пьяный констебль в припадке ревности тряс ее за руки.

– Я умею терпеть побои, – отвечала она на расспросы повара и Кетчума, хотя их внимание ей явно льстило. – Но пусть Карл не думает, что так будет всегда. Я терплю, терплю, а потом выдам ему за все.

Ее слова не были пустой угрозой. Джейн была рослой, крупной женщиной. Увидев Дэнни, она, как всегда, обняла мальчишку, прижав его к своему массивному бедру. Макушка головы Дэнни дотягивала до монументальных грудей индианки. Они выпирали даже из-под балахона, надетого, чтобы не замерзнуть по дороге. У нее были такие же черные волосы, как у Кетчума, только гораздо длиннее. Джейн всегда заплетала их в толстую косу, свисавшую до самого зада. Какие бы широкие и бесформенные брюки она ни надевала, скрыть свой широченный зад ей не удавалось.

На голове Джейн красовалась бейсбольная шапочка с эмблемой команды «Кливленд Индианс», в которой она прорезала отверстие для косы. Шапочку подарил ей Кетчум. Однажды летом, устав сражаться с комарами и слепнями, он решил поработать водителем лесовоза. Но шапочку он купил где-то достаточно далеко от Кливленда. (Дэнни считал, что шоферская пауза в жизни Кетчума случилась раньше, чем он объявил всех водителей лесовозов полными тупа-рями.)

– Раз ты индианка, эта шапочка как раз для тебя, – сказал Кетчум, вручая Джейн подарок.

С шапочки скалилось лицо краснокожего вождя Уаху¹⁴. Сама шапочка была синяя. Кто такой этот вождь, не знали ни Джейн, ни Кетчум.

Дэнни часто слышал историю о подарке: Джейн любила ее рассказывать. Иногда она снимала шапочку и позволяла мальчишке получше рассмотреть подарок Кетчума.

– Знаешь, когда Кетчум был помоложе, он был куда симпатичнее, – повторяла Джейн. – Конечно, не настолько симпатичным, как твой отец. И не таким, каким будешь ты, когда вырастешь, – обязательно прибавляла она.

Бейсбольная шапочка давно потеряла свой первоначальный вид, успев потускнеть и покрыться масляными пятнами. Дэнни помнил, как Джейн, будучи в особо хорошем настроении, в первый раз сняла шапочку и нахлобучила ему на голову. Козырек закрыл мальчишке глаза, а из дырки высунулись его непокорные волосы.

Дэнни ни разу не видел Джейн с распущенными волосами. А ведь с раннего детства она частенько нянчила его. Иногда отец уезжал в передвижные лагеря и готовил там в походных кухнях. Дэнни тогда был еще слишком мал, чтобы ездить вместе с отцом и ночевать в ваниганах. В такие вечера спать мальчика укладывала Джейн. Должно быть, индианка оставалась в здании столовой на ночь и спала в отцовской комнате.

Утром, когда Джейн готовила маленькому Дэнни завтрак, ее коса, как всегда, была заплетена, а на голову надета бейсбольная шапочка. Малыш терялся в догадках: неужели она вообще не расплетает свою косу? А может, Джейн и спит в шапочке? Тупо улыбающийся вождь Уаху казался ему кем-то вроде злого вездесущего духа.

– Что ж, дамы, не буду мешать вам работать, – сказал Кетчум. – Бог мне свидетель: не хочу ни у кого стоять на дороге.

– Уж тебе-то Бог свидетель, – проворчала одна из работниц.

Все они были женами рабочих лесопилки, и все они были толстыми, но не такими, как Индианка Джейн. Она превосходила их своими габаритами и к тому же не являлась женой констебля Карла.

¹⁴ Талисман команды «Кливленд Индианс», изображенный в типичной манере американских карикатур.

Констебль тоже был толстым. И широкоплечим, как Кетчум. На этом сходство кончалось: толстым Кетчум не был. И жестоким тоже. А Карл был. Дэнни казалось, все в поселке ненавидят Ковбоя, однако никто не согласился бы заниматься тем, чем занимался полицейский. Главным образом он разнимал драки и искал повод спровадить франкоканадцев назад, в их Квебек. Избранный им способ – стрелять по стопам и коленям – был жестоким, но действенным. Неужели кто-нибудь еще согласился бы стрелять людям по ногам и разбивать им головы дулом револьвера? Дэнни часто задавал себе этот вопрос. Мальчишку удивляло и другое: почему Джейн, которую он просто обожал, соглашалась жить со злым и жестоким Карлом?

– Здешняя жизнь требует определенных уступок, – так часто говорил повар.

Тот же вопрос Дэнни задавал и Кетчуму.

– Когда женщина теряет привлекательность, она думает, что уже никому не нужна. Только такие женщины и соглашаются жить с констеблем Карлом. Но с ним они теряют последние остатки привлекательности, и тогда он находит себе новых.

После такого объяснения Дэнни Бачагалупо внимательно присмотрелся ко всем теткам, работавшим у отца на кухне. Вот они точно потеряли всякую привлекательность. А Джейн хотя и была толще, чем они, но лицо ее по-прежнему оставалось миловидным. И волосы у нее были удивительными. Однако больше всего мальчишку завораживали (и одновременно пугали) огромные груди индианки. Он старался не думать о них, но как только его взгляд упирался в ее «горки», мысли тут же возвращались.

– Отец, а что, мужчинам у женщин больше всего нравится грудь? – как-то спросил он.

– Спроси Кетчума, – лаконично ответил повар.

Кетчума Дэнни спрашивать не стал. По его мнению, сплавщик был стар, чтобы интересоваться женской грудью. Кажется, он вообще уже не замечал, у кого какая грудь. Вряд ли его занимали женщины. От тяжелой работы и такой же тяжелой жизни он выглядел куда старше своих лет. Посмотришь – старик стариком (если не считать черных волос и черной всклокоченной бороды). А ведь ему было всего тридцать семь лет.

Сколько же тогда Джейн? Дэнни знал, что она на двенадцать лет старше отца. Значит, сорок два. Она тоже выглядела старше своих лет. В жизни и ей досталось, и не только от констебля Карла. Впрочем, двенадцатилетнему мальчишке все взрослые кажутся старыми или старше своих лет. Даже ребята в классе Дэнни были старше, чем он.

– Ты наверняка прохрапел всю ночь, – сказала повару Джейн.

Эту фразу она тоже говорила почти каждое утро. Потом индианка улыбнулась Дэнни, просунула голову в ляжку передника и отвела руки назад, чтобы завязать тесемки. От этого ее огромные груди выпятились и показались мальчишке просто гигантскими.

– Дэнни, а ты хорошо спал?

– Вроде выспался.

Мальчишке очень хотелось, чтобы сейчас в кухне не было ни отца, ни этих болтливых шумных теток. Тогда бы он спросил у Джейн о своей матери.

Отец рассказывал ему, как Кетчум вытащил ее тело из водослива. Наверное, потому и рассказывал, что друг не позволил отцу взглянуть на мертвую жену и повар не видел, насколько бревна изуродовали ее лицо. Однако отец никогда не рассказывал о самом происшествии. Во всяком случае, Дэнни не слышал от него даже намека на какие-либо подробности. Расспрашивать Кетчума тоже было бесполезно.

– Мы все были пьяны, – так обычно говорил сплавщик. – Я, твой отец... да и твоя мама тоже была выпивши.

– Я был пьянее всех, – непременно вмешивался Доминик.

Собственное пьянство породило в нем такое сильное чувство вины, что он вообще бросил пить. Правда, не сразу.

– Возможно, я был пьянее тебя, Стряпун, – иногда говорил Кетчум. – Ведь это я отпустил ее на лед.

– Нет, это я виноват, – гнул свое повар. – Я был настолько пьян, что тебе пришлось нести меня на руках.

– Не думай, что я этого не помню, – обычно отвечал ему Кетчум.

Однако ни отец, ни его друг не могли (или не хотели) говорить о том, что же именно тогда произошло. Вряд ли подробности стерлись из их памяти. Наверное, тут действовал какой-то внутренний запрет. Для них обоих было просто немыслимо рассказывать такие вещи ребенку.

О гибели матери Дэнни рассказала Индианка Джейн. Она в тот вечер не пила (она вообще не притрагивалась к спиртному). Сколько раз он просил, столько она и повторяла ему эту историю. Поскольку рассказы совпадали, Дэнни заключил, что Джейн говорила правду.

В тот вечер Джейн оставалась с Дэнни, которому совсем недавно исполнилось два года. Это был субботний вечер. Тогда в танцзале действительно устраивались танцы. Даже кадрили танцевали. Доминик Бачагалупо из-за своей хромоты танцевать не мог. Но его более взрослая жена (Кетчум называл ее «кузина Роза») любила танцевать, а повару нравилось смотреть, как она танцует. Роза была невысокого роста, худенькая и хрупкая, чем отличалась от большинства сверстниц в Извилистом и Париже. Рассказывая Дэнни эту историю, Джейн непременно говорила:

– Посмотришь на твою мать – девчонка девчонкой. Даже не верилось, что ей к тридцати. У нас таких женщин в ее возрасте не было.

Десять лет назад шла война, и ровесников Кетчума брали в армию. Джейн не знала, почему его не взяли. Возможно, потому, что на лесоповале, как и на фронте, тоже нужны были крепкие мужчины. А возможно, у него, помимо лба, недавно пробитого констеблем Карлом, хватало других увечий и призывная комиссия сочла его негодным. Впрочем, даже покалеченный лоб не мешал Кетчуму танцевать.

– Твоя мама научила Кетчума читать и танцевать, – неоднократно слышал от отца Дэнни.

Повар говорил об этом сухо, будто не имел собственного мнения на этот счет или не знал, какой из приобретенных навыков для Кетчума важнее. Фактически Кетчум был единственным танцевальным партнером Розы Бачагалупо. Он оберегал ее, как свою дочь (во всяком случае, во время танцев). Рядом с рослым Кетчумом хрупкая Роза и впрямь могла бы сойти за его ребенка, если бы...

Если бы не «знаменательное совпадение», как говорила Джейн. Кетчуму и матери Дэнни было по двадцать семь лет.

– Кетчум с твоим отцом любили вместе выпивать, – рассказывала Джейн. – Не знаю, почему мужчинам это нравится, но им это очень нравилось.

«Наверное, так им было легче откровенно говорить друг с другом», – думал Дэнни.

После случившегося отец прекратил пить, а Кетчум нагружался, как и в прежние годы. Может, поэтому их теперешние беседы стали сдержаннее? Даже Дэнни в свои двенадцать лет, слушая, как общаются отец и Кетчум, ощущал постоянную недоговоренность.

Кетчум утверждал, что индейцам пить нельзя: им потом уже не бросить и они быстро спиваются. Трезвость Джейн он считал проявлением здравого смысла. Однако констебль Карл пил изрядно. После закрытия танцзала и баров он быстро и остервенело напивался, отчего становился еще противнее и опаснее. Джейн возвращалась домой поздно. Она не позволяла себе уехать из столовой, пока все полотенца не будут выстираны и помещены в сушилку. Иногда Карл еще не спал, и тогда вся его злость обрушивалась на нее. Джейн хотелось только одного: лечь и поскорее уснуть. Ведь она вставала рано, а Ковбой вполне мог дрыхнуть до полудня.

– Я нарисую тебе картину, – обычно говорила Джейн сыну повара.

Он давно понял, что никаких картин рисовать она не умеет: посудомойке просто нравилось это выражение, и она употребляла его к месту и, чаще всего, не к месту.

– Твой отец не мог выпить столько, сколько Кетчум, но пытался не отставать. Твоя мама была в этом поразумнее, но и она, увы, пила еще как.

– Отец не мог выпить столько, сколько Кетчум, потому что он ниже ростом и меньше весит? – допытывался Дэнни.

– Вес тут ни при чем, – терпеливо объясняла ему посудомойка. – Кетчуму не раз приходилось тащить твоего отца на руках из танцзала сюда. А твоя мама продолжала танцевать вокруг них, выделявая свои миленькие до-си-до¹⁵.

(Интересно, улавливал ли когда-нибудь Дэнни оттенок зависти и сарказма, звучавший в словах Джейн, когда она говорила о «миленьких до-си-до» кухни Розы?)

Дэнни знал лишь, что «до-си-до» – это танцевальное па в кадрили. Как-то он попросил Кетчума показать ему «до-си-до», но сплавщик замотал головой и потом вдруг заплакал. Эту фигуру показала мальчику Джейн: сложив руки на своей фантастической груди, она прошла справа от него и встала спиной к спине.

Мальчишка попытался представить, как Кетчум несет его отца домой, а мама кружится вокруг сплавщика. Только вот как становиться спиной к спине на ходу?

– А Кетчум, когда нес отца, тоже танцевал? – спросил он у Джейн.

– Наверное, – пожала плечами индианка. – Меня там не было. Я с тобой сидела.

Потом, незаметно для себя, все трое почему-то оказались на берегу реки. Мать Дэнни перестала кружиться. Она остановилась и крикнула через замерзшую реку, обращаясь к горам на противоположном берегу. Когда Извилистая замерзала, эхо возвращалось быстрее и было громче.

– Почему так? – спрашивал Дэнни.

Джейн пожимала плечами. Она не задумывалась об особенностях зимнего и летнего эха.

– Они так орали, что даже здесь было слышно. Твоя мама кричала: «Я люблю тебя!» А твой отец, через плечо Кетчума, отвечал ей: «И я тебя люблю!» Кетчум не выдержал и тоже крикнул: «Дерьмо!» А потом стал орать: «Идиоты!» Твоим родителям это понравилось, и очень скоро они втроем горланили: «Идиоты!» Я думала, ты проснешься от их криков. Но в два года малыши спят крепко.

– Мама вышла на лед первой? – Этот вопрос Дэнни задавал Джейн всякий раз, когда она рассказывала о гибели его матери.

– До-си-до на голом льду – штука трудная. Да, твою маму первой потянуло на лед. Кетчум не желал отставать и двинулся следом. С твоим отцом на руках. А лед был голым. В лесу еще лежал снег, а с реки его сдувало ветром. Снега не было больше недели.

Сказав это, Джейн обязательно добавляла:

– Извилистая редко вскрывается ото льда так, как в тот год.

Пьяный повар не мог стоять, но ему тоже хотелось скользить по льду. Он потребовал, чтобы Кетчум поставил его на ноги. Кетчум опустил его на лед. У Доминика тут же разъехались ноги, и он шлепнулся на собственный зад. Тогда Кетчум поволок его наподобие живых санок. Мать Дэнни в это время порхала вокруг них, исполняя свои до-си-до. Если бы они не горланили, кто-нибудь из них троих обязательно услышал бы шум приближающихся бревен.

В те времена конные трелевщики старались спустить на лед как можно больше бревен. Ими было забито все русло между Малым Даммерским прудом и поселком. Бревна сваливали и в речки бассейна Извилистой. Иногда груз бревен первым проламывал лед на самом крупном из Даммерских прудов. Имевшаяся там плотина не всегда сдерживала напор. Но главное не

¹⁵ Основное танцевальное па в кадрили, контрдансе, польке и некоторых старинных танцах. «До-си-до» – искаженная форма французского выражения «dos-a-dos», что означает «спиной к спине».

это. Главное то, что первым вскрывался участок реки вверх от Извилистого. В марте сорок четвертого не выдержал Малый Даммерский пруд. Лед треснул на стремнине и пошел ломаться впереди несущихся бревен. Глыбы льда и вихляющие бревна двигались единым потоком.

Такое бывало каждую весну, но обычно лед вскрывался днем, когда светило солнце и воздух прогревался. Однако в 1944 году это произошло поздним вечером. А Кетчум катал повара по льду, и симпатичная жена повара, которая была «несколько старше» мужа, танцевала вокруг них обоих.

Всегда ли Джейн, рассказывая о том страшном вечере, добавляла эти слова – «несколько старше»? (Дэнни Бачагалупо не помнил, но зато он помнил, что ни один рассказ индианки о гибели его матери не обходился без упоминания о «знаменательном совпадении» возраста Кетчума с возрастом «кузины Розы».)

О завершающем эпизоде Джейн рассказывала более или менее одинаково. Ей надоело слушать пьяные вопли. Она открыла дверь кухни и уже хотела крикнуть подгулявшей троице, чтобы перестали орать, а то разбудят малыша. Джейн находилась выше русла реки и потому слышала грохот несущейся воды и бревен. Всю зиму ледяной панцирь и снег заглушали голос реки. И вдруг мартовским субботним вечером Извилистая заговорила вновь. Джейн захлопнула за собой дверь и побежала вниз, на берег.

На берегу уже больше никто не кричал «Идиоты!». Первые бревна с верховьев выкатывались на уцелевший лед. Казалось, скользкая поверхность добавляла им скорости. Часть бревен попала под лед. Какое-то время они плыли, скрытые от глаз, потом вдруг выскакивали на поверхность.

– Как торпеды, – обязательно прибавляла Джейн.

Когда она достигла берега, скопившиеся бревна крушили лед. Попадались глыбы величиной с легковую машину. Кетчум первым заметил исчезновение Розы. Только что она беззаботно кружилась, и вдруг ее заслонила высокая, как стена, ледяная глыба. Через мгновение над тем местом, где она стояла, сгрудились бревна. По ломающемуся льду и скользким бревнам Кетчум побежал к повару. Обломок, на котором сидел Доминик, медленно полз к открытой воде.

– Стряпун, она исчезла! Исчезла! – орал Кетчум.

Повар поднял голову и с удивлением увидел, как совсем рядом, проломив лед, возникло бревно.

– Кто? Розы? – машинально спросил он.

Сейчас он мог бы сколько угодно орать: «И я тоже тебя люблю!» Никакое эхо не провалось бы сквозь грохот ломающихся ледяных глыб и гулкие удары бревен. Кетчум взвалил повара на плечо и осторожно, на цыпочках, стал двигаться по бревнам к берегу. Иногда его нога вместо бревна попадала на льдину и проваливалась по колено в холодную воду.

– Идиоты! – Теперь уже Джейн кричала им с берега, обращаясь к двоим, а то и ко всем троим. – Идиоты! Идиоты!

Повар промок и озяб. Его трясло, и у него стучали зубы, однако Кетчум и Джейн понимали, что он говорил.

– Кетчум, она не могла исчезнуть... она не могла... взять и погибнуть!

– Но она погибла, Дэнни, – приступала к завершающему этапу рассказа Джейн. – Это случилось очень быстро. Быстрее, чем луна заходит за облако. Так и твоя мама исчезла в мешанине льдин и бревен... Когда мы вернулись в дом, ты проснулся и истошно орал. Таким я тебя больше никогда не видела, даже когда тебе снились страшные сны. Я посчитала это знаком. Видно, ты понял, что твоя мама погибла... Вы с отцом плакали в два голоса, и мне было вас никак не успокоить. А тут еще Кетчум. Когда я спустилась в кухню, он стоял возле стола. Его левая рука лежала на столе, а в правой он держал занесенный секач. «Не смей! – крикнула я ему. – Этим ты ее не вернешь!» А он стоял и пялился на свою левую руку. Но мне было не

до Кетчума. Я поднялась наверх. Потом я опять спустилась за чем-то в кухню. Кетчум ушел. Я облазила все углы. Думала, найду где-нибудь его оттяпанную руку. Мне очень не хотелось, чтобы ее нашел твой отец.

– Но ведь Кетчум не отрезал себе руку, – перебивал ее в этом месте Дэнни.

– Как видишь, – торопливо отвечала Джейн. – Протрезвел потом и, должно быть, ужаснулся тому, что мог натворить.

Иногда Дэнни замечал, как странно сплавщик поглядывает на свою левую руку. Особенно когда напьется. Минувшей ночью у него был такой же взгляд, когда он рассматривал гипсовую повязку. Если бы его видела Джейн, она бы усмотрела в этом знак. Сказала бы, что Кетчум до сих пор подумывает оттяпать себе левую руку. (Но почему левую? Это был еще один вопрос, озадачивающий Дэнни Бачагалупо. Кетчум – не левша. Уж если ты себя так ненавидишь, если считаешь, что виновен в гибели жены друга, так почему бы не оттяпать правую, основную свою руку?)

В кухне было тесно: там собралось несколько толстых женщин, худощавый повар и еще более худощавый сын повара. Невозможно было пройти, не сказав: «Посторонись!» – или не похлопав живую преграду по спине. Когда женам рабочих требовалось обойти Дэнни, они зачистую легонько шлепали мальчишку по задку. Случалось, кто-нибудь из теток шлепал по задку и его отца, но только если Джейн не видела. Дэнни заметил, что индианка часто оказывалась между поваром и работницами – особенно в узком проходе между плитой и разделочным столом. Пространство еще более сужалось, когда открывались дверцы духовок. На кухне были и другие тесные местечки, где повар и работницы старались не задеть друг друга локтями, однако проход между плитой и столом считался самым узким.

Джейн отправилась в зал – накрывать на столы. Кетчум вышел наружу – помочиться. Эта неистребимая привычка сохранялась у него еще со времен житья в ваниганах. В те «старые добрые времена» передвижных лагерей Кетчум любил будить лесорубов, направляя струю мочи на металлическую стену ванигана.

– Эй, проснитесь! Ваниган сносит в реку! – кричал он. – Боже, помоги! Он уже уплывает! Лесорубы просыпались, и на Кетчума обрушивался шквал забористой ругани.

Было у него и другое любимое развлечение. Кетчум брал сплавной багор и молотил им по стенкам спящего ванигана.

– Не открывайте дверь! Тут медведь! – орал сплавщик. – Он у меня на глазах уволок женщину. Боже, что творится!

Кленовый сироп в кастрюле достаточно подогрелся, и теперь Дэнни разливал его по графинчикам. У себя за спиной он слышал шумное дыхание одной из теток.

– Посторонись, красавчик! – хрипло произнесла женщина.

Повар в это время обмакивал банановые хлебцы в яичную глазурь. Подсобница поджаривала французские тосты, а другая, взяв лопатку, перемешивала баранье рагу.

Прежде чем отправиться на свое нескончаемое мочеиспускание, Кетчум подозвал Дэнни:

– Значит, в воскресенье, в девять утра. Напомни отцу.

– Мы обязательно приедем, – пообещал мальчишка.

– Что это за секреты у тебя с Кетчумом? – прошептала в ухо Дэнни Джейн.

Он и не заметил, когда она появилась из зала, и подумал, что опять стоит на дороге у какой-нибудь тетки.

– Мы с отцом обещали Кетчуму, что будем ждать его в воскресенье утром возле плотины Покойницы, – ответил Дэнни.

Джейн встряхнула головой. Ее коса, длиннее конского хвоста, взметнулась над ее могучим задом.

– Значит, Кетчум все-таки втравил его в это дело, – проворчала Джейн.

Козырек бейсбольной шапочки был низко надвинут, и глаз посудомойки Дэнни не видел. А на него, как всегда, скалился придурковатый вождь Уаху.

Незнакомый человек, зайдя он в кухню, не заметил бы ничего особенного. Однако Дэнни и индианка привыкли к этой «кухонной хореографии». Движения изо дня в день повторялись. Повар шел, держа поднос с горячими лепешками, и подсобницы проворно убирались с его пути. Одна из них опрокидывала формы с готовыми кексами в большую фарфоровую чашу. Невзирая на солидные габариты женщин (по сравнению с работницами повар и его сын оба выглядели мальчишками), никто никого не толкал.

В проходе между плитой, где на шести из восьми конфорок стояла либо кастрюля, либо сковородка, и разделочным столом спиной к спине встретились повар и Джейн. Дэнни не однажды видел их в таком положении. Но сегодня он уловил некоторые тонкости в их «танце», на которые прежде не обращал внимания. А еще он услышал, как они обменялись короткими фразами. Когда оба находились друг против друга, Джейн намеренно прикоснулась своим необъятным задом к спине повара (Доминик был ей по плечо, и ее ягодички упирались ему в середину спины).

– До-си-до, партнер, – сказала посудомойка.

Невзирая на хромоту, повар сохранил равновесие. Ни одна лепешка не упала с его подноса.

– До-си-до, – тихо ответил ей Доминик Бачагалупо.

Джейн обошла его и направилась дальше. Из присутствующих только Дэнни заметил этот странный танец. Наверное, будь здесь Кетчум, он бы тоже заметил. Но Кетчум стоял на дворе и, вероятно, до сих пор мочился.

Глава 3

Мир происшествий

Эйнджел Поуп сгинул под бревнами в четверг. В пятницу после завтрака Индианка Джейн отвезла Дэнни в школу, а затем вернулась в столовую.

Сегодня сплавщики укрощали бревна на подступах к плотине Покойницы. Повар с подсобниками приготовили четыре набора для ланча, два из которых предназначались сплавщикам, а два других – тем, кто разгружал лесовозы на трелевочной дороге между Извилистым и Понтукским водохранилищем.

И без гибели Эйнджела Поупа пятница бывала тяжелым днем. Всем не терпелось отдаться радостям уик-энда, хотя, как считал повар, уик-энды в Извилистом не отличались разнообразием. Бесконтрольное пьянство и обычные сексуальные оплошности, «не говоря уже о последующем замешательстве и стыде». Этот набор мудреных слов Дэнни Бачагалупо постоянно слышал от отца. С точки зрения Доминика, пятничные ужины были самыми прихотливыми. Многие франкоканадцы считали себя ревностными католиками и мяса по пятницам не ели. Для них повар готовил рыбную пищу. А для тех, кто не относился к числу «пожирателей макрели» (большинство сплавщиков, рабочие лесопилки и, конечно же, Кетчум), рыбная пища была скудной едой.

Довезя Дэнни до школы, Джейн заглушила мотор и слегка хлопнула мальчика по плечу. В лучшем случае удары школьной шантрапы приходились по этой части тела. Разумеется, удары более взрослых оболтусов были сильнее и больнее, и били его не только по плечам.

– Подбородок опусти, плечи расслабь, локти не расставляй, а ладони держи вблизи лица, – наставляла его Джейн. – Сделай вид, будто хочешь ударить по морде, а сам бей эту шваль прямо по яйцам.

– Знаю, – ответил ей Дэнни.

Он еще в жизни никого не ударил: ни по лицу, ни тем более по яйцам. Наставления Джейн обескуражили его. Наверное, эти советы исходили от констебля Карла. Впрочем, индианку никто не бил, за исключением самого полицейского. По мнению Дэнни, никто бы и не осмелился сцепиться с такой крупной женщиной. Возможно, даже Кетчум крепко бы подумал.

Дома Джейн всегда целовала Дэнни: и когда уезжала, и когда приезжала, и среди дня. Но в Париже она себе такого не позволяла, ограничиваясь легким похлопыванием по плечу или вообще словесным пожеланием удачи. Если бы юное отребье Западного Даммера увидело, как Индианка Джейн поцеловала Дэнни, ему бы от них досталось пуще прежнего. Но в эту пятницу, сидя в кабине ее пикапа, мальчишка на время забыл, где они находятся. Он ждал, что Джейн поцелует его. А еще ему хотелось задать ей какой-нибудь вопрос насчет матери.

– Дэнни, ты хочешь меня о чем-то спросить? – догадалась посудомойка.

– Ты... ты *досидошничает* с моим отцом? – спросил он.

Джейн улыбнулась, однако ее улыбка была натянутой, совсем не такой, как всегда. Индианка промолчала, что еще сильнее встревожило Дэнни.

– Не заставляй меня спрашивать об этом у Кетчума, – пригрозил мальчишка.

Теперь Джейн засмеялась, и ее улыбка стала почти прежней. (Вождь Уаху, как всегда, нагло паялился на Дэнни с бейсбольной шапочки.)

– Ты лучше спроси об этом у своего отца, – сказала она. – Не надо так волноваться, – добавила Джейн и опять хлопнула его по плечу, но уже чуть сильнее.

Дэнни молча вылез из кабины. Джейн окликнула его:

– У Кетчума не спрашивай.

«Мы живем в мире происшествий», – думал повар.

Кухня сегодня напоминала корабль, плывущий по штормовому морю. Никто заранее не сообщил Доминику, сколько какой еды и куда потребуется. Он прикинул свои возможности. Баранье рагу, оставшееся от завтрака, сгодится и для ланча. Для католиков он сварит суп с турецким горохом, а для остальных – сделает жаркое из оленины с морковью и сладким луком. Разумеется, он не забудет приготовить громадную кастрюлю тушеной фасоли и сварить извечный гороховый суп с петрушкой. Ну и кое-что еще, что расширяет стандартный рацион лесорубов и сплавщиков.

Одна из подсобниц жарила на сковороде сладкие итальянские колбаски. Повар постоянно напоминал ей: нужно дробить колбаски на мелкие кусочки, чтобы лучше прожарились. В это время другая работница запела «Ты отбей свое мясо лопаткой» на мотив навязшей в зубах песни «*Vaya con Dios*»¹⁶. Остальные тетki подхватили мелодию.

Вообще-то, кухонной «певице» следовало заниматься совсем другим делом – проверить качество дрожжей для теста будущей пиццы. Доминику требовалось, чтобы тесто начало подниматься прежде, чем они отправятся кормить рабочих (если вечером рыбной пиццы не хватит на всех набожных франкоканадцев, они опять закатят скандал).

Сам повар занимался приготовлением кукурузного хлеба. Этим хлебом, перемешав его с мясом колбасок, Доминик фаршировал цыплят, добавляя сельдерей и шалфей. Все это было, так сказать, подготовкой к ужину, которым он займется, вернувшись в столовую. Однако время в поварском искусстве столь же ценно, как и доброкачественные продукты. Повару всегда приходится готовить несколько блюд одновременно, точно зная, когда начинать заниматься каждым из них.

В кастрюле, где утром Дэнни подогревал кленовый сироп, повар варил мускатную тыкву, мякоть которой он впоследствии разомнет, смешает с кленовым сиропом и добавит немного сливочного масла.

Вместе с фаршированными цыплятами по пятницам Доминик подавал на ужин картофельную запеканку с напитком из мускатной тыквы. Это была любимая еда Кетчума. Зачастую сплавщик не брезговал и рыбной пиццей.

Доминику было жаль Кетчума. Действительно ли его друг верил, что воскресным утром они найдут на водосливе тело Эйнджела? Или Кетчум надеялся, что они вообще не найдут юного утопленника? Повар твердо решил: он не позволит Дэнни увидеть тело подростка. Более того, Доминик и сам не знал, хочется ли ему увидеть тело бедняги Эйнджела. Может, и лучше, если они вообще его не найдут?

Вода в кастрюле, куда повар влил пару унций уксуса, пузырилась и была готова закипеть. Обычно в воде с уксусом Доминик варил яйца-пашот. Их он подавал на завтрак вместе с бараньим рагу. Однако на выезде единственным приемлемым гарниром к рагу был кетчуп. Нежные яйца-пашот не выдерживали перевозки. На этот раз вода предназначалась для другой цели – стерилизации разделочных досок.

Одна из работниц готовила сэндвичи с беконом, оставшимся от завтрака, латуком и помидорами. У нее было обыкновение попутно есть приготавливаемую пищу. Жуя сэндвич, тетка не спускала глаз с повара. Чувствовалось, она что-то задумала. При заметных габаритах звали эту женщину Крошка. У нее было какое-то немыслимое количество детей. Вероятно, все свои жизненные интересы (если таковые у нее имелись) она потратила на потомство и у нее не осталось ничего, кроме неумного аппетита. (Кроме множества неумных аппетитов, как то представлялось Доминику.)

Другая работница – та, что никак не могла усвоить правила жарки итальянских колбасок, – тоже участвовала в задуманной проделке, поскольку и она все время поглядывала на

¹⁶ «*Vaya con Dios*» («Иди с Богом», *исп.*) – песня, написанная в 1953 г. Ларри Расселом, Инес Джеймс и Бадди Пеппером и на многие десятилетия ставшая хитом популярной музыки.

повара. Рот Крошки был занят сэндвичем, и потому проделку начала эта, другая. Ее звали Мэй. Она была толще Крошки и сейчас жила во втором браке. Дети Мэй от второго брака были ровесниками ее внукам – детям детей от первого брака. Это обстоятельство не давало покоя ни Мэй, ни ее второму мужу: оба находились в каком-то непрекращающемся унынии.

Доминик не понимал: ну что тут особенного? И почему все остальные должны выслушивать ежедневные сетования Мэй на превратности ее судьбы? Подумаешь, дети одного возраста с внуками!

– Да ты посмотри на нее, – как-то сказал ему Кетчум. – Эта клуша обязательно должна из-за чего-то кудахтать.

Наверное, его друг был прав. Тем временем Мэй, помахивая лопаточкой и покачивая толстыми бедрами (вероятно, она находила эти движения соблазнительными), произнесла томным, мурлыкающим голосом:

– Ох, Стряпун! Если бы ты женился на мне и готовил для меня свои удивительные кушанья, я бы забыла свою прежнюю несчастную жизнь.

Доминик орудовал скребком с длинной ручкой, отчищая разделочные доски. От горячей воды с уксусом у него слезились глаза. Подыгрывать дурацкой шутке Мэй у него не было никакого желания.

– Кажется, ты уже замужем, Мэй, – сказал он. – А потом, если ты выйдешь за меня, твои дети от третьего брака будут младше твоих внуков. Даже не представляю, как ты это переживешь.

Мэй оторопела, а повар подумал, что ему, пожалуй, не стоило наступать ей на большую мозоль. Однако Крошка, все еще жевавшая сэндвич, дико захохотала, отчего подавилась и стала задыхаться. Остальные работницы вопросительно глядели на Доминика, ожидая от него помощи.

Повар не растерялся. Он часто видел, как кто-нибудь из лесорубов или рабочих вдруг давился пищей и начинал задыхаться. Повар знал, что надо делать. Несколько лет назад он спас одну из «женщин танцзала». Та была пьяна и подавилась собственной блевотиной, однако Доминик сумел ей помочь. История стала знаменитой: Кетчум даже придумал название – «Как Стряпун спас Пам по прозвищу Норма Шесть». Женщина была ростом с Кетчума и такой же костистой. Доминик с помощью Кетчума сумел поставить ее сначала на колени, а затем на четвереньки, после чего применил импровизированный прием Геймлиха¹⁷. (Прозвище этой Пам не было случайным. По наблюдениям Кетчума, шесть бутылок пива были ее вечерней нормой, после чего она принималась за бурбон.)

Доктор Геймлих родился в 1920 году. Его прием был разработан около десяти лет назад, однако и в пятьдесят четвертом в округе Коос не знали об этом простом способе помощи подавившимся. Фактически Доминик открыл его самостоятельно. Он уже четырнадцать лет работал поваром и видел немало любителей поесть, давившихся пищей. Трое умерли у него на глазах. Известный способ – хлопнуть подавившегося по спине – помогал далеко не всегда. Способ Доминика – перевернуть подавившегося вверх тормашками и сильно трясти – тоже давал сбой.

Но однажды Кетчуму пришлось импровизировать, и Доминик увидел ошеломляюще успешный результат. Началось с того, что один пьяный сплавщик подавился. Он был слишком крупным и слишком драчливым. Как такого перевернешь вверх тормашками и начнешь трясти? Кетчум пытался заставить забияку опуститься на колени, а тот, невзирая на удушье, намеревался убить своего потенциального спасителя.

¹⁷ Способ удаления из дыхательных путей застрявшего там инородного тела. Разработан в конце 1940-х гг. американским врачом Генри Геймлихом.

Кетчум наносил удары по диафрагме забияки – сплошные апперкоты. На четвертом или пятом ударе сплавщик вдруг выплюнул большой непережеванный кусок баранины, который попал у него, как говорят, «не в то горло».

В дальнейшем повар изменил «метод Кетчума» и приспособил его к своему росту и менее агрессивному характеру. Доминик вставал сзади подавившегося и подсовывал свои руки под лихорадочно машущие руки жертвы. Сцепив пальцы, он резко надавливал на диафрагму. Этот способ всегда давал результаты.

Увидев, как Крошка замахала руками, Доминик быстро подошел к ней сзади.

– Боже! – вопила Мэй. – Стряпун, спаси ее!

На время она позабыла про своих детей и внуков.

Повар уперся носом в потную шею Крошки. Он с трудом мог сцепить руки – мешали ее большие обвислые груди. Их нужно было приподнять, иначе ему не добраться до ее грудной клетки. Но как только Доминик прикоснулся к грудям Крошки, она моментально обхватила его руки своими и с силой прижалась к нему задом. Крошка зашлась истерическим смехом: проделка удалась! Мэй и остальные тетki хохотали вместе с нею.

– Ох, Стряпун, знал бы ты, как мне это нравится, – стонала Крошка.

– Я всегда думала, что наш Стряпун из тех парней, которые любят вставлять сзади, – уверенно заявила Мэй.

– Ах ты, кобелечек, – ворковала Крошка, продолжая тереться о повара задом. – Мне так нравится, когда ты говоришь: «Береги корму!»

Доминик снял руки с ее груди и молча отошел.

– Знаешь, Крошка, мы не слишком большие для него, – вздохнула Мэй.

В ее голосе он уловил злые нотки. Плата за его замечание насчет ее детей и внуков.

– А может, мы не слишком индейские? – добавила Мэй.

Доминик даже не взглянул на нее. Крошка и остальные тетki предпочли отвернуться. Мэй остервенело помешивала лопаточкой баранье рагу. Доминик обошел ее и снял сковородку. При этом он ненароком коснулся пальцами ее пышных боков.

– Давайте собираться, – почти обычным тоном сказал повар и добавил, обращаясь к Крошке: – Вы с Мэй отправитесь к сплавщикам. Все остальные поедут со мной туда, где работают грузчики.

К Мэй он не обращался и не смотрел на нее.

– Ты же знаешь, туда не проехать. Это что же, нам с Крошкой пешком тащиться? – спросила Мэй.

– Ты мало ходишь пешком, – по-прежнему не поворачивая к ней головы, сказал Доминик. – А ходьба тебе очень полезна.

– Раз я делала эти чертовы сэндвичи, я их и понесу, – объявила Крошка.

– И баранье рагу прихвати, – сказал ей повар.

Кто-то спросил, нет ли среди сплавщиков «жутко католических» франкоканадцев. Может, Крошке и Мэй стоит отнести туда и несколько порций супа из турецкого гороха?

– Я не потащу суп на своем горбу, – отрезала Мэй.

– Пусть «пожиратели макрели» выковыривают мясо из сэндвичей, – предложила Крошка.

– Сомневаюсь, что среди сплавщиков есть «пожиратели макрели», – сказал Доминик. – Суп и жаркое из оленины мы заберем с собой. А если на лесосплаве вдруг объявятся рассерженные католики, скажете им, что это я во всем виноват.

– Это я им обязательно скажу, уж будь уверен, – пробурчала Мэй.

Она буравила повара глазами, но он не желал смотреть на нее. Когда они вышли из кухни, Мэй бросила ему:

– Стряпун, я слишком большая, чтобы не обращать на меня внимания.

– Скажи спасибо, Мэй, что я не обращаю на тебя внимания, – ответил повар.

Повар не ожидал увидеть среди рабочих, занятых погрузкой, Кетчума. Даже с покалеченной рукой Кетчум оставался более умелым сплавщиком, чем кто-либо другой.

– Докторишка велел мне не мочить повязку, – объяснил Кетчум.

– А почему ты думаешь, что на сплаве ты бы ее намочил? Не помню, чтобы ты падал на бревнах.

– Мне, Стряпун, вчерашнего хватило.

На работах не обошлось без происшествий. Лошадь повредила ногу. С тракторной лебедки сорвало трос. Один из франкоканадцев, работавших на ряжах, лишился пальца.

– Пятница, – сказал Доминик, словно этим объяснялись все нелепые происшествия, случившиеся за день. – Кстати, для тех, кто соблюдает пятницу, мы привезли суп из турецкого гороха.

Кетчум заметил напряженность в жестах и голосе своего друга.

– Стряпун, у тебя что-то случилось?

– Крошка с Мэй решили подшутить надо мной.

Доминик рассказал ему все, что было на кухне, включая и язвительное замечание насчет Джейн.

– Ты лучше расскажи об этом Джейн, – предложил Кетчум. – Если она узнает, Мэй долго будет не до деток с внучатами.

– Вот потому я и не хочу ей рассказывать.

– А видела бы Джейн, как Крошка прижимает твои руки к своим титькам, она бы и этой курице вломила как следует.

Доминик Бачагалупо это знал. Мир был опасным местом. Повара не интересовало, сколько счетов ежеминутно сводилось в мире. В юности Кетчум лихо расправлялся со своими обидчиками. Он и сейчас это может. И раздумывать особо не станет.

– Сегодня на ужин будет фаршированный цыпленок и картофельная запеканка, – сообщил повар.

Рослый сплавщик тоскливо вздохнул.

– У меня вечером свидание, – сказал он. – Не судьба мне сегодня есть фаршированного цыпленка.

– Свидание? – поморщился повар.

Он никогда не считал встречи Кетчума с «женщинами из танцзала» свиданиями. С недавних пор сплавщик стал захаживать к Пам Норме Шесть. Одному Богу известно, сколько они могли выпить вдвоем! После спасения Пам Доминик испытывал к ней определенную симпатию, однако с ее стороны ответной симпатии не было. Возможно, Пам даже сожалела, что ее спасли.

– Ты все еще встречаешься с Пам? – спросил повар у своего изрядно пьющего друга.

Кетчуму почему-то не хотелось говорить об этом.

– Стряпун, а это плохо, что Мэй знает про вас с Джейн. Тебе бы не мешало подсуетиться.

Доминик не ответил. Он повернулся, чтобы посмотреть, чем заняты подсобницы. В ванигане имелася портативная газовая плита, и потому суп и жаркое никому не придется есть остывшими. На раскладном столе уже были расставлены большие миски с поварешками. Каждый рабочий заходил в ваниган со своей миской и ложкой.

– Что-то ты очень спокоен, Стряпун, – продолжал Кетчум. – Если Мэй знает про Джейн, знает и Крошка. А если знает Крошка, знают и все кухонные тетки. Даже я знаю, но меня ваши дела не касаются.

– Спасибо за предостережение, – отстраненно ответил Доминик.

– Я тебе что втолковать пытаюсь? Вся штука в том, как скоро про вас узнает констебль Карл.

Кетчум опустил на плечо друга руку в гипсовом панцире.

– Взгляни на меня, Стряпун. – Здоровой рукой Кетчум потрогал шрам на лбу. – Моя голова прочнее твоей. Думаю, тебе лучше, чтобы этот Ковбой ничего не знал про вас с Джейн.

Доминику захотелось переменить тему, и он чуть не спросил друга, с кем тот встречается. Но на самом деле повар не жаждал знать, кого трахает Кетчум. Особенно если это не Пам Норма Шесть.

Джейн все чаще и чаще возвращалась домой совсем поздно, когда констебль Карл уже отрубался после вечерней дозы спиртного. И на работу она уезжала рано, а он еще спал. Опасность, конечно, существовала, но только в те вечера, когда посудомойка возвращалась раньше обычного. Однако даже такой непросыхающий выпивоха, как Карл, рано или поздно мог догадаться про их отношения. Или кто-нибудь из подсобниц проболтается мужу. В отличие от сплавщиков и лесорубов рабочие лесопилки не очень-то благоволили повару и Джейн.

– Я понял твой намек, – сказал Кетчуму повар.

– Дерьмово это, Стряпун. А Дэнни знает про ваши отношения?

– Я собирался ему рассказать.

– Собирался, – передразнил его Кетчум. – Объяснить тебе разницу, что бывает, когда ты собирался надеть презерватив и когда ты его все-таки надел?

– Я понял твой намек, – повторил Доминик.

– Значит, в воскресенье, в девять утра, – сказал Кетчум.

Скорее всего, «свидание» Кетчума растянется на две ночи подряд. Тут уж пахнет настоящей попойкой.

В Извилистом бывали вечера, которые повар охотно бы скрыл от глаз и ушей своего сына, – субботние вечера. Время, когда почти весь поселок словно сходил с ума и погружался в буйное пьянство, а мужская часть была готова волочиться за каждой женской особью и отчаянно лупить друг друга, если особей не хватало. Для глуши, где люди постоянно живут в соседстве с опасной рекой и занимаются опасной работой, субботние сумасшествия были чем-то вроде индульгенции, заслуженной пятью днями тяжелого труда. Призывать их вести себя осмотрительнее – занятие глупое и бесполезное.

Доминик Бачагалупо, трезвенник и вдовец, не участвовал в общем сумасбродстве и не таскался за женщинами, однако терпимо и сочувственно относился к поведению жителей Извилистого, неистово разрушавших собственное здоровье каждый субботний вечер. Правда, к Кетчуму он был суровее, чем к любому другому пьянице и искателю непотребств. Кетчума он считал умнее и опытнее прочих и потому не столь снисходительно относился к выходкам своего друга. Но смышленный двенадцатилетний мальчишка (а Дэнни был смышленным и вдобавок наблюдательным) понимал: отцовская нетерпимость к сумасбродствам Кетчума имеет и еще какую-то причину. И если Индианка Джейн не выгораживала Кетчума перед отцом, юный Дэнни стремился его защитить.

Субботним вечером тело Эйнджела, наверное, уже достигло плотины Покойницы. Поскольку человеческие тела плывут на большей глубине, нежели бревна, изуродованное тело подростка, скорее всего, миновало канатные заграждения. В таком случае тело незадачливого канадца вода будет кружить (по часовой стрелке или против) и прибьет его либо к правому, либо к левому краю главной плотины: там, где водосливы. А живой и здоровый Дэнни Бачагалупо в это время помогал отцу вытирать столы после ужина. Подсобницы уехали домой. Джейн отскребала последние кастрюли и сковородки, ожидая, когда стиральная машина выстирает и отполощет полотенца, которые она потом запихнет в сушилку.

На субботний ужин в столовую приходили целыми семьями. Некоторые главы семейств успевали хорошо приложиться и за ужином скандалили со своими женами. Те из жен, кому требовалась разрядка, выплескивали злость и досаду на детей. Кого-то из рабочих вырвало прямо в умывальной. Под самый конец ужина в столовую явились двое пьяных сплавщиков и потребовали, чтобы их накормили. Спагетти с фрикадельками (их повар готовил преимущественно для детей) успели остыть и затвердеть. Репутацией своей повар дорожил, а потому сварил запоздалым гостям макаронные перья, добавив к ним немного сыра рикотта и гораздо больше своей извечной петрушки.

– А ведь вкусно, черт бы тебя подрал! – заявил один из пьянчуг.

– Стряпун, как эта штука называется? – спросил другой.

– *Prezzemolo*, – ответил Доминик.

Итальянское слово, произнесенное важно и торжественно, подействовало на сплавщиков не хуже очередной порции пива. Повар заставил их повторять это слово, пока они не научились произносить его правильно, с ударением на втором слоге.

Джейн сердито морщилась. Ничего экзотического в этом слове не было – так по-итальянски называлась обыкновенная петрушка.

– Стоило хлопотать из-за двух пьяных сосунков! – ворчала она.

– А ведь Кетчума ты бы оставил без ужина, если бы он опоздал, – укоризненно заметил отцу Дэнни. – Кетчуму ты такое не прощаешь.

Как бы то ни было, сплавщиков накормили, и они, довольные, удалились. Повар, Дэнни и Джейн заканчивали свои обычные уборочные дела, как вдруг хлопнула входная дверь, возвещающая о появлении еще одного запоздалого едока.

Джейн находилась в кухне и не видела, кто пришел. В столовую ворвалась струя холодного воздуха.

– Раньше надо было приходиться! – крикнула она. – Ужин окончен!

– А я и не голодна, – ответила Пам Норма Шесть.

Вид у Пам действительно был не голодный. Обычный вид женщины, у которой костей было значительно больше, чем мяса на них. Ее вытянутое лицо, чем-то напоминающее морду хищника, и плотно сжатые губы свидетельствовали скорее об излишнем потреблении пива, нежели о переедании. Между тем она была достаточно рослой и широкоплечей, и рубашка Кетчума из теплой шерстяной фланели не висела на ней, как на вешалке. Прямые светлые волосы с проседью были чистыми, но неухоженными, как и сама Пам. В руках она держала фонарик размером с полицейскую дубинку (Извилистый не мог похвастаться уличным освещением). Даже рукава рубашки Кетчума вполне подходили ей по росту.

– Надо думать, ты убила Кетчума и завладела его одеждой, – настороженно глядя на женщину, сказал повар.

– Кстати, Стряпун, с моим горлом все в порядке. Я ничем не подавилась, – сообщила ему Пам.

– Не зарекайся, Норма Шесть! – крикнула ей из кухни Джейн.

Должно быть, решил Дэнни, они хорошо знакомы, раз Джейн по голосу узнала пришедшую.

– А не слишком ли долго ты задерживаешь своих работников? – спросила у повара Пам.

Норма Шесть уже успела перейти от пива к бурбону. При этой мысли Доминика охватила какая-то ностальгическая зависть. Пам могла выпить больше Кетчума и дольше оставаться в ясном сознании. Джейн вышла из кухни с макаронной кастрюлей под мышкой. Пустая внутренность кастрюли была направлена на Пам, словно жерло пушки.

Дэнни еще не вступил в период полового созревания. Точнее, его состояние на одну треть определялось половым возбуждением, а на две трети – неясными ощущениями и чужими словами. Он запомнил слова Кетчума о том, что констебль Карл сразу улавливает, когда женщина

теряет свою привлекательность. С точки зрения двенадцатилетнего подростка, Джейн вовсе не утратила привлекательности. Ему нравилось ее лицо, черные блестящие волосы (вот бы увидеть их распушенными!). И конечно же, он при всяком удобном случае паялся на ее бесподобную грудь.

Пам Норма Шесть тоже что-то в нем задевала, но по-иному. Она была симпатичной, только не по-женски, а по-мужски (то есть выглядела сильной). Но вот женственности в ней не было. Ее не заботило, что под рубашкой болтается грудь, иначе она надела бы лифчик. Пам переводила взгляд с Джейн на Дэнни, затем глаза ее остановились на поваре. Она смотрела на Доминика вызывающе и с какой-то нервозностью, обычно свойственной семнадцатилетним девушкам.

– Стряпун, помоги мне с Кетчумом, – сказала Пам.

Доминик со страхом подумал: не случился ли у его друга сердечный приступ или что-нибудь похуже? Он надеялся, что Норма Шесть уберет уши юного Дэнни от печальных подробностей.

– Я могу тебе помочь с Кетчумом, – вызвалась Джейн. – Видно, вырубился где-нибудь, и тебе одной его не дотащить. Если так, мне тащить его сподручнее, чем Стряпуну.

– Он вырубился голым, на моем унитазе, а унитаз в моей квартире всего один, – сообщила Пам, адресуя слова Доминику и не глядя на Джейн.

– Думаю, он там просто зачитался, – ответил повар.

Кетчум весьма непочтительно обходился с книгами Доминика Бачагалупо, которые на самом деле принадлежали Розе, были ее любимыми романами. Человек, научившийся читать только в девятнадцать лет, превратился в усердного, если не сказать фанатичного, читателя. Книги, возвращаемые Кетчумом, пестрели обведенными словами. Они попадались на каждой странице. Кетчум не подчеркивал фраз или абзацев: только слова, которые он обводил. (Дэнни недоумевал: может, это мама научила Кетчума так читать книги?)

Однажды Дэнни составил список слов, подчеркнутых Кетчумом в принадлежавшем матери романе Готорна «Алая буква». Выписанные в столбик, они казались мальчишке полной бессмыслицей.

символизировать
позорный столб
половое влечение
прелюбодейки
терзания
грудь
вышитая
судороги
постыдный
женовеличаво
трясущаяся
наказание
спасение
заунывный
стенания
одержимый
незаконнорожденная
безгрешная
сокровеннейший
воздаяние
Прекрасная Дама

пятнает

омерзительный

И это только в первых четырех главах!

– Как по-твоему, о чем он думал? – спросил у отца Дэнни.

Повар воздержался от ответа, хотя его так и подмывало ответить. «Половое влечение» и «грудь» – это вечно у Кетчума на уме. Что касается слова «прелюбодейки», Кетчум знал таких (и среди них – Пам Норма Шесть!). «Прекрасная Дама» – здесь Доминик Бачагалупо предположил бы не иметь тех познаний, какими обладал, и плевать ему, в связи с чем Кетчум обвел это слово! Что там еще? «Позорный столб», «судороги», «стенания», «незаконнорожденная», «пятнает» и «омерзительный». Повару совершенно не хотелось докапываться до похотливого интереса Кетчума к этим словам.

Доминика немного удивили такие слова, как «женовеличаво», «безгрешная», «сокровеннейший» и, конечно же, «символизировать». Вряд ли Кетчум особо задумывался над словами «вышитая», «постыдный», «трясущаяся» или «заунывный». Повар считал, что «воздаяние» (в сочетании со словом «наказание») было столь же хорошо знакомо его давнему другу, как и словечко «одержимый». Кетчум был одержим, причем серьезно, и «спасение» представлялось чем-то невероятным. Да, вот еще – «терзание». Неужели Кетчум постоянно испытывал терзания? По поводу кого или чего?

– А может, Кетчуму просто нравится обводить слова? – высказал догадку Дэнни.

В ответ повар пожал плечами, хотя очень сомневался в предположении сына. Может, Кетчум старается расширить свой словарный запас? Для человека, не получившего образования, он очень хорошо говорил. За все эти годы у Кетчума не пропал интерес к чтению. Он исправно брал у повара книги.

– Кажется, я понял, – засмеялся Дэнни. – Кетчум составил список необычных слов.

«Возможно», – мысленно согласился повар. Если только убрать из этого списка «половое влечение», «грудь» и, наверное, «терзания».

Пам Норма Шесть глядела на него, ожидая ответа.

– А как это случилось? – спросил повар, вновь опасаясь, что ответ будет не для ушей Дэнни.

– Сама не понимаю. Сначала я ему читала вслух. Потом он забрал у меня эту чертову книгу, пошел пообщаться с унитазом и вырубился. Хорошо еще, что не заперся на задвижку, – вздохнув, добавил Норма Шесть.

Доминик не жаждал узнать про чтение вслух. Он вообще предпочитал знать как можно меньше о выбираемых Кетчумом «женщинах из танцзала». По мнению повара, Кетчум редко говорил с этими женщинами или слушал то, что говорят они. И все же Доминик однажды спросил его (неискренне, правда), чем он с ними занимается для «разогрева».

К немалому удивлению повара, Кетчум ответил:

– Я прошу их почитать мне вслух. Это приводит меня в нужное настроение.

«Наверное, Пам не создала ему нужного настроения, и он отправился в туалет, где элементарно заснул», – равнодушно подумал Доминик. Должно быть, уровень грамотности подружек Кетчума не слишком-то высок. И как вообще Кетчум узнавал, кто из них умеет читать? Скорее всего, книга оказалась интереснее общества Нормы Шесть. Возможно, Кетчуму просто понадобилось сходить в туалет, где он и вырубился.

Джейн ненадолго скрылась в кухне, чтобы принести фонарик.

– Возьми, чтобы не идти обратно впотьмах, – сказала индианка, подавая Доминику фонарик. – Я побуду с Дэнни и уложу его спать.

– Я еще не хочу спать. Отец, можно, я пойду с вами? Я б тебе тоже помог.

– Извини, Дэнни, но тебя я не приглашаю. Детям пора спать, – сказала мальчику Пам.

Дэнни ждал, что ему ответит отец.

– Дэниел, ты останешься с Джейн и ляжешь спать. Я долго не задержусь, – добавил повар, обращаясь не столько к сыну, сколько к посудомойке.

Но Джейн уже ушла на кухню.

Со второго этажа здания столовой был виден небольшой участок реки и значительная часть поселка. Столовая находилась на отшибе, и Извилистый из окон комнаты Дэнни выглядел совершенно темным. Ничто не говорило о жизни, бурлящей в барах и танцзале, где давно уже не танцевали. Во всяком случае, музыки оттуда ни Дэнни, ни Индианка Джейн не слышали.

Некоторое время они оба смотрели на огоньки фонариков, державших путь к поселку. Вздрагивающий огонек принадлежал хрому повару. Доминик был вынужден делать вдвое больше шагов, чтобы не отставать от Пам Нормы Шесть. (Джейн была бы не прочь послушать, о чем они говорят, а Дэнни с интересом взглянул бы на голого Кетчума, оседлавшего унитаза.) Потом огоньки скрылись в тумане, наползавшем с реки.

– Он скоро вернется, – сказал мальчишка, чувствуя, что и Джейн на это надеется. Индианка не ответила. Она лишь разобрала отцовскую постель и включила лампочку на тумбочке возле кровати.

Дэнни вышел вместе с нею в коридор. Джейн коснулась рукой восьмидюймовой сковороды. Когда мимо проходил отец, сковорода была на уровне его плеч, у Джейн она оказывалась вровень с грудью, а у него самого – на уровне глаз. Дэнни тоже потрогал сковороду.

– Думаешь воевать с медведем? – спросила Джейн.

– А мне показалось, что ты тоже об этом думала.

– Иди чистить зубы и умываться, – сказала посудомойка.

Дэнни пошел в ванную, умылся и переоделся в пижаму. Когда он лег, Джейн пришла к нему в комнату и села на кровать.

– Я никогда не видел тебя с расплетенной косой, – сказал он. – Интересно бы взглянуть на твои волосы, когда они распущены.

– Ты еще слишком мал, чтобы видеть меня с распущенными волосами. Не хочу брать грех на душу и пугать тебя до смерти.

Под козырьком бейсбольной шапочки озорно блеснули глаза Джейн.

Из поселка донесся крик, и почти сразу же его повторило эхо над рекой. Слов было не разобрать. Следом послышались еще крики, но ветер подул в другую сторону и унес их с собой.

– А правда, что субботними вечерами в поселке опасно? – спросил Дэнни.

– Есть тут один хромой парень. Может, ты его тоже знаешь. Так он постоянно что-то говорит про «мир происшествий». Наверное, ты это тоже слышал, – сказала Джейн.

Ее большая рука просунулась под одеяло и нащупала одну из подмышек Дэнни. Джейн знала, как он боится щекотки.

– Я знаю этого парня! – закричал Дэнни. – Не щекочи меня!

– Так вот, субботними вечерами происшествий просто больше, – продолжала Джейн.

Она не щекотала Дэнни, а просто держала свои пальцы в его подмышке.

– Ты не бойся, никто не пристанет к твоему отцу, когда он идет с Нормой Шесть.

– Ага, ему еще обратно идти, – напомнил Дэнни.

– Твой отец – не задира и никому не делает плохо. Не волнуйся за него, Дэнни.

Джейн вытащила руку из-под одеяла и села прямо.

– А ты бы справились с Нормой Шесть? – спросил Дэнни.

Вопрос был из числа любимых вопросов Дэниела Бачагалупо. Он постоянно допытывался у Индианки Джейн, может ли она «справиться» с тем или иным человеком. Дэнни не знал, есть ли у нее враги, и называл имена наиболее сильных или задиристых жителей Извилистого: Анри Тибо, Лафлёра по кличке Беспалый, братьев Бодетт, двойняшек Бибов, Скотти Ферналда, Эрла Динсмора, Чарли Клафа и Фрэнка Бемиса.

– Думаю, что да, – обычно отвечала Индианка Джейн.

Как-то Дэнни спросил ее, может ли она справиться с Кетчумом. Джейн ответила, что, пожалуй, если только он будет достаточно пьян.

Сейчас, услышав тот же вопрос насчет Пам, Джейн на удивление долго думала.

– Норма Шесть – потерянная душа, – вздохнула индианка.

– Но ты бы справилась с нею? – не отставал Дэнни.

Джейн встала, склонилась над ним, стиснула его плечи своими сильными руками и поцеловала в лоб.

– Думаю, справилась бы, – сказала она.

– Слушай, а чего Норма Шесть лифчик не надела? – задал Дэнни мучивший его вопрос.

– Наверное, торопилась, вот и забыла.

Джейн остановилась на пороге комнаты, послав мальчишке воздушный поцелуй, потом вышла, оставив дверь полуоткрытой. Сколько Дэнни себя помнил, свет из коридора всегда служил ему ночником.

Внизу ветер опять трепал входную дверь, и она грохотала при каждом порыве. Но звук был иным, и сын повара понимал, что это не вернувшийся отец или какой-то запоздалый посетитель.

– Это ветер. Спи! – крикнула ему Джейн.

Она знала: после случая с медведем мальчишка подспудно боялся, что к ним кто-нибудь вломится.

Джейн всегда оставляла свою обувь внизу, а наверх поднималась в носках. Если бы она спустилась вниз, Дэнни услышал бы скрип ступенек под тяжестью ее веса. Значит, Джейн оставалась на втором этаже и затаилась, как ночной зверь. Через некоторое время Дэнни услышал шум воды в ванной. Может, отец уже вернулся? Но у мальчишки слипались глаза, и он не захотел вставать и проверять. Он лежал, слушая завывания ветра и вездесущий грохот реки. Когда кто-то вновь поцеловал его в лоб, Дэнни уже крепко спал и не знал, отец это или Джейн. Ему снилось, что его целует Пам Норма Шесть.

Повар ковылял за Пам, как верный увечный пес. Норма Шесть шла быстро, и вид у нее был настолько решительный и целеустремленный, что встречные мужчины не отваживались ее поцеловать и на ее поцелуй тоже не рассчитывали. Во всяком случае, повару этого точно не хотелось.

– Норма Шесть, иди помедленнее, – попросил он, но либо ветер отнес его слова в сторону, либо Пам намеренно ускорила шаг.

На задворках фабрички высилась гора опилок высотой с трехэтажный дом. Ветер чертил в ней борозды и сдувал опилочную пыль, забивая глаза повару и Норме Шесть. Такое скопление опилок было очень огнеопасным, особенно в это время года. Кетчум называл опилочную гору «пороховой бочкой». (И это еще не все опилки: горки из них росли и рядом с фабрикой.) Массу опилок, скопившихся за зиму, начнут вывозить не раньше, чем просохнут трелевочные дороги. Тогда грузовики повезут опилки в долину Андроскоггина, на продажу местным фермерам. А если эта громада вспыхнет, от нее сгорит весь поселок. Не уцелеет даже столовая: ее не спасет ни расстояние, ни то, что она на холме. Ветер чаще всего дует со стороны Извилистого и обязательно принесет с собой тлеющие угли.

А ведь здание столовой, построенное по требованию повара, было наиболее прочным во всем поселке. Все эти «гостиницы», бары, танцзал, да и сама фабрика – не более чем «спички», которые незаметно сгорят в гигантском пожаре. Кетчуму несколько раз снился этот пожар, и он утверждал, что когда-нибудь его сон сбудется.

Возможно, сейчас Кетчуму тоже что-то снилось на унитазе в квартире Пам. Во всяком случае, так думалось Доминику Бачагалупо, едва поспевавшему за Пам Нормой Шесть. Сейчас

они шли мимо бара, где любили собираться франкоканадцы. От него к танцзалу вел грязный переулок, и в том переулке с незапамятных времен торчал паровой тягач «ломбард» 1912 года выпуска. Никто не помнил, когда его тут бросили. Уже и старый танцзал успел развалиться, и новый построили, а «ломбард» по-прежнему дремал на своей стоянке. Кетчум считал, что этот раритет обитал здесь где-то с середины тридцатых годов, когда бензиновые тягачи начали вытеснять паровые.

Глядя на тягач, Доминик опять подумал о пожаре. Если поселок сгорит, «ломбард» – это все, что останется от Извилистого. А пока что, к немалому удивлению повара, на широком переднем сиденье спали мертвецки пьяные братья Бодетт. Должно быть, их выперли из танцзала и они избрали себе пристанищем «ломбард».

Заметив братьев, Доминик замедлил свои хромые шаги, однако Пам, тоже увидевшая их, и не подумала останавливаться.

– Идем. Они не замерзнут. Сейчас не так холодно, – сказала Норма Шесть.

Возле соседнего бара несколько человек наблюдали за дракой, которая никак не могла начаться. Эрл Динсмор и один из близняшек Бибов ухлопали все силы на переругивание, и на удары их уже не хватало. А скорее всего, оба были слишком пьяны, чтобы по-настоящему драться. Они размахивали руками, но не желали причинять друг другу вред (хотя бы и намеренный). Второй близнец, то ли от скуки, то ли от стыда за брата, вдруг затеял драку с Чарли Клафом. Проходя мимо них, Пам Норма Шесть сбила с ног Чарли, затем врезала по уху Эрлу Динсмору, оставив близняшек тупо глядеть друг на друга. До Бибов постепенно дошло, что драться тут больше не с кем, если только они не решатся пристать к Пам.

– Да это Стряпун с Нормой Шесть, – заметил Лафлёр по кличке Беспалый.

– Удивительно, что ты сумел нас отличить, – бросила ему Пам, отпихивая с дороги.

Наконец повар и Пам добрались до барачных строений поновее. В этих, с позволения сказать, «гостиницах» жили водители лесовозов и мотористы. По словам Кетчума, любой подрядчик, который строит в северном Нью-Гэмпшире двухэтажный дом с плоской крышей, – полный идиот. Кто-то (а может, ветер) распахнул дверь танцзала, и вслед им понесся страдающий голос Перри Комо¹⁸, исполняющего «Don't Let the Stars Get in Your Eyes»¹⁹.

Пам схватила повара за рукав и втащила в ближайший подъезд.

– Осторожнее, Стряпун. Предпоследней ступеньки нет, – сообщила она, ведя его к лестнице.

Доминику всегда было трудно подниматься по лестнице. Здесь он и не собирался поспевать за Нормой Шесть. Предпоследняя ступенька действительно отсутствовала. Повар качнулся и, чтобы не упасть, уткнулся в широкую спину Пам. Норма Шесть обернулась, подхватила его под обе руки и перенесла на последнюю ступеньку. Там его нос уперся ей в ключицу. От Пам исходил какой-то женский запах: духи или что-то вроде этого, но его перебивали мужские запахи Кетчума, вьевшиеся в шерстяную фланель.

Музыка из танцзала на втором этаже звучала не тише, а громче. Патти Пейдж²⁰ вдохновенно спрашивала: «How Much Is That Doggie in the Window?»²¹ «Неудивительно, что теперь там не танцуют», – подумал Доминик.

Норма Шесть плечом распахнула дверь квартиры и втолкнула повара внутрь.

– До чего я ненавижу эту поганую песенку, – сказала она. – Эй, Кетчум!

Ответа не было. К счастью, сквозь закрытую дверь Патти Пейдж было уже не пробиться.

¹⁸ Перри Комо (1912–2001) – известный американский певец итальянского происхождения.

¹⁹ Сентиментальная песня в жанре баллады (примерный перевод названия – «Пусть звезды не светят в твои глаза»). Написана в 1952 г. американским музыкантом и шоуменом Слимом Уиллетом (1919–1966).

²⁰ Патти Пейдж (1927–2013) – популярная эстрадная певица.

²¹ Сентиментальная любовная песенка (примерный перевод названия «Почем этот песик в витрине?»). Написана американским композитором и сценаристом Бобом Мерриллом (1921–1998).

Повар не понимал, где кончается кухня и начинается жилая комната. В пространстве, куда они вошли, разбросанные кастрюли, сковородки и бутылки постепенно сменялись разбросанными предметами женского туалета, устилавшими путь к громадной кровати с измятыми простынями. Единственным источником освещения служил... зеленоватый аквариум. Кто бы мог подумать, что Пам нравятся аквариумные рыбки? Правда, рыбок Доминик не увидел. Возможно, они попрятались среди густых водорослей. А может, Норма Шесть обожала именно водоросли.

Обойти эту гигантскую кровать было непросто даже человеку со здоровыми ногами. Пробираясь к ванной комнате, повар заметил странную деталь. До сих пор он был искренне уверен, что Норма Шесть собиралась в спешке и не стала тратить время на поиски лифчика. Однако он заметил целых три валявшихся лифчика, и, как бы ни торопилась Пам, все они были в пределах досягаемости.

Норма Шесть просунула руку под заимствованную рубашку и почесала грудь. У Доминика не появилось и тени подозрения, что она предлагает себя или пытается с ним флиртовать. Это было бы такой же неожиданностью, как ее недавняя расправа с Чарли Клафом и Эрлом Динсмором. Повар знал: если бы Пам предлагала себя, она бы сделала это прямо и без намеков. Например, потрогала бы себя за грудь или вообще расстегнула рубашку. Наверное, от шерсти, надетой на голое тело, у нее просто зачесалась кожа.

Кетчума они нашли на унитазе. Гипсовая повязка крепко прижимала к бедру книгу в мягком переплете. Его колени были широко расставлены. По воде в унитазе плавали красноватые разводы, словно Кетчум медленно умирал от потери крови.

– У него внутреннее кровотечение! – испуганно воскликнула Норма Шесть.

Но повар сразу догадался: Кетчум уронил в горшок ручку с красными чернилами, которой обводил слова в книге.

– Уходя, я спустила воду, – несколько раз повторила Пам.

Доминик молча закатал рукав, просунул руку между колен Кетчума и вытащил ручку. Затем он спустил воду, ополоснул в раковине руки и злополучную ручку и вытер полотенцем.

Только сейчас повар заметил у Кетчума эрекцию. Доминик всегда так истово надеялся, что судьба убережет его от этого зрелища: должно быть, потому он не сразу и обратил внимание на очевидный факт. Пам заметила очевидный факт намного раньше.

– Ну и зачем это ему здесь? – вопрошала она, просовывая руки Кетчума себе под мышки.

Ей лишь удалось избавить его от скрюченной позы. В одиночку Норме Шесть было не дотащить Кетчума до кровати.

– Стряпун, бери его за ноги. Вдвоем, надеюсь, дотащим, – сказала Пам.

Книга соскользнула с ноги и едва не повторила путь ручки. Это был «Идиот» Достоевского. Повар удивился. Он вполне понимал, что, сидя с такой книгой на унитазе, можно вырубиться. Но он никак не мог вообразить Норму Шесть, вслух читающей Кетчуму «Идиота» на громадной кровати, залитой зеленоватым светом. Доминик инстинктивно пробормотал название романа. Норма Шесть восприняла это по-своему.

– Можешь не говорить мне, что он идиот. Сама знаю.

Кое-как им все же удалось выволочь Кетчума. Он ударился головой о дверную ручку. Левая рука с гипсовой повязкой волочилась по полу.

– Тебе нравится эта книга? – спросил повар.

– А-а, там про каких-то чокнутых русских, – поморщилась Норма Шесть. – Я не особо следила за сюжетом. Просто читала ему, и все.

Соприкосновение с дверной ручкой не разбудило Кетчума, зато пробудило его привычку говорить во сне.

– Ну, если хочешь попасть в особое местечко и нацеплять приключений на задницу только за то, что не так посмотрел на какого-нибудь придурка, то в Берлине ты не найдешь ничего похожего. Говорю по собственному опыту. Знаешь, где это? В Бангоре, – произнес Кетчум, член которого не потерял ни доли эрекции и гордо торчал наподобие флюгерного шеста.

– А ты часто бывал в штате Мэн? – спросила его Пам, будто Кетчум вел с ней беседу.

– Я не убивал Пинетта. Нечего валить это на меня! – вдруг заявил Кетчум. – Штамповочный молот был не мой.

Пинетта по кличке Счастливчик нашли убитым в постели. Он снимал комнатенку на втором этаже «Бум-Хауса». Это милях в двух от Милана. Голова убитого была изуродована штамповочным молотом. Сплавщики говорили, что днем Счастливчик и Кетчум из-за чего-то повздорили у сортировочных ворот. У Кетчума имелось алиби: он ту ночь провел в Эрроле, в заведении «Умбаго», в постели с дурковатой женщиной, работавшей там на кухне. Полиция не нашла ни штамповочного молота, которым был убит Пинетт (удары по его лбу оставили отпечатки наподобие буквы «Н»), ни молота Кетчума.

Общими усилиями Доминик с Нормой Шесть взгромоздили Кетчума на кровать. Его эрекция не спадала, только член качнулся, словно флюгерный шест под напором сильного ветра.

– Тогда кто убил Счастливчика? – спросила Пам.

– Наверняка это Бержерон, – ответил Кетчум. – Его штамповочный молот был похож на мой.

– И Бержерон той ночью не трахал дурочек из Эррола! – усмехнулась Пам.

Кетчум лежал с закрытыми глазами и улыбался. Повару жутко хотелось вернуться за книгой и посмотреть, какие слова его друг успел подчеркнуть в «Идиоте». Он был готов и в окно выпрыгнуть, только бы не видеть этой фундаментальной эрекции.

– Слушай, ты проснулся или спишь? – спросил Кетчума повар.

Похоже, Кетчум снова ушел в глубины сна. Возможно, сейчас он ехал третьим классом в поезде Варшава – Санкт-Петербург. Кетчум только недавно попросил у повара этот роман, и вряд ли Норма Шесть успела дойти до конца первой главы, когда странное происшествие прервало то, что Кетчум называл «разогревом».

– Пойду-ка я домой, – сказал Доминик.

Эрекция Кетчума слабела, возвещая конец вечерним развлечениям. Однако Пам так не думала. Глядя на повара, она стала расстегивать фланелевую рубашку.

Это был открытый призыв. Кровать стояла почти вплотную к стене, но Норма Шесть загрозила собой узкий проход. Чтобы обойти ее, повару пришлось бы топтать прямо по кровати и переступать через Кетчума.

– Начнем, Стряпун, – подзадорила его Пам. – Покажи мне, что у тебя спрятано.

Она швырнула рубашку на кровать, прикрыв лицо Кетчума, но отнюдь не его опавший член.

– Она была... немного заторможенная, – пробормотал из-под рубашки Кетчум. – Сама она не из Эррола. Из Диксвилл-Нотч.

Должно быть, это относилось к женщине из «Умбаго», в чьей постели он проводил время в ночь убийства Пинетта Счастливчика. (Исчезновение обоих штамповочных молотов, возможно, просто совпадение.)

Норма Шесть порывисто схватила повара за плечи и буквально втиснула его лицо между своими грудями. Никакой двусмысленности. Повар вспомнил о методе Геймлиха. Он нырнул под ее руки и оказался сзади. Потом его руки сомкнулись на диафрагме Пам, под ее красивыми грудями. Нос Доминика упирался ей между лопаток.

– Норма Шесть, я не могу этого сделать. Кетчум – мой друг, – сказал повар.

Пам без труда вывернулась из его захвата. Ее длинный крепкий локоть ударил повара в лицо и рассек верхнюю губу. Потом голова Доминика оказалась под мышкой у Пам. Щека его упиралась в ее правую грудь.

– Если ты позволишь ему найти Эйнджела, ты ему не друг. Слышишь, Стряпун? Из-за этого проклятого мальчишки он места себе не находит. Если ты дашь ему увидеть тело – или что там осталось, – никакой ты Кетчуму не друг!

Они катались по кровати рядом с неподвижно лежащим Кетчумом. Повар задыхался. Он сумел дотянуться до плеча Нормы Шесть и ударил ее в ухо. Она тут же припечатала его тяжестью своего тела к кровати, зажав не только голову с шеей, но и правую руку. Тогда повар неуклюже ударил ее левой: сначала в скулу, потом в нос, висок и снова в ухо.

– Эх, ты и драться-то не умеешь, Стряпун! – презрительно бросила ему женщина.

Пам слезла с него. Повар знал, что еще не раз вспомнит, как лежал здесь, рядом со своим храпящим другом. Он глотал воздух. А от аквариума все так же струился призрачный зеленый свет, и рыбы, если они жили в мутноватой воде, сейчас, должно быть, потешались над ним. Пам подхватила один из лифчиков и стала надевать, повернувшись к повару спиной.

– Если уж вам так приспичило искать, возьми с собой Дэнни и отправляйся туда пораньше. Ищите Эйнджела вдвоем, пока не приехал Кетчум. Но не показывай ему тело! – выкрикнула она.

Спящий Кетчум стащил рубашку с лица. Глаза его оставались закрытыми. Пам застегнула лифчик и теперь сердито влезала в безрукавку. Доминик подумал, что и это он тоже запомнит: ее джинсы без ремня, приспущенные на костлявых бедрах, и раскрытую ширинку, откуда проглядывали светлые лобковые волосы. Она одевалась торопливо, а может, это просто была ее манера одеваться.

– Выметайся, Стряпун, – бросила она повару.

Доминик еще раз взглянул на Кетчума. Теперь тот прикрыл лицо гипсовой повязкой.

– Кетчум показывал тебе лицо твоей жены, когда он ее нашел? – спросила Пам.

Доминику очень хотелось забыть, как он слезал с кровати и пробирался по узкому проходу. Норма Шесть вторично загородила ему путь.

– Отвечай! – потребовала она.

– Нет. Кетчум не подпустил меня к ней.

– Потому что Кетчум вел себя как твой друг, – сердито сказала Пам, пропуская его к двери. – И не забудь: там не хватает одной ступеньки.

– Сказала бы Кетчуму, пусть починит ступеньку.

– Он ее и спилил. Так слышнее, когда кто-то поднимается или спускается.

Что ж, Кетчум – человек осмотрительный, принял меры предосторожности. Думая об этом, повар достиг входной двери и открыл ее. Он с трудом миновал предательскую дыру в лестнице и похромал вниз. Здесь его опять подстерегала угнетающая музыка: на сей раз Тереза Брюэр с ее «Till I Waltz Again with You»²². Повар закрыл дверь подъезда, но ветер распахнул ее снова.

– Дерьмо! – донесся до него голос Пам.

Должно быть, эта чертова песенка подействовала на Кетчума, и, прежде чем Пам захлопнула дверь своего жилища, повар услышал, как его друг пробормотал во сне:

– Ну что, Счастливчик, не очень-то ты счастлив теперь!

Бедняга Пинетт. Он уже давно не слышит ничьих вопросов. И что вдруг Кетчум вспомнил про него в своем пьяном сне?

²² Популярная песня (примерный перевод названия «Пока нас вновь не закружит вальс»), написанная в 1952 г. Сидни Проузенем.

Повар старательно обходил убогие бары с такими же убогими неоновыми вывесками, напоминавшими рот, где недоставало зубов.

Д Я ВЗР ЛЫХ!

ТР ТЬЕ ПИВО ДА ОМ!

Однако вывески хоть как-то освещали дорогу. Отойдя подальше, повар вдруг спохватился: он забыл взять свой фонарик. Вернуться назад? Снова подниматься по опасной лестнице? К тому же повар чувствовал, что Норме Шесть очень не понравится его возвращение.

Во рту ощущался привкус крови. Доминик поднес пальцы к разбитой губе. Она все еще кровоточила. Пальцы стали липкими. Кто-то шумно захлопнул дверь танцзала, и Тереза Брюэр внезапно смолкла, словно Норма Шесть сдавила нежную шею певицы. Когда дверь распахнулась опять, Тони Беннет мурлыкал «Rags to Riches»²³. Доминик был твердо убежден: такая музыкальная безнадега только подталкивает жителей Извилистого к пьянству и дракам.

Возле бара, где Пам на ходу прекратила драку, было пусто. Ушли двойняшки Бибы. Чарли Клафу и Эрлу Динсмору тоже удалось встать на ноги и убраться восвояси. И сиденье «ломбарда» пустовало. Либо братья Бодетт оклемались и ушли сами, либо кто-то им помог.

В темноте хромую походку Доминика Бачагалупо было легко спутать с чьими-нибудь пьяными шагами. Около бара, где любили собираться франкоканадцы, маячила знакомая фигура. Прежде чем повар сумел убедиться, что это действительно констебль Карл, его ослепил яркий свет фонарика.

– Стой! Для тупых канадцев повторяю на их поганом французском: *arrête*.

– Добрый вечер, констебль, – сказал Доминик, щурясь от яркого света.

Луч фонарика и ветер с опилочной пылью – это было многовато для повара.

– Что-то ты припозднился, Стряпун. Да еще и губу разбил, – сказал полицейский.

– Я навещал друга.

– Хорош друг, если раскровенил тебе губу, – усмехнулся «ковбой», подходя ближе.

– Карл, он тут ни при чем. Я забыл фонарик... вот и навернулся.

– Похоже на удар коленом... или локтем, – вслух рассуждал Карл.

Его фонарик почти касался окровавленной губы повара. Доминику хотелось зажать нос: дыхание констебля было на редкость зловонным.

Два любовника Индианки Джейн стояли лицом к лицу: пьяный констебль подозрительно косился на трезвого хромого повара. К счастью для последнего, Карла отвлекли два события, случившиеся одно за другим. Дверь танцзала в очередной раз распахнулась, и оттуда на повышенной громкости вырвался голос Дорис Дэй, певшей «Secret Love»²⁴. Карл сразу же направил фонарик на дверь. И тут из дверей «гостиницы», населенной франкоканадцами, во тьму выбросили совершенно голого человека. Он приземлился на четвереньки и скулил, словно щенок койота. Фонарик констебля тут же высветил испуганного франкоканадца. Повар узнал его. Это был Люсьен Шарес, молодой парень.

Стало тихо. Дверь танцзала захлопнули, так и не дав Дорис Дэй рассказать о ее тайной любви. Люсьен Шарес и Доминик Бачагалупо слышали суховатый шелчок. Это констебль Карл снял с предохранителя свой «ковбойский» кольт сорок пятого калибра.

– Карл, ну зачем... не надо, – бормотал повар, видя, как тот навел оружие на Люсьена.

– Поднимай свою голую франкоканадскую задницу и чеши в дом! – рявкнул констебль. – Иначе я отстрелю тебе яйца, а заодно и кишку!

Люсьен Шарес стоял на четвереньках и мочился. Вероятно, со страху. Лужица текла ему под ноги. Услышав обещание Карла, франкоканадец повернулся и на четвереньках побежал

²³ Популярная песенка (примерный перевод названия «Из Золушки в принцессы»), написанная в 1953 г. Ричардом Адлером и Джерри Россом.

²⁴ Популярная песня (русский перевод названия «Тайная любовь»), написанная в 1953 г. композитором Сэмми Фейном и поэтом Полом Уэбстером.

к двери. Участники пьяной шутки стояли в дверях «гостиницы» и шумно подбадривали его, словно от быстроты бега «по-собачьи» зависела его жизнь (возможно, и зависела). Послышались выкрики: «Люсьен!», сменившиеся французским галдежом, которого ни повар, ни констебль не понимали. Когда дверь закрылась, констебль Карл выключил фонарик. Револьвер он по-прежнему держал в руке, только теперь целился повару в колено здоровой ноги. Доминик нервозно следил за пьяным Ковбоем. Карл неспешно поставил оружие на предохранитель и наконец убрал кольт.

– Проводить тебя домой, Стряпунчик? – спросил Карл.

– Спасибо, я сам дойду.

С места, где они стояли, были видны огни столовой.

– Опять ты нагрузил мою дорогую Джейн работой допоздна, – сказал констебль.

Пока повар искал подходящий ответ, Карл продолжил:

– По-моему, твой мальчишка уже достаточно вырос и сам может укладываться спать.

– Конечно. Дэниел уже не маленький. Но я стараюсь по вечерам не оставлять его одного.

Он просто обожает Джейн.

– Тогда нас двое, – сказал констебль Карл, сплевывая под ноги.

«Трое», – мысленно поправил его Доминик Бачагалупо.

Ему вдруг вспомнилось, как Пам зажала его лицо у себя между грудей и как он едва не задохнулся. Повару было стыдно: ему казалось, что он нарушил верность Джейн. Норма Шесть возбудила его, хотя и весьма опасным способом.

– Спокойной ночи, констебль, – сказал повар.

Он повернулся и пошел к дому. Карл светил ему фонариком, обозначая место, где начинается подъем на холм.

– Спокойной ночи, Стряпун, – сказал Карл.

Полицейский выключил фонарик, но у повара сохранялось ощущение, будто Карл за ним следит.

– А знаешь, для калеки ты неплохо ходишь! – донеслось до повара из темноты.

Доминик Бачагалупо будет часто вспоминать и эти слова.

Потом его догнал обрывок музыки из танцзала. Повар достаточно удалился, чтобы различать слова. Но он постоянно где-нибудь да слышал эту песню и потому сразу узнал голос Эдди Фишера, выводившего «Oh My Pira»²⁵. Потом песня стихла, а повар вдруг с раздражением поймал себя на том, что сам ее напевает.

²⁵ Песня, написанная в 1939 г. швейцарским композитором Паулем Буркхардтом для одного немецкого мюзикла. Через пятнадцать лет был написан английский вариант слов, и песня, как нередко бывает, обрела вторую жизнь.

Глава 4

Восьмидюймовая чугунная сковорода

Повару никак было не избавиться от ощущения, что констебль тащится за ним по пятам. Войдя в темный зал столовой, Доминик Бачагалупо некоторое время стоял у окна и ждал – не мелькнет ли на дороге луч фонарика. Но если Ковбой решил проверить положение дел в столовой, даже при его тупости он не поперся бы сюда с включенным фонариком.

Доминик не стал выключать свет на крыльце, чтобы Джейн было удобнее идти к пикапу. Свои запачканные сапоги он поставил внизу у лестницы, рядом с ее сапогами. Повар мешкал, не решаясь подняться наверх, и тому была причина. Как объяснить Джейн разбитую губу? Стоит ли рассказывать ей про встречу с констеблем? Как будто Джейн сама не знала, что Доминик где-нибудь столкнется с Карлом и что настроение и поведение Ковбоя будут, как всегда, непонятными и непредсказуемыми!

Повар сомневался даже в том, знал ли констебль, что Джейн является «Прекрасной Дамой» Доминика, выражаясь словами, подчеркнутыми Кетчумом (этим любителем чтения на унитазе) в нравоучительном романе.

Доминик стал осторожно подниматься наверх. Бесшумный подъем был невозможен из-за его хромой ноги: ступеньки под нею всегда скрипели. Не мог он и проскользнуть мимо своей комнаты, чтобы не попасться на глаза Джейн, которая сейчас сидела там на кровати. (Он мельком взглянул на нее и увидел, что индианка уже распустила волосы.) Доминику хотелось вначале промыть и чем-нибудь смазать свою разбитую губу, однако Джейн, скорее всего, почувствовала, что повар что-то скрывает от нее, и потому бросила в коридор бейсбольную шапочку. Вождь Уаху приземлился вверх тормашками. Он глупо пялился на коридор, глядя в направлении ванной и комнаты Дэнни.

В зеркале ванной повар увидел неутешительную картину: разбитую губу, пожалуй, стоило бы зашить. Конечно, все пройдет и так, но один-два шва ускорили бы процесс заживления и уменьшили бы вероятность того, что останется шрам. А пока Доминик, морщась от боли, вычистил зубы, промыл губу перекисью водорода и вытер чистым полотенцем. Следов крови на полотенце не было. Хуже всего, что завтра воскресенье. Уж лучше поручить наложение швов Джейн или Кетчуму, чем ехать к тому коновалу-доктору. Доминику было противно само название места, где жил эскулап.

Из ванной повар заглянул в комнату сына и поцеловал спящего Дэнни в лоб, пожелав ему тем самым спокойной ночи. Пятнышка крови, оставленного на лбу мальчишки, он не заметил. В коридоре перевернутая физиономия вождя Уаху подмигивала ему, призывая тщательно выбирать слова при неминуемом разговоре с Джейн.

– Кто это тебя? – сразу же спросила Джейн, когда повар вошел и начал раздеваться.

– Кетчум. Заснул прямо на унитазе. Разбудить его было невозможно. Пришлось спящего тащить на кровать. А он еще бубнил и брыкался.

– Стряпун, если бы Кетчум тебя ударил, ты бы сейчас здесь не стоял.

– Случайное происшествие, – продолжал врать повар, упирая на свое любимое словечко. – Кетчум не собирался меня бить. Просто задел гипсом.

– Если бы он ударил тебя гипсом, ты бы сейчас летел на небеса, – спокойно возразила Джейн.

Она сидела в кровати, распустив волосы. Они ниспадали на одеяло. Руки индианки были сложены на ее могучих грудях, скрытых от глаз Доминика все теми же волосами.

Когда она распускала волосы и потом, не заплетая их, возвращалась домой, это могло вызвать сильные подозрения у констебля Карла и спровоцировать изрядный скандал. Конечно, если Карл не успевал к тому времени влить себе в глотку и завалиться спать. Но в ночь с

субботы на воскресенье Джейн уезжала домой либо под утро, либо оставалась, имитируя для Дэнни ранний приезд на работу.

– Мне повстречался Карл, – сказал повар, ложась рядом с нею.

– Но это не он тебе по губе въехал.

– Не знаю, известно ли ему про нас.

– И я не знаю, – сказала Джейн.

– А Кетчум что, действительно убил Пинета Счастливого? – совсем не к месту спросил повар.

– Этого, Стряпун, никто не знает. И тогда не знали. А теперь-то что ворошить прошлое? Ты лучше скажи, почему Норма Шесть тебя ударила?

– Потому что я отказался кувыряться с нею, вот почему.

– Если бы ты трахнул Норму Шесть, я бы тебя так отделала... вообще забыл бы, где нижняя губа, – сказала Джейн.

Повар улыбнулся. Разбитая губа тут же отреагировала. Он поморщился от боли.

– Бедняжка, – усмехнулась Джейн. – Никаких поцелуев сегодня.

– Есть и другие занятия, – сказал повар.

Джейн распластала Доминика на спине и улеглась на него. Своим весом она припечатала повара к кровати и почти лишила возможности дышать. Стоило ему закрыть глаза, как он видел себя в удушающих объятиях Нормы Шесть, и потому повар держал глаза открытыми. Потом Джейн всей своей тяжестью навалилась на его бедра, поднялась и села сверху. Не теряя времени, она впустила его член в себя.

– Я покажу тебе другие занятия, – тихо сказала посудомойка, раскачиваясь взад и вперед.

Ее груди сотрясались, ударяя по нему, ее губы водили по его лицу, не касаясь нижней губы. Волосы Джейн накрыли их обоих, создав нечто вроде палатки.

Повар мог дышать, но ему было не пошевеливаться. Такую глыбу, как Джейн, сдвинуть он был не в состоянии. А потом, он и не хотел ничего менять и останавливать ее раскачивания или это вхождение в ритм их любовной игры. (Даже если бы Джейн была такая же легкая, как покойная жена Доминика, а он сам был бы широкоплечим, как Кетчум.) Это немного напоминало поездку в поезде. Немного, поскольку на самом деле, «поезд» ехал на нем.

Дэнни слышал шум воды в ванной. Кто-то вторично поцеловал его в лоб: либо вернувшийся отец, либо Джейн. Все эти события были реальными, но сейчас их реальность словно отступила на задний план. Не имело значения и то, что мальчишка вплел этот поцелуй в свой сон, где его страстно целовала Пам Норма Шесть (и не только в лоб). Дэнни хорошо знал, как скрипит лестница, когда по ней поднимается отец. Повар всегда ставил первой здоровую ногу и подтягивал к ней хромую. Все это было сейчас неважно, поскольку Дэнни слышал совсем другой скрип, совершенно ему незнакомый.

Только этот новый, непрекращающийся скрип и имел значение. Он разбудил Дэнни, напрочь прогнал сон, и теперь встревоженный двенадцатилетний мальчишка пытался понять, *что* является источником скрипа. Нет, это не ветер. Дэнни хорошо знал, как шумит ветер в разное время года. Испуганный парнишка тихо вылез из кровати и на цыпочках подошел к полуоткрытой двери своей комнаты.

В коридоре его взгляд сразу же натолкнулся на перевернутую физиономию вождя Уаху и такую же перевернутую, но не ставшую от этого менее идиотской ухмылку индейца. Шапочка Джейн! Тогда что могло произойти с самой Джейн? Если ее бейсбольная шапочка валяется в коридоре, где сейчас находится ее голова? А вдруг тот, кто вломился в дом, обезглавил Джейн? Если это хищный зверь, то когтями; если к ним проник человеческий хищник, то острым секачом.

Дэнни опасливо выбрался в коридор, где сразу заметил, что дверь ванной открыта. Он заглянул туда, с замиранием сердца ожидая увидеть в ванне откусанную или отрезанную голову Джейн. Но там было пусто. Тогда Дэнни вообразил, что в дом опять проник медведь, который успел заживо сожрать Джейн и теперь напал на его отца. Сын повара не сомневался: все эти жуткие скрипы и стоны доносятся из отцовской комнаты. Именно стоны (и даже взвизгивания). То, что шапочка Джейн валялась вверх тормашками, лишь усилило страхи двенадцатилетнего мальчишки.

В комнате отца Дэнни Бачагалупо увидел (или подумал, что видит) воплощение его страхов. На отца напал медведь! И не просто медведь, а громадный, с густой шерстью. Дэнни даже не представлял, что в здешних лесах могут водиться такие медведи. Зверь навалился на отца, и сыну сейчас были видны лишь отцовские ноги до колен. Ноги не шевелились. Дэнни обмер. Может, он безнадежно опоздал и отца уже не спасти? А медведь раскачивал кровать, и его длинная шерсть странно блестела. Дэнни никогда не думал, что у черных медведей бывает настолько блестящая шерсть.

Зверь пожирал его отца! Каково увидеть подобное двенадцатилетнему мальчишке (даже если ему это только показалось)? Чего в такой ситуации можно было бы ожидать от безоружного ребенка? Стремительного, отчаянного, безрассудного нападения на медведя? И чем бы оно кончилось? Зверь отшвырнул бы его к стене, а то и разодрал бы когтями горло. Но в такие моменты пробуждаются не только основные инстинкты. Наше подсознание накладывает на них истории о похожих случаях (особенно те, что мы слышим в детстве). И тогда наши действия, руководимые глубинной памятью, становятся более осмысленными и целенаправленными. Дэнни потянулся к восьмидюймовой чугунной сковороде, словно она была его, а не отцовским оружием. Он точно знал, в каком месте на стене висит эта легендарная сковорода.

Сжимая обеими руками ручку сковороды, мальчишка подскочил к кровати. Когда-то Кетчум показал ему, как правильно замахиваться тяжелым топором и как надо держать ноги, чтобы не покалечиться. Дэнни замахнулся, целя в косматую голову медведя. И вдруг он заметил... две голые и вполне человеческие ступни. В таком положении ступни бывают, когда человек стоит на коленях и молится. Ступни располагались возле отцовских колен и здорово напоминали ступни Джейн. Посудомойка целый день проводила на ногах: неудивительно, что при ее весе у нее часто болели ноги. Ей очень нравилось, когда ей растирают ступни, чем Дэнни неоднократно и занимался.

– Джейн? – тихо и неуверенно спросил мальчик.

У него хватило сил замахнуться сковородой, но ему не по силам было задержать удар. Инерция замаха уже толкнула сковороду вперед.

Должно быть, Джейн услышала свое имя. Она подняла голову и повернулась, отчего удар сковороды пришелся ей прямо в правый висок. Сковорода глухо зазвенела, и в тот же миг энергия удара обожгла мальчишке кисти рук и понеслась дальше, к плечам... До конца жизни, до тех пор, пока у него сохраняется память, Дэнни Бачагалупо будет черпать слабое утешение в том, что не видел, какое выражение запечатлелось на милом добродушном лице Джейн в момент удара. (Длинные волосы индианки скрыли от него ее лицо.)

Огромное тело Джейн содрогнулось. Она была просто громадной, с невероятно красивыми черными волосами. И конечно, она никак не могла быть черной медведицей ни в этой жизни, ни в следующей, куда она, вне всякого сомнения, теперь направлялась. Джейн с грохотом повалилась на пол.

Сейчас только слепой мог бы спутать ее с медведем. Ее волосы, словно два крыла, разметались по обеим сторонам от ее большого неподвижного туловища. Ее фантастически большие, удивительные груди накрыли собою подмышки, а неподвижные руки были закинута за голову, словно и сейчас мертвая Джейн пыталась удержать падающую на нее вселенную. Но какой бы ошеломляющей ни была ее нагота для глаз невинного двенадцатилетнего мальчишки,

отчетливее всего Дэнни Бачагалупо запомнил не роскошную плоть, а какой-то неземной взгляд широко открытых глаз Джейн. В мертвых глазах индианки отражалось нечто большее, чем осознание своей участи, открывшееся ей в последнее мгновение. Что вдруг увидели ее глаза в неизмеримой дали? Потом Дэнни часто раздумывал об этом. Возможно, ей приоткрылось будущее и она увидела не только свою судьбу, но и судьбы их всех. Но как бы то ни было, увиденное ее ужаснуло.

– Джейн, – вновь произнес Дэнни, теперь уже без вопросительной интонации, хотя сердце его колотилось, а в мозгу вертелось множество вопросов.

На отца он бросил лишь мимолетный взгляд. Что заставило мальчишку поспешно отвести глаза? Отцовская нагота? Или та часть его тела, которую Кетчум однажды назвал «маленьким дружком»? Дэнни успел заметить, что отцовский «дружок» сейчас вовсе не маленький, и понял: это связано с тем, чем занимались отец и мертвая теперь посудомойка.

– Джейн! – в третий раз закричал Дэнни, словно троекратное повторение ее имени подтверждало то непоправимое, что он совершил собственными руками.

Повар быстро прикрыл свое срамное место подушкой. Потом он опустился на колени и приложил ухо к ее замолкшему сердцу. Дэнни все еще сжимал в руках длинную ручку сковороды, и его ладони колотило множеством маленьких иголок. Возможно, это покалывание останется с ним навсегда. Невзирая на свои двенадцать лет, Дэнни Бачагалупо понял: под прежней его жизнью подведена черта. Начиналось то, что называется «вся оставшаяся жизнь».

– Я принял ее за медведя, – прошептал Дэнни.

Доминика вряд ли шокировало бы, если бы в этот момент мертвая посудомойка превратилась в медведя. Он не утратил ясности мышления и понимал: его любимому Дэнни срочно требуется хоть какое-то утешение. Трясущийся мальчишка стоял, буквально вцепившись в сковороду, словно верил, что теперь откуда-то выскочит настоящий медведь.

– Это вполне понятно, что ты принял Джейн за медведя, – сказал повар, обняв сына.

Он забрал сковородку из рук дрожащего мальчишки, потом снова обнял его.

– Ты не виноват, Дэнни. Это была случайность. Несчастный случай. Здесь никто не виноват.

– Как это никто не виноват? – удивился двенадцатилетний убийца.

– В таком случае это моя вина, – сказал ему отец. – И никогда она не будет твоей виной, Дэниел. Целиком моя. И это был несчастный случай.

Конечно же, повар сразу подумал о констебле Карле. В мире полицейского не существовало происшествий, не имеющих виновников. В том, что называлось сознанием Ковбоя, добрые намерения в расчет не принимались. «Ты не можешь спасти себя, но ты можешь спасти своего сына», – думал Доминик Бачагалупо. («А спасти нас обоих? На сколько лет меня хватит?»)

Как давно Дэнни хотелось увидеть Джейн с распущенными волосами. А как он мечтал хоть мельком увидеть голыми ее огромные груди. Сейчас он боялся взглянуть в ее сторону.

– Я любил Джейн! – торопливо пробормотал Дэнни.

– Я знаю об этом. Ты действительно любил ее, Дэниел.

– Отец, а ты... *досидошничал* с нею? – все-таки спросил Дэнни.

– Да, – ответил повар. – Я тоже любил Джейн. Но не так, как твою мать.

«И зачем мне понадобилось это добавлять?» – виновато подумал Доминик. Возможно, таким способом он хотел подчеркнуть: при всей любви к Джейн ему сейчас некогда горевать по ней.

– А что у тебя с губой? – спросил Дэнни.

– Меня ударила локтем Норма Шесть, – честно ответил повар.

– Значит, ты и с Нормой Шесть *досидошничал*?

– Нет, Дэниел. Джейн была моей единственной подружкой. Только Джейн.

– А как же констебль Карл?

– Дэнни, нам надо спешить, – все, что ответил ему отец.

Повар понимал: времени у них в обрез. Вскоре начнет светать, и им пора приниматься за дело.

Тогда это было спешной подготовкой к заметанию следов и отъезду из поселка. Замешательство, неуклюжие движения, лихорадочные сборы. У повара и его сына имелось множество причин впоследствии снова и снова мысленно проживать ночь их бегства с берегов Извилистой. Хотя каждый по-своему вспоминал подробности их вынужденного отъезда. Юному Дэнни такое сложное занятие, как одевание мертвой женщины, не говоря уже о спуске ее грузного тела вниз по лестнице и перетаскивании в кабину пикапа, представлялось одним из подвигов Геракла. Мальчишка поначалу не понимал, почему отцу очень важно, чтобы Джейн была правильно одета – так, как если бы она одевалась сама. Ничего не забыть, ничего не напялить впопыхах. Правильно надеть ее громадный лифчик, не перекрутив лямок. Правильно застегнуть. Правильно натянуть ее необъятные трусы, чтобы они нигде не задрались. Проследить, чтобы носки не были надеты шиворот-навыворот.

Но зачем все эти хлопоты? Ведь Джейн мертва! Так рассуждал Дэнни. Он не знал, что тело мертвой индианки, возможно, будут внимательно осматривать (в том числе и медики) на предмет выявления причин смерти. (Очевидно, что смерть наступила в результате удара по голове. Но каким предметом? И где это случилось?) Конечно, постараются определить и примерное время смерти. И то, чего не понимал сын повара, отчетливо понимал сам повар: очень важно, чтобы Джейн нашли целиком одетой, и одетой правильно.

Как-то Кетчум отправился на попойку в соседний штат Мэн и привез оттуда повару тележку. Доминик был очень благодарен другу за этот подарок. Тележка оказалась незаменимым подспорьем, когда выгружали привозимые продукты: картонные коробки, большие банки с оливковым маслом и кленовым сиропом и любые другие тяжелые грузы.

Повар с сыном привязали тело Джейн к тележке, и это позволило спустить его по лестнице в полувертикальном положении и в почти вертикальном положении докатить до пикапа. Однако тележка никак не помогла им запихнуть мертвую индианку в кабину. Повар потом называл это «геркулесовой» частью их маневра (впрочем, таких «геркулесовых» частей было много).

Орудие убийства – восьмидюймовую сковороду – Доминик Бачагалупо упаковал вместе с тем немногим, что они брали с собой. Повар взял только самые любимые свои кулинарные книги. Брать что-то из посуды не позволяло ни время, ни багажник машины. Прочие вещи и книги (в том числе и все романы) Доминик оставлял Кетчуму.

Дэнни едва хватило времени собрать несколько фотографий матери, но книг, в которых они лежали, отец взять не позволил. Из одежды повар взял только самое необходимое: больше для себя, поскольку Дэниел вскоре вырастет из своих прежних вещей.

Повар ездил на «пontiаке» 1952 года выпуска, с кузовом «универсал», на так называемой «полудеревяшке» «чифтен делюкс»²⁶. Последнюю настоящую «деревяшку» сделали в 1949 году. У «половинки» были внешние деревянные фальшпанели, выделявшиеся на фоне красно-коричневого корпуса, и салон, целиком отделанный деревом. Кожаные сиденья также были красно-коричневого цвета. Из-за хромой ноги Доминик взял «чифтен делюкс» с автоматической коробкой передач. Пожалуй, это была единственная машина с таким новшеством во всем Извилистом. Автоматическая коробка передач позволяла и Дэнни управлять отцовским автомобилем. У двенадцатилетнего мальчишки не хватало роста, чтобы по-настоящему выжимать педаль сцепления, но Дэнни умел гонять по трелевочным дорогам. Констебль Карл по треле-

²⁶ Одна из моделей «пontiака», чей корпус частично был изготовлен из дерева.

вочным дорогам не ездил. В здешних местах хватало ребят возраста Дэнни и даже младше, водивших легковушки и грузовики по проселкам вокруг реки Филипс-Брук и поселка Извилистого. Не достигшие возраста, когда получают водительские права, они уже имели очень приличные навыки вождения. (Ребята, что были повыше Дэнни, без труда выжимали сцепление.)

Поскольку повар с сыном не просто уезжали, а бежали из Извилистого, да еще и при особых обстоятельствах, умение Дэнни водить машину было как нельзя кстати. Если отвезти мертвую Джейн в ее пикапе к жилищу Карла, а потом возвращаться пешком... этого Доминику очень не хотелось. Его могли увидеть и узнать по хромой походке. А если бы в столь ранний час они шли вдвоем с Дэнни, это сразу вызвало бы подозрения.

Конечно, «полудеревяшка» была единственной в поселке и вряд ли проехала бы незамеченной. Но «понтиак» двигался куда быстрее хромого повара, и, потом, он ни в коем случае не поставит свою машину у дома констебля.

– Отец, ты в своем уме? – спросил мальчишка, когда они готовились навсегда покинуть здание столовой. – Зачем мы повезем тело к дому констебля?

– Утром пьянчуга встанет и подумает, что это он убил Джейн, поссорившись с нею ночью, – объяснил повар.

– А если он сейчас не спит? – спросил Дэнни.

– На этот случай у нас есть запасной план, – ответил повар.

Моросил совсем мелкий дождь. Длинный капот «понтиака» сделался блестящим. Доминик провел ладонью по капоту, после чего просунул руку в окошко и влажными пальцами стер засохшую кровь со лба сына. Это была его кровь, оставленная во время ночного поцелуя. Отец надеялся, что не в последний раз целовал сына и что это был единственный след крови на теле Дэнни.

– Я поеду следом за тобой? – спросил мальчик.

– Да, – коротко ответил отец, чьи мысли были целиком заняты запасным планом.

Повар забрался в кабину пикапа, где на пассажирском сиденье развалилась мертвая Джейн. Удар сковородой не вызвал кровотечения, однако Доминик благодарил судьбу, что не видит ссадин на ее правом виске. Волосы закрывали лицо Джейн и шишку (сейчас она наверняка была уже величиной с бейсбольный мяч).

Их маленький автокараван доехал до двухэтажной «гостиницы», где на втором этаже обитала Норма Шесть. В зеркало заднего обзора повару был виден лишь лоб сына, сидевшего за рулем «понтиака». Капот модели «чифтен делюкс» чем-то напоминал бейсбольную шапочку, нахлобученную на ветровое стекло восьмицилиндрового автомобиля, а решетка радиатора вполне сошла бы за оскаленные зубы вождя Уаху.

– Черт побери! – вслух произнес Доминик.

Он вдруг вспомнил о бейсбольной шапочке Джейн. Где она? Неужели так и осталась валяться в коридоре. Но они сейчас находились возле жилища Нормы Шесть. Улицы были пусты, дверь танцзала закрыта. Возвращаться из-за шапочки? Нет, это непозволительная роскошь.

Дэнни остановил «понтиак» почти у самого подъезда Нормы Шесть. Он вылез из кабины, подошел к пикапу и втиснулся между мертвой Джейн и отцом. Доминик облегченно вздохнул: бейсбольная шапочка была у сына на голове.

– Вождь Уаху должен остаться с нею. Правда? – спросил Дэнни.

– Умница, – только и ответил повар, чье сердце было полно гордости и страха за сына.

Не забыл! Только бы он не забыл и все остальное, что входило в запасной план.

Повару одному было не дотащить грузное тело Джейн до входной двери дома констебля Карла. Посудомойка говорила, что дверь он не запирает. Ноги Джейн пусть волочатся по земле: констебля не удивят ее грязные сапоги. Но нельзя допустить, чтобы запачкалась ее одежда.

Мысль захватить тележку Доминик отверг сразу же: на раскисшей земле останутся глубокие колеи. И куда девать тележку потом? Запихнуть в пикап Джейн или бросить прямо у входа?

Они поехали в дальнюю часть поселка, где стояла лесопилка. Рядом находилась барачная «гостница», населенная преимущественно франкоканадцами (констеблю Карлу нравилось жить по соседству со своими потенциальными жертвами).

– Как по-твоему, сколько весит Кетчум? – спросил Дэнни, после того как повар поставил пикап там, где его обычно ставила Джейн.

Они оба стояли на подножке пикапа. Дэнни удерживал Джейн в вертикальном положении, а повар выталкивал ее негнувшиеся ноги наружу. Что делать дальше, Доминик представлял себе лишь теоретически.

– Кетчум весит фунтов двести двадцать²⁷. Может, двести тридцать, – запоздало ответил повар на вопрос сына.

– А Норма Шесть?

Доминик чувствовал: задубелость его шеи после «ласк» Нормы Шесть пройдет только где-то через неделю.

– Думаю, Пам весит сто семьдесят пять или сто восемьдесят фунтов.

– А ты сколько вешишь? – спросил сын.

Повар понимал, куда клонит со своими расспросами Дэнни. Ноги Джейн коснулись раскисшей земли. Доминик стоял рядом, обхватив ее бедра. Дэнни остался на подножке и поддерживал свою бывшую няньку под мышки.

«Сейчас мы все опрокинемся в грязь, и Джейн придавит нас собой!» – думал повар. Но на вопрос сына он постарался ответить как можно более спокойным, будничным тоном:

– Я давно не взвешивался. Наверное, фунтов около ста пятидесяти.

(Он прекрасно знал, что даже в зимней одежде его вес равен ста сорока пяти фунтам. Сто пятьдесят он не весил никогда.)

– Тогда сколько же весит Джейн? – хмыкнул Дэнни.

Мальчишка спрыгнул на землю. Тело посудомойки упало в готовые подхватить его руки отца и сына. Колени Джейн подогнулись, но не коснулись грязи. К счастью, повар и сын устояли на ногах, хотя и с большим трудом.

Индианка Джейн весила не менее трехсот фунтов. Возможно, триста пятнадцать или даже триста двадцать. Обычно Доминик Бачагалупо притворялся, что не знает ее веса. Сейчас повар ловил ртом воздух, волоча свою мертвую возлюбленную в дом ее мерзавца-сожителя.

К удивлению повара и его сына, дверь в жилище констебля Карла была распахнута настежь. Возможно, это сделал ветер. Или Ковбой явился домой в таком пьяном ступоре, что на закрытие двери уже не хватило мозгов. Пол возле двери покрывала дождевая морось. В кухне горел тусклый свет. Находился ли сейчас там Карл или нет, сказать было невозможно.

Когда негнувшиеся ноги Джейн коснулись кухонного пола, Доминик почувствовал, что дальше он втащит ее сам. Мокрый пол и грязь на сапогах Джейн были как нельзя кстати.

– Пока, Дэниел, – шепнул сыну повар.

Вместо поцелуя мальчишка нахлобучил отцу на голову бейсбольную шапочку Джейн.

Шаги удалявшегося Дэнни стихли. Повар стал втаскивать тело Джейн в кухню. Только бы сын не забыл его наставлений. «Если услышишь выстрелы, беги к Кетчуму. Если все тихо, жди меня в машине. Если я не появлюсь через двадцать минут, вне зависимости от того, слышал ты выстрелы или нет, иди к Кетчуму».

Повар и раньше говорил сыну: что бы с ним ни случилось, всегда идти к Кетчуму и рассказывать тому все как есть.

²⁷ Один фунт – это 454 грамма. Соответственно, 220–230 фунтов – это 100–105 кг.

– Будь внимателен: на лестнице нет предпоследней ступеньки, – сказал он Дэнни в этот раз.

– А что, если Норма Шесть меня не впустит?

– Скажи, что тебе очень нужно поговорить с Кетчумом. Она тебя впустит.

(Сам он мог только надеяться, что Пам действительно впустит мальчишку.)

Доминик Бачагалупо протащил тело Джейн через мокрый участок кухонного пола и возле буфета остановился передохнуть. Он держал ее под мышки. Тело посудомойки придавило собой столешницу буфета. Затем повар мучительно медленно опустил мертвую Джейн на пол и придавал ей наиболее естественную позу. Он и не заметил, как бейсбольная шапочка следа с его головы и упала возле индианки, снова вверх тормашками. Вождь Уаху безумно скалился, а Доминик в любой момент ожидал услышать щелчок предохранителя на кольте сорок пятого калибра. Если Карл выстрелит, Дэнни обязательно услышит выстрел. В предрассветной тишине звук будет слышен по всему поселку. Возможно, даже спящему Кетчуму. (Однажды повар слышал, как где-то в поселке выстрелил «ковбойский» кольт.)

Но ничего не произошло. Повар перестал глотать ртом воздух. Он не оглядывался по сторонам. Если констебль Карл был рядом, Доминик не хотел его видеть. Пусть стреляет в спину, пока повар медленно отступает к двери, затирая левым ботинком оставленные на полу следы.

Через канаву, что находилась рядом с домом, была перекинута доска. Доминик вытащил ее и загладил все рытвины, оставленные подошвами и носками сапог Джейн, – ее скорбный путь от пикапа до кухни. Потом повар вернул доску на место, а руки вытер о мокрое крыло пикапа. Дождь не прекращался: значит, струйки вскоре смоют с машины следы глины. (Дождь смоем и их с Дэнни следы на дворе.)

Повар незамеченным прохромал мимо затихшего танцзала. На мокром сиденье «ломбарда» – этого бессменного часового времен – не было ни живых братьев Бодетт, ни их призраков. Какие мысли появятся в похмельной голове констебля Карла, когда он проснется и увидит в кухне тело Джейн? Наверное, подумает: «Чем это я ее?» Он ведь бил Джейн не только кулаками, но и всем, что оказывалось под рукой. Констебль начнет искать тупой предмет и не найдет. Тогда, возможно, тупую голову Ковбоя посетит другая мысль: «Может, это и не я ее ткнул?» А когда он узнает об исчезновении повара и сына, его голова окажется достаточно ясной, чтобы связать одно событие с другим.

За мокрым ветровым стеклом «понтака» повар увидел худенькое личико сына. «Боже, дай мне времени», – взмолился Доминик. Дэнни сидел на пассажирском месте. Он не терял веры в отца: он знал, что отец благополучно вернется из дома констебля Карла и поведет машину.

Под «временем» хромой Доминик Бачагалупо подразумевал не только время, необходимое для их бегства из поселка. Ему требовалось время, чтобы стать хорошим отцом для его драгоценного сына; время, чтобы дождаться, когда сын станет мужчиной. Повар молил о таком количестве времени, хотя не представлял, как убедить в этом Бога.

Живой и неврежимый, Доминик уселся на водительское место. Дэнни вдруг заплакал.

– Я вслушивался... в выстрел, – всхлипывал он.

– Возможно, однажды ты его и услышишь, – сказал повар, обнимая сына.

– Мы расскажем Кетчуму?

Повар содрогнулся, осознав вырвавшиеся у него слова. Хорошо, если Дэнни пропустил их мимо ушей.

– У нас нет времени. Пора ехать.

Медленно, словно длинный катафалк, красно-коричневая «полудеревяшка» двинулась по трелевочной дороге, оставляя поселок позади. Они ехали на юг, иногда на юго-восток. Извилистая то выныривала из рассветного тумана, то снова скрывалась из виду. Становилось все

светлее. Ближайшим пунктом назначения была плотина. А дальше? Куда бы они ни двинулись, вначале им все равно придется выехать на шоссе 16, тянущееся вдоль Андроскоггина с севера на юг.

Количество времени в ближайшем будущем повара и его сына определялось тем, что они найдут возле плотины Покойницы и как долго им придется там пробывать. Доминик надеялся, что не слишком долго.

– Мы что, вообще никогда не расскажем Кетчуму? – нарушил молчание Дэнни.

– Обязательно расскажем, – ответил повар, хотя он и не представлял, как рассказать об этом Кетчуму, чтобы дать ясную картину и не наговорить лишнего.

Ветер прекратился. Дождь постепенно редел. Липкая грязь дороги была исполосована следами шин. В водительское окно светило появившееся солнце, создавая у Доминика Бачагалупо светлый (хотя и не слишком реальный) взгляд на будущее.

Каких-то несколько часов назад повара больше всего волновали поиски тела утонувшего Эйнджела: найдут ли они тело и как зрелище повлияет на его любимого Дэниела. За это время его любимый сын ненароком убил свою обожаемую няньку, и им вдвоем стоило огромных усилий перевезти и перенести грузное тело Индианки Джейн к возможному месту ее упокоения.

Что бы они ни обнаружили возле плотины Покойницы, неужели зрелище находки еще способно их шокировать? (Стресс, испытываемый поваром, заставлял его называть плотину ее зловещим именем.)

Красно-коричневая «полудеревяшка» подъезжала к Понтукскому водохранилищу. В воздухе замелькали чайки. Хотя Понтук находился более чем в ста милях от берега океана, над Андроскоггином всегда кружились чайки. Для них это была большая вода.

– У меня в классе есть парнишка. Хэлстед его фамилия, – нервно проговорил Дэнни.

– Кажется, я знаю его отца, – отозвался повар.

– Папаша ударил его по лицу ботинком. Кетчум в таких ходит. И другие сплавщики. У них еще подошва шипами утыкана. У сына вмятины на лбу остались.

– Тогда это точно Хэлстед, о котором я подумал, – сказал Доминик.

– Кетчум говорил: старшему Хэлстеду нужно вставить в зад опилочный рукав и включить воздух, чтобы этого толстого поганца раздуло.

– Кетчум предлагал такой рецепт для многих задов.

– А ведь тебе будет очень не хватать грубых шуток Кетчума, – отрешенно произнес Дэнни.

– И тебе их будет не хватать. Жутко не хватать.

– Кетчум говорил: у тебя никогда не получалось по-настоящему высушить тсугу, – все в той же дерганой манере продолжал Дэнни.

Повар понимал: мальчишка на пределе. Столько пережить и теперь ехать в полную неизвестность. Возле плотины Покойницы ему предстоит увидеть труп еще одного знакомого человека. Но сильнее всего Дэнни пугает дальнейшая жизнь.

– Тсуга хороша для постройки мостов. Там слишком сухого дерева не требуется, – возразил Доминик.

– Цепляй вагу²⁸ как можно ближе к грузу, – сказал Дэнни. Он извлекал из памяти отрывочные, бессвязные фразы. – На Успешном пруду чертова пропасть бобров.

– Ты так и будешь всю дорогу цитировать Кетчума? – спросил повар.

– Всю дорогу... куда? – насторожился мальчишка.

– Пока не знаю.

– Бревна твердых пород плавают не ахти, – совершенно не к месту произнес Дэнни.

²⁸ Вага – деталь грузовой конской упряжи, используемая при конной трелевке бревен.

«Да, а бревна мягких пород плавают очень хорошо и почти у самой поверхности», – подумал повар. Когда Эйнджел провалился, сплавляли бревна мягких пород. При ветре, что дул минувшей ночью, самый верхний слой бревен перевалил через заграждение. Их теперь вертит по водосливам вдоль обоих берегов плотины. «Бревна-шатуны» в основном еловые и сосновые. С ними не очень-то вытащишь тело Эйнджела из водной воронки. Все водные слои: и те, что неслись вдоль берегов, и более медленные в запруде лесопилки – зависели от плотины. Если повезет, они найдут тело Эйнджела где-нибудь на мелководе.

– Кто вообще может бить своего сына шипованным ботинком в лицо? – спросил Дэнни.

Он сам напоминал плотину, которая вот-вот прорвется.

– Негодяи, Дэнни, есть везде. Но этого негодяя мы больше не увидим.

Лесопилка возле плотины Покойницы казалась заброшенной, однако вся причина была в воскресном дне.

– Расскажи мне еще раз, почему эту плотину называли плотинной Покойницы, – вдруг ска- зал мальчишка.

– Дэниел, ты прекрасно знаешь, откуда у плотины такое название.

– И еще я знаю, почему ты не любишь его произносить. Покойница – это моя мама.

Правда?

Повар поставил машину возле грузового причала лесопилки. Он не стал отвечать сыну: Дэнни и так «прекрасно знал», выражаясь словами повара, историю названия плотины. Эту историю мальчику рассказывали и Джейн, и Кетчум, однако Дэнни постоянно хотелось услы- шать те же слова от своего отца.

– А почему у Кетчума... белый палец?²⁹ Из-за бензопилы, да? – начал новый круг вопро- сов Дэнни, которому было никак не остановиться.

– У Кетчума не один белый палец, и ты не раз слышал, что это из-за бензопилы, – ответил отец. – Это от вибрации, помнишь?

– Теперь вспомнил.

– Дэниел, прошу тебя, успокойся. Давай попытаемся пережить то, что случилось, и дви- гаться дальше.

– Куда двигаться? – заорал мальчишка.

– Дэниел, прошу тебя... Мне сейчас ничуть не легче, чем тебе. Давай искать Эйнджела.

Просто смотреть и искать. Договорились?

– Мы ведь больше ничем не могли помочь Джейн? – спросил Дэнни.

– Нет, ничем.

– Что Кетчум о нас подумает?

Этого повар при всем желании не знал.

– Хватит пока о Кетчуме, – только и ответил он сыну.

Кетчум сообразит, что надо сделать. Во всяком случае, повар надеялся на это.

Но как сообщить Кетчуму о случившемся? Они не могут сидеть сложа руки и до девяти утра ждать приезда Кетчума. И даже если бы поиски тела Эйнджела заняли половину этого времени, задерживаться здесь все равно опасно.

Все сейчас зависело от того, в котором часу констебль Карл проснется и обнаружит без- дыханное тело Джейн. Поначалу Ковбой наверняка подумает, что это он убил индианку. По воскресеньям в столовой готовили лишь ранний ужин. Завтраков не было. Подсобницы при- едут где-то часам к двум или трем. Увидев, что повар с сыном куда-то уехали, они не кинутся тут же сообщать об этом Карлу. Возможно, потом, но не сразу. И оснований выслеживать Кет- чума у Ковбоя тоже не было.

²⁹ Синдром «белых пальцев» – появление стойкой белизны на пальцах тех, кто работает с механизмами, создающими вибрацию. К числу таких механизмов относится и бензопила.

Доминик уже начал думать, что они вполне могут задержаться на плотине Покойницы до девяти утра и дожидаться Кетчума. А констебль Карл – он, скорее всего, тайком похоронит Джейн и забудет о ней. Во всяком случае, до того момента, пока не узнает об исчезновении повара с сыном. В Извилистом решат, что индианка сбежала вместе с ними. Только Ковбой будет знать, где она. Вряд ли он станет выкапывать труп ради опровержения. Это рискованно, поскольку тогда подозрения могут пасть на него. Многие знали, как он обращался с Джейн.

Или все эти рассуждения – не более чем отчаянное желание Доминика Бачагалупо, мечтающего видеть такой ход развития событий? Констебль Карл без промедлений похоронил бы Джейн, если бы знал, что это он ее убил. Воображение повара рисовало ему желанную картину: Карл настолько захлестнут раскаянием, что у него помутился рассудок. Доминику очень хотелось принять желаемое за действительное. Раскаивающийся констебль Карл! Знал ли тупой и жестокий Ковбой само это слово – «раскаяние»?

Справа от ограждения и водослива воду крутило по часовой стрелке, и с нею кружились одиночные «бродячие» бревна с содранной корой: красная сосна, лиственница, ель. И никаких мертвых тел. Место, где основная масса воды проходила через водослив шлюза, было плотно забито сгрудившимися бревнами. Канаты ограждения натянулись до предела. Но и там, в темной от коры воде, повар и его сын не замечали ничего, кроме бревен.

Они взобрались на плотину и осторожно прошли по левой ее кромке до открытой воды. Здесь вода и «бродячие» бревна крутились против часовой стрелки. Отец и сын заметили побуревшую перчатку из оленьей кожи, но Эйнджел таких перчаток не носил. Вода была черной и глубокой. Она качала и вертела куски коры. Но и здесь, к разочарованию (и тайному облегчению) Доминика, они не увидели мертвого тела.

– А вдруг Эйнджел все-таки выбрался? – сказал Дэнни.

Доминик даже не стал опровергать сыновнее предположение. Бывали случаи, когда угловившие под бревна все-таки выплывали, но только не подростки.

Был восьмой час утра. Поиски продолжались. Пусть Эйнджел и сбежал из дома, его близкие наверняка хотят знать, что стряслось с их парнем. Где еще искать? Оставались берега запруды лесопилки. На это уйдет больше времени, но там ходить безопаснее. Чем ближе они находились от ограждения и плотины, тем сильнее повар и сын беспокоились друг за друга. Они ведь не Кетчум. И ботинок с рифленой подошвой и шипами у них нет. А навыков – меньше, чем у самого неопытного сплавщика. Они не люди реки, только и всего.

Тело Эйнджела они обнаружили в половине девятого. Труп длинноволосого парня в его красно-бело-зеленой клетчатой фланелевой рубашке плавал в мелководье, лицом вниз. Рядом не крутилось ни одного бревна. Дэнни даже не замочил ног, когда подтаскивал тело к берегу. Он воспользовался валявшейся рядом веткой, зацепил рубашку Эйнджела и, позвав отца, стал буксировать тело к берегу. Вдвоем они вытащили утопленника на берег. После возни с телом Джейн эта работа показалась им совсем легкой.

Они расшнуровали шипованные ботинки Эйнджела, один из которых превратили в импровизированное ведро. Зачерпывая ботинком воду, повар и Дэнни смыли с лица и рук Эйнджела грязь и приставшие кусочки коры. Бледная кожа мертвого подростка приобрела синюшный оттенок. Дэнни собрал все свое мужество и пальцами расчесал мертвецу волосы.

Первым пиявку на теле Эйнджела заметил тоже он. Большую, толщиной с искривленный указательный палец Кетчума. Местные жители называли таких пиявок северными кровососками. Пиявка прилипла к шее Эйнджела. Повар знал, что это далеко не единственная тварь на теле мертвеца. Знал он и про отвращение, питаемое Кетчумом к пиявкам. Скорее всего, Доминику будет не уберечь друга от лицемерия мертвого Эйнджела. Но они с Дэнни постараются, чтобы Кетчуму не попалась ни одна кровососка.

К девяти часам отец с сыном перетаскивали тело Эйнджела на грузовой причал лесопилки. Здесь было сухо: часть причала освещалась солнцем. К тому же отсюда хорошо просматрива-

лась стоянка. Доминику и Дэнни пришлось раздеть утопленника и оторвать почти два десятка пиявок. Потом они обтерли тело Эйнджела его клетчатой рубашкой и переодели частично в вещи Дэнни, частично – в одежду повара. В чужой одежде мертвый подросток выглядел незнакомым парнем, случайно обнаруженным ненароком оказавшимися поблизости людьми. Футболка, что была велика Дэнни, великолепно подошла Эйнджелу. Гардероб дополнили старые джинсы Доминика. Это делалось не столько для мертвеца, которому было все равно, сколько для Кетчума. Если тот все-таки появится, ему не придется созерцать мокрую и грязную одежду. Однако убрать с кожи синюшный оттенок было не в их власти. Глупо надеяться, что слабое апрельское солнце вернет Эйнджелу естественный цвет кожи. Но все-таки Эйнджел не выглядел заоченелым.

– Мы ждем Кетчума? – спросил Дэнни.

– Подождем еще немного, – ответил повар.

Дэнни понял: отец сейчас волнуется больше, чем он. (Доминик сознавал беспощадность утекающего времени.)

Выжимая грязные джинсы Эйнджела, повар нащупал в переднем левом кармане бумажник. Простой, дешевенький бумажник из искусственной кожи. Внутри, под пластиковым окошечком, была фотография миловидной полной женщины. От долгого пребывания в холодной воде окошечко запотело. Доминик протер его рукавом. Лицо женщины проступило резче. Она была похожа на Эйнджела. Наверняка это его мать. Женщина выглядела лишь немногим старше повара, но моложе Индианки Джейн.

Денег в бумажнике было немного – всего несколько купюр и только американские доллары (Доминик ожидал найти и канадские доллары). Там же лежала визитная карточка какого-то итальянского ресторана. Это подтверждало прежнюю догадку повара насчет того, что Эйнджелу была знакома работа на кухне, хотя парень занимался ею скорее по необходимости, чем по призванию.

Однако визитная карточка таила и неожиданности. Ресторан находился не в Торонто и не в каком-то ином месте канадской провинции Онтарио. Это был итальянский ресторан в Бостоне, в штате Массачусетс. Еще большим сюрпризом для Доминика оказалось название ресторана. То была фраза, которую незаконнорожденный сын Аннунциаты Саэтта слышал от матери с «гарниром» горечи и отвержения. «Vicino di Napoli» – так отвечала Нунци на вопрос о том, куда делся отец Доминика. Помнится, Доминик разыскал на карте близлежащие к Неаполю городки – Беневенто и Авеллино, случайно услышав, как мать упомянула их во сне. Тогда он думал, что отец действительно уплыл в Италию.

Повар вертел в руках мокрую карточку. Возможно, его папаша-шалопай и не уплывал ни в какую Италию, а убежал не далее итальянского ресторана на Ганновер-стрит, которую Нунци называла «главной улицей» бостонского Норт-Энда. На визитке значилось название ресторана: «Vicino di Napoli». «Окрестности Неаполя», если перевести с итальянского. Ресторан явно принадлежал уроженцам Неаполя и находился на Ганновер-стрит, вблизи ее пересечения с Кросс-стрит. Названия улиц также были знакомы Доминику с детства. Нунци без конца твердила, где лучше всего заказывать петрушку (*prezzémolo*) и прочие продукты. Она называла два ресторана: «У матушки Анны» и «Европеец», и оба они находились на Ганновер-стрит.

Казалось бы, что еще может потрясти повара после страшного совпадения: сын убил его любовницу той же легендарной сковородой, что однажды спасла от медведя его ныне покойную жену? Кто бы поверил в такое совпадение? И все равно Доминик не был готов к последнему открытию, которое сделал, исследуя содержимое бумажника Эйнджела. В одном из отделений он нашел потертый сезонный билет для проезда в бостонском метро и трамвае. Мать Доминика называла такие билеты «транзитными». В билете было указано, что его предъявителю летом 1953 года еще не исполнилось шестнадцати лет. Ниже стояла дата рождения Эйнджела: 16 февраля 1939 года. Следовательно, погибшему подростку едва исполнилось пятнадцать,

а из дома он сбежал в четырнадцать с лишним (если действительно сбежал). Теперь уже не узнать, был ли Бостон его родным городом, хотя проездной билет и визитная карточка ресторана «Vicino di Napoli» давали серьезные основания так думать.

В пользу этого предположения говорили и настоящие имя и фамилия утонувшего подростка. Он вовсе не был Эйнджелом Поупом. На билете печатными буквами было написано:

АНДЖЕЛУ ДЕЛЬ ПОПОЛО

– Это еще кто? – спросил Дэнни, когда отец вслух прочел надпись на проездном билете.

Повар знал: дель Пополо в переводе с итальянского значит «из народа». Фамилия, достаточно распространенная на Сицилии, а «Поуп» – не менее распространенный американизированный ее вариант. Возможно, фамилия и не являлась чисто сицилийской, зато имя Анджелу (с ударением на последнем слоге) было истинно сицилийским. Может, парень работал в неаполитанском ресторане? (Закон разрешал брать четырнадцатилетних на неполный рабочий день.) Но что заставило его убежать из дома? Судя по найденной у него фотографии, мать свою он любил, иначе не стал бы вкладывать ее карточку в бумажник.

Однако все эти рассуждения Доминик оставил при себе, а сыну лишь сказал:

– Как видишь, Дэниел, Эйнджел оказался не тем, за кого себя выдавал.

Он показал сыну проездной билет и визитную карточку. И если они хотели разыскать родных Анджелу дель Пополо, их дальнейший путь лежал туда, в Бостон, в район Норт-Энда.

А пока приходилось искать ответы на более животрепещущие вопросы. Куда запропастился этот чертов Кетчум? Сколько им еще здесь ждать? А вдруг констебль Карл не был пьян до бесчувствия? Вдруг он точно помнил, что накануне не ссорился с Джейн и не дотрагивался до нее?

Если в ближайшие десять минут Кетчум не появится, им придется уехать. И какую записку оставить Кетчуму? Написать открытым текстом или подобием шифра?

Неожиданность! Эйнджел – не канадец!

Кстати, с Джейн произошел несчастный случай!

Никто не виноват – даже Карл!

Мог ли повар оставить другу такое вот послание?

– Мы по-прежнему ждем Кетчума? – спросил у отца Дэнни.

– Подождем еще чуть-чуть, Дэниел, – не слишком уверенным тоном ответил повар.

Орущее радио они слышали раньше, чем на трелевочной дороге показался издававший виды пикап Кетчума (машина нередко служила ему домом). Кажется, это была Джо Стаффорд, исполнявшая «Make Love to Me»³⁰. Но Кетчум выключил радио раньше, чем повар сумел распознать песню. (От многолетней работы бензопилами Кетчум начинал гложуть. Радио в машине он всегда включал на пределе громкости, а окна, посчитав, что наступила весна, держал открытыми.) Доминик с облегчением вздохнул, не увидев в пикапе Нормы Шесть. Не надо им лишних сложностей.

Кетчум остановил свою колыхающуюся на почтительном расстоянии от «пontiака». Он сидел, уложив гипсовую повязку на руль. Глаза сплавщика глядели мимо повара и Дэнни: туда, где на нежарком апрельском солнце лежало тело Эйнджела.

– Вижу, вы его нашли, – сказал Кетчум, глядя в сторону плотины, будто пересчитывал бревна у заграждения.

³⁰ Интересная судьба у этой песенки (примерный русский перевод названия – «Займись со мной любовью»). Слова к ней писал, что называется, «коллектив авторов», а мелодию они взяли тридцатилетней давности – «Tin Roof Blues» («Блюз жестяной крыши»).

Задняя часть пикапа была превращена в подобие ванигана. Там попадались как вполне предсказуемые, так и совершенно неожиданные вещи. Кетчум возил с собой бензопилу, несколько топоров и другие инструменты. Под брезентом у него хранилось полкорда³¹ дров на случай, если ему понадобится развести где-нибудь костер.

– Мы с Дэниелом перенесем Эйнджела в кузов твоего пикапа. Так что тебе не придется смотреть на его тело.

– А что, в твоем «пontiаке» ему не хватит места? – удивился Кетчум.

– Мы поедем в другую сторону, – сказал повар.

Кетчум вздохнул. Его глаза медленно остановились на Эйнджеле. Сплавщик вылез из пикапа и, почему-то хромя, направился к погрузочному причалу. («Уж не передразнивает ли он меня?» – подумалось повару.) Кетчум легко, будто спящего младенца, поднял пятнадцатилетнего мертвого подростка и понес в кабину пикапа. Дэнни забежал вперед, чтобы открыть дверцу.

– Какая разница, увижу я его лицо сейчас или потом, когда приеду в поселок? – резонно заметил Кетчум. – Это твоя одежда на нем? – спросил он у Дэнни.

– Моя и отца.

Повар принес мокрую одежду Эйнджела и положил на пол кабины, под ноги мертвеца.

– Его одежду можно выстирать и высушить.

– Попрошу Джейн, она это сделает, – сказал Кетчум. – Мы с нею немного обмоем его, а потом переоденем в его вещи.

– Кетчум, Джейн мертва, – бесцветным голосом произнес повар.

Он хотел добавить про «несчастный случай», но Дэнни опередил отца:

– Я убил ее сковородой... ну той, что отец тогда ударил медведя, – выпалил мальчишка. – Я подумал, что к нам опять вломился медведь.

Повар подтвердил сказанное и тут же отвернулся. Здоровой рукой Кетчум обнял Дэнни и прижал к себе. Лицо мальчишки уткнулось в шерстяную фланель с зелеными и синими клетками. Вчера в этой рубашке к ним приходила Норма Шесть. Рубашка впитала запахи их сильных тел, и для двенадцатилетнего Дэнни запахи были неразделимы с этими людьми.

– Стряпун, никак вы и тело Джейн привезли с собой? – спросил Кетчум, указывая гипсовым панцирем на «пontiак».

– Мы отвезли ее в дом констебля Карла, – объяснил Дэнни.

– Я не знаю, дрыхнул ли он в соседней комнате, или его вообще не было дома. Я оставил Джейн на кухонном полу. Если удача на нашей стороне, Ковбой увидит ее тело и подумает, что Джейн убил он сам.

– Разумеется, он так и подумает! – загремел Кетчум. – Наверное, уже закопал ее час назад или сейчас роет могилу, пока мы тут треплемся. Но когда Карл узнает, что вы с Дэнни свалили из поселка, он начнет думать по-другому. И допрет, что не он убил Джейн. Если вы оба не вернетесь в Извилистый, подозрение сразу же падет на тебя, Стряпун.

– Предлагаешь мне сблефовать? – спросил Доминик.

– А что тебе остается? – вопросом ответил Кетчум. – Одно из двух: либо Карл до конца своей сраной жизни будет мучительно вспоминать, как и за что он убил Джейн, либо он будет повсюду разыскивать тебя, Стряпун.

– Ты полагаешь, он не помнит событий прошлой ночи? Не слишком ли смелое предположение?

– Норма Шесть говорила, что вчера вечером ты к нам заходил. Думаешь, я это помню?

– Возможно, и нет. Но согласиться на твое предложение – это рискнуть всем.

Произнося слово «всем», повар непроизвольно посмотрел на сына.

³¹ Корд – английская мера объема, равная 128 кубическим футам. Полкорда составляют примерно 1,8 кубометра.

– Послушай меня, – сказал его старый друг. – Вы возвращаетесь в поселок. Я помогу тебе вытащить все, что ты напихал в багажник «понтиака». И где-то накануне ужина ты посылаешь Крошку, Мэй или кого-нибудь из этих шумных бесполезных клуш за Джейн. Пусть съездит в дом Карла и спросит: «Куда подевалась Джейн? На кухне работы полно, и Стряпун злится». Вот это будет настоящий блеф. Ты победишь с разгромным счетом. Наш Ковбой наложит в штаны. И не один раз, а постоянно, год за годом. Он будет бояться, как бы чья-нибудь собака не вырыла труп Джейн!

– Не знаю, Кетчум, – тихо сказал повар. – Это опасный блеф. Я не могу так рисковать, когда у меня сын.

– Свалить еще опаснее. Но если Ковбой разmozжит тебе голову, я позабочусь о Дэнни.

Мальчик попеременно глядел то на отца, то на Кетчума.

– Отец, надо возвращаться, – сказал он повару.

Повар знал, насколько его сына пугают перемены. Любые перемены. Дэниел Бачагалупо, конечно же, предпочел бы остаться и начать опасную игру. Игра страшила его, но отъезд еще больше страшил своей неизвестностью.

– Пораскинь мозгами, Стряпун, – вновь заговорил Кетчум. Его гипсовая повязка была направлена на повара, как дуло кольта сорок пятого калибра. – Если я ошибаюсь и Карл тебя пристрелит, он и пальцем не посмеет тронуть Дэнни. А если я прав и Ковбой потащится за тобой по следу, он может убить вас обоих как беглецов.

– А мы и есть беглецы, – сказал Доминик. – И в азартные игры я не играю. Больше не играю.

– Играешь, и прямо сейчас, – возразил Кетчум. – Ваше бегство – чем не азартная игра?

– Дэниел, обними Кетчума. Нам пора ехать, – сказал мальчику отец.

Впоследствии Дэниел Бачагалупо будет часто вспоминать эти объятия и свое тогдашнее удивление по поводу того, что отец с Кетчумом не обнялись. А ведь они давно и крепко дружили.

– Стряпун, скоро здесь все сильно переменится, – попробовал зайти с другого конца Кетчум. – Сплав по рекам прекратится. Плотины на Даммерских прудах исчезнут. Да и эта тоже.

Гипсовая повязка указывала в сторону заграждений на плотине Покойницы, однако сплавщик и в этот раз не стал произносить ее название.

– Даммерские пруды просто спустят в Понтукское водохранилище. И Извилистая спокойно потечет в Андроскоггин. Думаю, старые причалы для леса на Андроскоггине сохранятся, но скорее для истории. Случись пожар в Западном Даммере или в Извилистом, разве кто-нибудь почешется заново отстраивать эти дыры? Ну кто откажется переселиться в Милан, в Эррол? Даже в Берлин, если уже в годах и силы не те? Тебе нужно лишь немного потерпеть и пережить этот убогий поселок. Тебе и Дэнни.

Но повар и сын шли к своему «понтиаку».

– Если вы сбежите сейчас, вам придется бегать всю жизнь! – крикнул им вслед Кетчум. Хромая, он обошел свой пикап и открыл дверцу со стороны руля.

– Почему ты хромаешь? – крикнул ему повар.

– Да забыл, что у Нормы Шесть на лестнице нет одной ступеньки. Вот и въехал ногой.

– Береги себя, Кетчум, – сказал ему старый друг.

– И ты береги себя, Стряпун. Я уж не стану спрашивать тебя про губу. Но такие раны мне знакомы.

– Кстати, Эйнджел не был канадцем, – сказал повар.

– Его настоящее имя было Анджелу дель Пополо, – добавил Дэнни. – И сюда он приехал не из Торонто, а из Бостона.

– Наверное, вы туда и отправитесь? В Бостон? – спросил у них Кетчум.

– Должно быть, у Эйнджела остались близкие. Или кто-то, кому нужно знать, что с ним случилось, – объяснил повар.

Кетчум кивнул. Неяркие солнечные лучи проникали сквозь ветровое стекло его пикапа и проделывали странные трюки с мертвым Эйнджелом. Он сидел почти прямо и в свете солнца казался живым. И еще казалось, что он не окончил свой короткий жизненный путь, а только только начал.

– А если я скажу Карлу, что вы отправились сообщить печальную новость родным Эйнджела? Надеюсь, по столовой и вашим комнатам не поймешь, что вы свалили насовсем?

– Мы взяли только самое необходимое, – успокоил друга Доминик. – Полная иллюзия, что мы уехали на время и вернемся.

– Могу сказать этому вонючему Ковбою, что удивлен, почему Джейн не поехала вместе с вами. Как ты думаешь? – спросил Кетчум. – Так и скажу: на месте Джейн я бы тоже поехал в Канаду.

Дэнни следил за отцом и видел, что тот обдумывает слова Кетчума.

– Я не стану ему говорить, что вы поехали в Бостон. Наверное, лучше сказать так: «На месте Джейн я бы тоже поехал в Торонто». Как по-твоему?

– Решай сам, только не говори слишком много, – ответил повар.

– Для меня он все равно останется Эйнджелом, – сказал Кетчум.

Он забрался в кабину, мельком взглянул на своего мертвого пассажира и тут же отвернулся.

Сознавал ли двенадцатилетний мальчишка (и в какой мере), что его приключения (или злключения) начинаются сейчас, в эти минуты? Или они начались задолго до того, как он принял Джейн за медведя? Этого не знали ни его отец, ни Кетчум. Судя по Дэнни, он ясно «сознавал», что все началось раньше сегодняшнего утра.

Что в эти минуты сознавал Кетчум? Сплавщик был почти уверен, что видит повара и его сына в последний раз. Повар затеял опасную игру, и Кетчум постарался выставить в положительном свете хотя бы начальную стадию этой игры.

– Дэнни! – крикнул Кетчум. – А знаешь, я сам не раз принимал Джейн за медведя.

Однако долго выставлять что-либо в положительном свете Кетчуму не удавалось.

– Думаю, когда это случилось, на голове Джейн не было ее шапочки с вождом Уаху, – предположил сплавщик.

– Не было, – подтвердил Дэнни.

– Эх, Джейн, черт бы тебя побрал! – воскликнул Кетчум. – Мне один парень в Кливленде сказал, что шапочка приносит счастье. Еще он говорил: вождь Уаху – вроде как дух. Он заботится об индейцах.

– Может, теперь он и о Джейн заботится, – предположил Дэнни.

– Только не повторяй этой религиозной чепухи, мальчик! Помни ее такой, какой она была. Джейн очень тебя любила. Чти ее память. Это все, что ты можешь сделать.

– Кетчум, я уже скучаю по тебе! – вдруг крикнул ему Дэнни.

– Знаешь, Дэнни: если решили ехать, надо заводить мотор и двигать.

Потом Кетчум завел мотор своего пикапа и покатыл по трелевочной дороге в сторону Извилистого, оставив повара и его сына в начале их более продолжительного и менее определенного пути... в следующую жизнь, никак не иначе.

Часть вторая

Бостон, 1967 год

Глава 5

Nom De Plume

32

Прошло почти тринадцать не слишком счастливых лет с того дня, когда констебль Карл обнаружил у себя на кухне тело мертвой Индианки Джейн. Даже Кетчум не мог сказать наверняка, заподозрил ли Ковбой повара с сыном, которые исчезли той же ночью. Упорные слухи, ходившие в здешней части округа Коос (да и по всему верхнему Андроскоггину), утверждали, что Джейн сбежала вместе с хромым поваром и его мальчишкой.

По мнению Кетчума, Карла больше донимали слухи (как люди могли думать, будто Джейн сбежала с поваром?), чем его собственная причастность к убийству сожительницы неизвестным тупым предметом. (Орудие убийства так и не нашлось.) Должно быть, Карл действительно поверил, что это он убил Джейн. Естественно, он поспешил избавиться от трупа. Никто не видел, когда и как он это сделал. (Ее тело тоже не было найдено.)

Но всякий раз, пересекаясь где-либо с Кетчумом, Ковбой обязательно спрашивал:

– Ну что, так ничего и не слышал о Стряпуне? Я думал, вы с ним друзья.

– Стряпун был не из разговорчивых, – всегда отвечал констеблю Кетчум. – Пока жил здесь, вроде как общались. А уехал – и забыл. Я не удивляюсь.

– Ну а мальчишка? – иногда спрашивал Карл.

– Чего с Дэнни взять? Ребенок он еще, – пожимал плечами Кетчум. – Будут тебе мальчишки письма писать.

Однако Дэниел Бачагалупо писал много, и не только Кетчуму. С самого начала их переписки он сообщил сплавщику, что хочет стать писателем.

«В таком случае постарайся не особо увязать в католическом мышлении», – написал ему в ответ Кетчум.

Дэнни удивлял явно женский почерк Кетчума. Может, мама научила его не только читать и танцевать, но и выводить буквы ее почерком?

– Я так не думаю, – лаконично ответил Доминик.

Загадка изящного почерка Кетчума долго оставалась неразгаданной. Доминика это занимало гораздо меньше, чем юного Дэнни. Все эти тринадцать лет будущий писатель Дэниел Бачагалупо писал Кетчуму куда чаще отца. Переписка между друзьями оставалась редкой, а письма – краткими и всегда по делу. Доминика обычно волновало одно: продолжает ли Карл их разыскивать?

«Тебе лучше считать, что продолжает», – обычно отвечал Кетчум. Но недавно его привычный ответ изменился. Кетчум послал повару и Дэнни письма одинакового содержания. Обоих немало удивило, что послания Кетчума были напечатаны на машинке. «Кое-что случилось. Надо бы переговорить...» – так начиналось это его двойное письмо.

Легко сказать – переговорить. Своего телефона у Кетчума не было. Он привык звонить Доминику и Дэнни из будок телефонов-автоматов, делая звонки за счет вызываемого абонента.

³² Псевдоним (фр.).

Разговоры обрывались внезапно: Кетчум сообщал, что у него отмерзают яйца, и вешал трубку. В северных частях Нью-Гэмпшира и Мэна, где Кетчум проводил все больше времени, зимой не больно-то поторчишь в уличной будке. Почему-то их друг предпочитал звонить исключительно в холодное время года. (Возможно, это делалось намеренно: Кетчум не любил увязать в долгих разговорах.)

В своем первом машинописном послании Кетчум сообщал повару и Дэнни, что Карл сделал «опасный намек». Обоих это не удивило: констебль Карл был опасным человеком, как и его намеки. Ковбой всегда кого-нибудь в чем-нибудь подозревал. Но сейчас «опасный намек» Карла был связан с Канадой. По мнению полицейского, вьетнамская война ухудшила отношения между Соединенными Штатами и Канадой. «Канадские парни стали неуступчивыми и не идут на сотрудничество», – заявил он Кетчуму. Сплывщик тут же сообразил, что Ковбой продолжает свои поиски по ту сторону канадской границы. В течение тринадцати лет Карл был уверен, что повар с сыном уехали в Торонто. Никаких справок в Бостоне он не наводил. Пока не наводил. И вот теперь, по словам Кетчума, «что-то случилось».

Совет «не увязать в католическом мышлении» (а именно такой совет Кетчум дал юному Дэнни, узнав, что тот решил стать писателем), скорее всего, был вызван непониманием. Школа имени Микеланджело – новая школа Дэнни в бостонском Норт-Энде – была не католической, а обыкновенной средней школой. Ребята называли ее просто «Микки», поскольку там преподавало много ирландцев³³. Но монахинь среди учителей не было. Должно быть, из-за названия Кетчум и посчитал эту школу католической. («Не давай им промывать тебе мозги», – писал он Дэнни. Кому «им», так и осталось непонятным. Вероятно, носителям католического мышления.)

Но юный Дэнни не был захвачен ничем католическим, существовавшим в стенах школы, и даже не испытал на себе сколько-нибудь заметного католического влияния. Зато его с самого начала поразило все итальянское в Норт-Энде. Школа имени Микеланджело была еще и общественным центром, где часто собирались итальянские иммигранты, вступающие в процесс американизации. Школу окружали густонаселенные многоквартирные дома без горячей воды, в которых жило изрядное число однокашников Дэнни. Дома эти построили для выходцев из Ирландии, появившихся в Норт-Энде раньше итальянцев. Но затем ирландцы переместились в Дорчестер или Роксбери³⁴ либо стали «южанами». Еще сравнительно недавно в Норт-Энде была маленькая община португальских рыбаков (возможно, где-нибудь рядом с Флит-стрит осталось несколько семей), но в 1954 году, когда Дэнни Бачагалупо с отцом приехали в Бостон, эта часть города практически целиком была заселена итальянцами.

Повара с сыном недолго считали чужаками. Нашлось более чем достаточно родственников, желавших приютить их у себя. Бесчисленные Калоджеро, нескончаемые Саэтта – родня сравнительно близкая, отдаленная и косвенная – называли обоих Бачагалупо «семьей». Однако Доминик и юный Дэнни не привыкли к большим семьям, не говоря уже о кланах. Не удаленность ли от родни помогла им выжить в округе Коос? Бостонские итальянцы не понимали слова «отстраненность»: они либо лезли к вам с объятиями (*un abbraccio*), либо зачисляли вас во враги.

Старики по-прежнему собирались на перекрестках и в парках, где наряду с неаполитанским и сицилийским диалектами звучали калабрийский и абруццианский. В теплое время года жизнь бостонских итальянцев всех возрастов перемещалась за пределы квартир, на узкие улицы. Многие иммигранты старшего поколения приехали в Америку на рубеже веков, и не

³³ *Микки* – презрительное прозвище католиков. Ирландцы в подавляющем большинстве являются католиками. Возможно, отсюда и умозаключения Кетчума насчет католического характера этой школы.

³⁴ Пригороды Бостона.

только из Неаполя и Палермо, но и из бесчисленных деревушек итальянского юга. Уличную жизнь покинутой родины они воссоздали в бостонском Норт-Энде: лотки с овощами и фруктами, маленькие пекарни и кондитерские, мясные рынки; по пятницам на Кросс-стрит и Сейлем-стрит – неперенные тележки со свежей рыбой. А кроме этого – уличные парикмахерские, будочки чистильщиков обуви, умопомрачительное количество летних празднеств и диковинные религиозные общины, чьи витрины украшали изображения святых-покровителей. Во всяком случае, Доминику и Дэниелу Бачагалупо эти святые казались диковинными. За тринадцать лет жизни в Норт-Энде отец и сын так и не обнаружили внутри себя ничего католического и итальянского.

По правде говоря, Дэни кое в чем преуспел по части своей «итальянскости»: все эти тринадцать лет он пытался избавиться от своей нью-гэмпширской холодности. Доминик же так и не преодолел ее. Одно дело – уметь готовить итальянские блюда, и совсем другое – осознавать себя итальянцем.

Ошибочно посчитав школу имени Микеланджело католической, Кетчум почти сразу же посоветовал Дэни перейти в закрытое учебное заведение. Отец воспринял совет старого друга в штыки и чуть ли не обвинил Кетчума в подстрекательстве к уходу из дома. На самом деле в одном из своих ранних писем к Дэни, написанных странным «девичьим» почерком, сплавщик всего лишь поделился собственными наблюдениями. Самый умный парень из тех, что встречались Кетчуму на жизненном пути, учился в частной школе где-то на побережье Нью-Гэмпшира. Кетчум имел в виду Эксетер. Из Бостона туда можно было довольно легко добраться на машине, а в те времена – еще и на поезде. На «старом добром „Бостон и Мэн“»³⁵, как называл его сплавщик. Поезда отправлялись с Северного вокзала Бостона (оттуда же они шли на север Нью-Гэмпшира). «Черт побери, я уверен, что тебе не составит труда дойти пешком из своего Норт-Энда до Северного вокзала, – писал он Дэни. – Даже наш парнишка туда дохромает». (В лексиконе Кетчума все чаще появлялись слова «парень» и «парнишка». Возможно, от общения с Нормой Шесть. Хотя слова эти повар с сыном слышали и от Джейн, да и сами употребляли.)

Повар воспринял в штыки, выражаясь его словами, «вмешательство Кетчума в среднее образование Дэниела». Дэни спорил с отцом, пытаясь доказать тому, что Кетчум здесь ни при чем. Обвинения повара были лишены логики. Он ни единого слова не сказал против мистера Лири – преподавателя английского языка, у которого Дэни учился в седьмом и восьмом классах. Фактически это он устроил так, что будущего писателя приняли в Эксетер. Однако повару и в голову не приходило упрекать старого ирландца.

Здесь была вина и самого Доминика. Узнав, что Эксетер – школа исключительно мужская, он вдруг поддался уговорам и весной пятьдесят седьмого года позволил своему пятнадцатилетнему сыну выпорхнуть из-под отцовского крыла. Как бы повар ни страдал от разлуки с сыном, как бы ни разрывалось его сердце, он мог спать спокойно, зная, что его мальчик находится вдали от девиц (правда, Кетчум называл это «иллюзией»). Доминик позволил Дэни уехать в Эксетер, поскольку хотел «как можно дольше» удерживать его от общения с женским полом (так он писал Кетчуму).

«Это твои заботы, Стряпун», – ответил ему старый друг.

И он был прав. Поначалу, когда они только-только переехали в Норт-Энд, подобных забот не существовало. Дэни было всего двенадцать, и он не засматривался на девушек. Зато повар увидел, что девушки уже засматриваются на его сына. В кланах Саэтта и Калоджеро хватало дальних и косвенных родственников чуть постарше Дэни. Вскоре они станут тем, что по-английски метко названо *kissing cousins*³⁶. А кроме них в Норт-Энде немало и других девушек. Ведь

³⁵ Железнодорожная корпорация «Бостон и Мэн» была создана в 1833 г. Долгое время оставалась основной ж.-д. корпорацией Новой Англии.

³⁶ Поцелуйные кузины (англ.).

это же город, и здесь полным-полно людей. Ни повар, ни его двенадцатилетний сын прежде не жили в большом городе.

А тогда, апрельским воскресным днем 1954 года, отец и сын Бачагалупо не без труда нашли Норт-Энд. Даже в те времена по его улицам было проще пройти, чем проехать. (Проезд и поиски места для стоянки «понтиака» потребовали времени и усилий. Конечно, эти усилия нельзя сравнивать с перевозкой и переноской тела Джейн со второго этажа столовой на кухню дома констебля Карла, и тем не менее.) Найдя место для стоянки, отец с сыном пешком двинулись по Ганновер-стрит. В вышине светился золотом купол административного здания туннеля Самнера³⁷ – совсем как солнце в небе другой планеты. Близ Кросс-стрит им попались на глаза рестораны «Европеец» и «У матушки Анны», а вскоре они заметили и «Vicino di Napoli».

День клонился к вечеру. Отец и сын долго добирались сюда из северной части Нью-Гэмпшира. Но здесь было тепло и солнечно. Совсем не как холодным утром возле плотины Покойницы, где они передали Кетчуму посиневшее тело Эйнджела.

Тротуары кишели людьми. Сюда выходили семьями. Люди разговаривали друг с другом, а некоторые даже кричали. (Еще утром в Извилистом повар с сыном видели лишь молчащую мертвую Джейн; потом, у плотины Покойницы, – такого же молчащего мертвого Эйнджела и не слишком разговорчивого живого Кетчума.) Здесь же, едва они нашли стоянку для «понтиака» и двинулись пешком, Дэнни от волнения не мог говорить. Такие шумные места он видел только в кино. (Ближайшее от Извилистого кино находилось в Берлине. Иногда Джейн возила туда Дэнни посмотреть какой-нибудь фильм. Повар заявлял, что никогда не поедет в Берлин, «разве что в наручниках».)

В то апрельское воскресенье, когда они остановились напротив «Vicino di Napoli» и Дэнни взглянул на отца, вид у повара был такой, будто его притащили в Норт-Энд в наручниках. Неужели ему уготовано судьбой оказаться у дверей этого ресторана? «И что бывает с принесшим печальную весть? Падает ли на него проклятие?» – мысленно спрашивал себя повар. Не свалится ли потом беда и на его плечи?

Юный Дэнни ощущал отцовскую нерешительность. Но ни отец, ни сын не успели открыть дверь ресторана. Ее открыл изнутри какой-то старик.

– Входи-и-те, входи-и-те, – певуче произнес он и, взяв Дэнни за руку, повел во вкусно пахнущий зал.

Доминик молча поплелся за ними. Едва взглянув на старика, повар понял: это не его презренный отец. К тому же для Дженнаро Каподилупо впустивший их был чересчур стар.

Скорее всего, этот человек был одновременно метрдотелем и владельцем «Vicino di Napoli». Знал ли он Аннунциату Саэтта? Старик не помнил, но, кажется, слышал о какой-то Нунци. Конечно же, он знаком со многими из клана Саэтта. Увидев перед собой хромого незнакомца, владелец ресторана и подумать не мог, что это сын Дженнаро Каподилупо. Того он вспомнил: работал у него уборщиком столов, ленивый, как свинья, зато волочился за каждой юбкой, что появлялась в «Vicino di Napoli» (именно здесь встретились Нунци и любвеобильный папочка Доминика). Что было дальше? Терпел, терпел, а потом уволил бездельника. Через несколько минут разговора престарелый владелец и метрдотель в одном лице признался, что да, он слышал об Аннунциате Саэтта. И о Розине, или Розе, Калоджеро тоже слышал. Скандалы для Норт-Энда – обязательная тема разговоров, в чем вскоре убедились повар и его сын.

Зал в «Vicino di Napoli» не отличался просторностью. Маленькие столики были покрыты белыми скатертями в красную клетку. Двое девушек и парень-подросток (на вид ровесник Эйнджела) готовили столики к открытию. В конце зала поблескивало нержавеющей сталью раздаточное окошко, за которым находилась кухня. Доминик увидел облицованную кирпичом

³⁷ Транспортный туннель, начинающийся в Норт-Энде и проходящий под Бостонской гаванью.

печь для пиццы. В кухне работали двое поваров. Доминик облегченно вздохнул: никто из них по возрасту не годился ему в отцы.

– Мы откроемся попозже, но вы располагайтесь. Может, вам принести чего-нибудь выпить? – спросил старик, улыбаясь Дэнни.

Доминик полез во внутренний карман куртки, где лежал все еще мокрый бумажник Анджелу дель Пополо. Едва увидев бумажник, метрдотель попятился назад.

– Вы что, коп? – насторожился старик.

Слово «коп» тут же привлекло внимание поваров. Они опасливо выглядывали из раздаточного окошка. Девушки и подросток прекратили заниматься столиками и уставились на Доминика.

– Копы не ходят на работу со своими детьми, – сказал старику один из поваров.

Его передник и даже руки были густо покрыты мукой. («Наверное, заведует у них пиццей», – подумал Доминик.)

– Я не коп, а повар, – сказал Доминик.

Двое местных поваров и старик облегченно засмеялись. Девушки и подросток возобновили работу.

– Но мне нужно кое-что вам показать.

Доминик вертел в руках бумажник Анджелу. Он соображал, что лучше показать этим людям вначале: проездной билет с именем Анджелу дель Пополо и датой рождения утонувшего парня или фотографию миловидной полной женщины. Доминик выбрал билет, но, пока решал, кому его показать, старик увидел фото и выхватил бумажник из рук хромого повара.

– Кармелла! – закричал метрдотель.

– Был один парень, – начал Доминик, но оба повара уже склонились над снимком. – Возможно, это его мать, – добавил он.

Больше Доминик не произнес ни слова. Изготовитель пиццы спрятал лицо в ладонях, убелив мукой щеки.

– Анджелу-у-у! – взвыл он, растягивая последний слог.

– Нет! Нет! Нет! – нараспев твердил старик.

Схватив Доминика за плечи, он стал трясти вестника беды.

Второй повар (несомненно, он у них был главным или старшим поваром) держался за сердце, будто получил удар кинжалом.

Белолицый, чем-то похожий на клоуна, изготовитель пиццы слегка тронул Дэнни за руку, оставив следы пальцев, испачканных в муке.

– Что случилось с Анджелу? – спросил он таким нежным тоном, что Доминик понял: должно быть, у повара есть сын возраста Дэнни (или теперь уже вырос, но отец помнит этот возраст).

Оба здешних повара были где-то лет на десять старше Доминика.

– Эйнджел утонул, – коротко ответил Дэнни, обращаясь ко всем.

– Это был несчастный случай, – пояснил Доминик.

– Анджелу не был рыбаком! – скорбно произнес метрдотель.

– Несчастье случилось с ним на лесосплаве, – продолжил объяснения Доминик. – Бревна были скользкими. Мальчик не устоял на ногах, упал в воду и оказался под бревнами.

Девушки и парнишка, что на вид был одного возраста с Эйнджелом, куда-то исчезли. Дэнни даже не заметил, когда они покинули зал. (Потом он догадался: они сбежали всего-навсего на кухню.)

– Анджелу работал у нас. Приходил после школы, – продолжал старик, обращаясь к Дэнни. – Кармелла, его мать, и сейчас у нас работает.

Повар, которого Доминик посчитал здесь главным, подошел и протянул ему руку.

– Антонио Молилари, – серьезным тоном представился он, пожимая руку Доминика.

– Доминик Бачагалупо. Я работал поваром в поселке. А это мой сын Дэниел.

– Джузе Полкари, – представился старик, глядя на Дэнни. – Здесь никто не зовет меня Джузеппе. Мне нравится, когда меня называют просто Джо.

Он указал на изготовителя пиццы.

– А это мой сын Пол.

Тони Молинари вышел на улицу. Он всматривался в прохожих, что шли мимо по Ган-новер-стрит.

– А вот и она! – крикнул он в зал ресторана. – Кармелла идет!

Оба повара скрылись на кухне, оставив двоих ошеломленных Бачагалупо в обществе старого Полкари.

– Вы лучше сами ей скажите. Я не-е смогу, – растягивая слова, попросил Джузе (или просто Джо). – Я вас ей представляю, – пообещал старик, подталкивая Доминика к входной двери.

Дэнни не выпускал отцовской руки.

– Муж у нее тоже утонул. А как они любили друг друга! – продолжал Полкари-старший. – Но он был рыбаком. Их много тонет.

Все трое заметили идущую Кармеллу – полную женщину с приятным лицом и совершенно черными волосами. На вид ей не было сорока, возможно, ровесница Кетчума или чуть старше. Большая грудь, широкие бедра, широкая улыбка. Дэнни сразу отметил, что улыбка у этой женщины шире, чем у покойной Индианки Джейн.

– У Кармеллы есть еще дети? – спросил Доминик.

– Анджелу был ее первым и единственным ребенком, – вздохнул Джузе.

Дэнни выпустил отцовскую руку, поскольку старик протянул ему бумажник Эйнджела, все еще мокрый и холодный. Оттуда кривым зубом торчал уголок проездного билета. Дэнни открыл бумажник и запихнул билет внутрь. В это время к двери ресторана подошла Кармелла дель Пополо.

– Привет, Джо. Я не опоздала? – весело спросила она у старика.

– Кто-кто, а ты, Кармелла, никогда не опаздываешь. Ты всегда приходишь вовремя.

Быть может, именно эти минуты и определили желание Дэниела Бачагалупо стать писателем. То была его первая, еще весьма неуклюжая попытка предвидения будущего. Мальчик вдруг заглянул в свое будущее, а также увидел будущее отца (пусть не так ясно, как собственное). Да, Кармелла была старше отца и полнее, чем на фото из бумажника Эйнджела, однако она явно не утратила привлекательности. В свои двенадцать Дэнни был еще слишком мал, чтобы обращать внимание на девушек (да и девушки были чересчур юны, чтобы привлечь его внимание). Зато в нем уже пробудился интерес к женщинам. (Индианка Джейн его очень интересовала, да и Пам Норма Шесть – не меньше.)

Юный Дэнни сразу же уловил пронзительное сходство Кармеллы дель Пополо с Джейн. Ее оливково-коричневая кожа была почти того же оттенка, что и красновато-коричневая кожа убитой индианки. Такой же слегка приплюснутый нос, такие же широкие скулы. Даже цвет глаз совпадал. У Кармеллы, как и у Джейн, глаза были почти одного цвета с волосами. Сейчас итальянка улыбалась. Но не поселится ли вскоре и в ее душе печаль, какую носила в себе Джейн? Джейн потеряла сына, а Кармелла – еще и любимого мужа. И эта утрата роднила ее с Домиником Бачагалупо.

И дело вовсе не в том, что Дэнни заметил проблеск взаимной симпатии между Кармеллой и своим отцом. Мальчишка знал это наверняка: Кармелла станет новой возлюбленной отца, и их совместная жизнь будет продолжаться до тех пор, пока Норд-Энд оберегает обоих Бачагалупо от констебля Карла.

– Кармелла, ты присядь, – начал старый Полкари, двигаясь в сторону кухни, куда скрылся весь персонал ресторана. – Эти люди – повар и его сын – приехали с севера. Они друзья Анджелу.

Яркая улыбка Кармеллы стала еще лучезарнее.

– Так вы Доминик? – воскликнула она, протягивая руки и сжимая повару виски.

Она быстро повернулась к Дэнни. Джузе Полкари успел исчезнуть из зала и присоединиться к остальным трусам.

– А ты, должно быть, Дэнни! – с явным удовольствием проговорила Кармелла.

Она обняла мальчика, не так сильно, как иногда обнимала его Джейн, но достаточно крепко, чтобы заставить Дэнни вновь подумать об индианке.

Доминик только сейчас догадался, почему в бумажнике Эйнджела было так мало денег и почему их не оказалось среди его скудных пожитков. Заработанные деньги он посылал матери. Когда Джейн ездила на почту, парень упрашивал взять его с собой. Придумывал разные причины вроде сложностей с отправкой писем в Канаду, а на самом деле посылал почтовые переводы в Бостон. И регулярно писал матери, раз она знала, как ее сын дружен с поваром и его мальчиком.

– А мистер Кетчум тоже с вами приехал? – спросила Кармелла, ласково глядя Дэнни по лицу своими теплыми руками.

(Возможно, этот момент немоты помог Дэниелу Бачагалупо стать писателем. Во всех подобных случаях ты знаешь: нужно что-то говорить, но никак не можешь придумать, что именно. Но как писатель, ты не особо сосредоточиваешься на таких моментах.)

Похоже, Кармелла заметила, что в зале ресторана, кроме нее и гостей с севера, никого нет. Не увидев никого и в раздаточном окошке, несчастная женщина решила, будто ей приготовили сюрприз. Вдруг ее Анджелу решил приехать сюда экспромтом, ничего не сообщив заранее? Уж не спрятали ли ее дорогого сыночка в кухне, раз там так подозрительно тихо?

– Анджелу! – громко крикнула Кармелла. – Ты там один или с мистером Кетчумом?

Уже потом, привыкнув к своему ремеслу писателя, Дэниел Бачагалупо понял: поведение людей в кухне было вполне естественным. Мальчишкой он ошибся, посчитав их трусами. Просто они любили Кармеллу дель Пополо и не могли видеть ее в момент, когда она узнает о трагедии. Однако тогда юный Дэнни был шокирован. Все началось с Пола Полкари, изготовителя пиццы.

– Анджелу-у-у! – запричитал повар.

– Нет! Нет! Нет! – подхватил его отец.

– Анджелу, Анджелу, – тише и мягче повторял Тони Молилари.

Девушки и парень примерно одного возраста с Эйнджелом вплели свои голоса в этот скорбный хор. Кармелла ожидала услышать вовсе не это. Из кухни доносились такие отчаянные вопли и стоны, что несчастная женщина взглянула на Доминика, ожидая его объяснений. Но на лице хромого повара она увидела лишь глубокую растерянность и печаль. Дэнни просто не мог смотреть на мать Эйнджела – это было все равно как если бы он увидел лицо Джейн за полсекунды до рокового удара сковородой.

Старый Полкари, прежде чем ретироваться на кухню, заботливо вытащил из-под ближайшего столика стул для Кармеллы. До сих пор она стояла, но теперь не столько села, сколько рухнула на стул. Ее смуглое лицо сделалось бледным. Женщина вдруг заметила в детских руках Дэнни бумажник ее сына. Кармелла потянулась к бумажнику, но, ощутив, что он влажный и холодный, отпрянула и едва не свалилась со стула. Доминик опустил на колени и обнял ее за плечи. Дэнни тоже встал на колени возле ее ног.

Кармелла была в черной шелковой юбке и красивой белой блузке, которая вскоре покрылась пятнами от ее слез. Потом она заглянула в темные глаза Дэнни и, должно быть, увидела взгляд своего сына. Наверное, он так же смотрел на нее, ибо Кармелла обняла голову Дэнни,

притянула к себе на колени и крепко держала, словно чужой мальчик был ее исчезнувшим Анджелу.

– Только не Анджелу! – закричала Кармелла.

Кто-то из поваров ритмично ударял деревянной ложкой по большой кастрюле для макарон.

– Только не Анджелу! – вторил он эхом Кармелле.

– Я понимаю, каково вам сейчас, – услышал Дэнни слова отца.

– Он утонул, – сказал Дэнни.

Кармелла еще сильнее прижала его голову к своим коленям. И вновь перед сыном повара промелькнуло его ближайшее будущее. Пока он живет вместе с отцом и Кармеллой дель Пополо, Дэнни Бачагалупо будет служить ей заменой Анджелу. («Нечего винить мальчишку за то, что он хочет перебраться в другую школу, – как-то написал своему старому другу Кетчум. – Если хочешь, Стряпун, вини меня, но Дэнни тут ни при чем».)

– Он не мог утонуть! – кричала Кармелла, заглушая кухонный грохот.

Дэнни не слышал, какие слова шептал бедной женщине его отец. Зато он чувствовал, как ее тело сотрясается от рыданий. Кармелла слегка повернула его голову. Дэнни увидел, что стул окружен скорбящим персоналом ресторана. Они не захватили с собой ни кастрюль, ни сковородок, ни деревянных ложек. Они пришли сами, с мокрыми от слез лицами (лицо Пола вдобавок было покрыто мукой). Дэниел Бачагалупо умел пользоваться воображением. Он и так знал, какие слова нашептывает Кармелле отец. Конечно же, свое извечное словосочетание «несчастный случай». Окружающий мир состоял из несчастных случаев, и сын с отцом давно это знали.

– Они хорошие люди, – как молитву, твердил старик Полкари.

Уже потом Дэнни понял: Джо Полкари не молился, он говорил Кармелле о них – пришельцах «с севера». Во всяком случае, Кармелла не сопротивлялась, когда отец с сыном вызвались отвести ее домой. (По пути Кармелла несколько раз впадала в предобморочное состояние, и тогда она просто падала на руки обоих Бачагалупо. Однако удерживать Кармеллу было легко: она весила на сто фунтов меньше, чем Джейн. И потом, Кармелла была живой.)

Но прежде чем они втроем покинули ресторан (когда голова Дэнни покоилась на коленях поверженной горем матери Эйнджела), Дэниел Бачагалупо открыл для себя еще один писательский прием. Он и раньше умел пользоваться этим приемом, но в своем творчестве применил только через несколько лет. Всем писателям необходимо уметь отойти в сторону, отстраниться от того или иного эмоционального момента. В свои двенадцать Дэнни сумел это сделать. И хотя лицо его упиралось в теплые колени Кармеллы, а ее руки не давали его голове шевельнуться, мальчик просто изъясил себя из числа участников печального события. Возможно, он мысленно переместился к раздаточному окошку или даже к печи для пиццы, но его не было среди скорбящих. Откуда-то извне Дэнни наблюдал за персоналом «Vicino di Napoli», собравшимся вокруг сидящей Кармеллы и его стоящего на коленях отца.

Старик Полкари находился позади стула, одна его рука покоилась на затылке Кармеллы, другую он прижимал к сердцу. Его сын Пол, изготовитель пиццы, стоял со склоненной головой (вместо пепла она была посыпана все той же мукой). Полкари-младший встал возле другого бедра Кармеллы, как раз напротив коленопреклоненного Доминика. Двое девушек-официанток (они еще учились у Кармеллы премудростям этой профессии) тоже стояли на коленях, позади Дэнни. Впрочем, будущий писатель взирал на все это со стороны, с кухни. Он видел и себя с головой, вдавленной в колени Кармеллы. Другой повар – Тони Молинари – находился чуть поодаль. Он стоял, обнимая худенькие плечи подростка, которому на вид было столько же лет, сколько Эйнджелу. (Этот парнишка работал уборщиком столов. Первая работа, которую Дэнни придется выполнять в «Vicino di Napoli».)

Но в тот печальный момент Дэниел Бачагалупо взирал на всю сцену издали. Как и многие молодые писатели, он будет писать свои ранние произведения от первого лица, а вымученная первая фраза одного из его ранних романов будет частично отображать «пьету», увиденную им воскресным апрельским днем в «Vicino di Napoli». Начинаящий писатель напишет так: «Я стал членом семьи, с которой не был связан никакими родственными отношениями, и это случилось задолго до того, как я узнал достаточно подробностей из жизни моей семьи и о дилемме, вставшей перед моим отцом, когда я был совсем маленьким».

«Избавьтесь от фамилии Бачагалупо, – писал им обоим Кетчум. – Если Карл будет вас разыскивать, лучше сменить фамилию и спать спокойно». Но Дэнни не захотел менять фамилию. Дэниел Бачагалупо гордился своей фамилией: узнав от отца историю ее происхождения, он испытывал особую, бунтарскую гордость. Несколько лет шантрапа из Западного Даммера дразнила его то «морской свинкой», то «итальяшкой». Дэнни знал: он заслужил право носить фамилию Бачагалупо. Так зачем же менять ее здесь, в Норт-Энде, где полно итальянцев? И потом, если Ковбой начнет их разыскивать, он будет искать Доминика, а не Дэниела Бачагалупо.

Отношение Доминика к своей фамилии было иным. Для него фамилия Бачагалупо всегда была «состряпанной». И потом, это Нунци назвала его своим «поцелуем волка». На самом деле ему было бы куда логичнее назваться Саэтта (кем он наполовину и являлся) или даже Каподилупо, если бы не стыд за трусливо сбежавшего отца. («Этого мерзавца Дженнаро», – как однажды выразился старый Джо Полкари об уволенном и пропавшем неведомо куда уборщике столов.)

Доминик мог бы взять себе множество фамилий. В громадном клане Аннунциаты все хотели, чтобы он стал Саэтта, тогда как бесчисленные племянники и племянницы Розы (не говоря о более близких родственниках покойной жены) хотели сделать его Калоджеро. Доминик не попался в эту ловушку. Он понял, что смертельно обидит всех Саэтта, если станет Калоджеро, и наоборот. В «Vicino di Napoli», где он почти сразу же оказался в учениках у главного повара Тони Молилари и изготовителя пиццы Пола Полкари, ему дали прозвище Гамбакорта – Короткая Нога (беззлобное и относящееся исключительно к его хромоте), которое очень скоро сократили до Гамбы (просто Нога). Однако Доминик решил: за пределами ресторана ни Гамбакорта, ни Гамба не годятся в качестве фамилии для повара.

– А как тебе фамилия Бонвино? – предложил старый Джузе Полкари.

Эта фамилия означала «хорошее вино», но Доминик не пил.

Тони Молилари порекомендовал ему взять фамилию Буонопане («хороший хлеб»), а изготовитель пиццы Пол Полкари – Капобьянка («белая голова»), видимо, потому, что сам с ног до головы был обсыпан мукой. Однако обе фамилии были слишком смехотворными для серьезно настроенного Доминика.

Уже в их первую ночь на новом месте Дэнни догадался, какую фамилию выберет себе отец. Кармелла занимала трехкомнатную квартиру в кирпичном доме без лифта, что стоял возле старой бани, недалеко от кладбища Коппс-Хилл. Горячей воды в квартире не было, и потому на газовой плите постоянно грелись большие кастрюли с водой. Когда они вели вдову дель Пополо из ресторана в ее жилище, Дэнни вдруг увидел отцовское будущее и понял: очень скоро Доминик Бачагалупо окажется, образно говоря, в башмаках утонувшего мужа Кармеллы. Хотя оставшаяся от рыбака обувь не годилась Доминику, повару прекрасно подошла его одежда (оба мужчины были невысокого роста и худощавыми). Вскоре и Дэнни стал носить то, что осталось после Эйнджела. Вполне понятно, что отцу с сыном требовалась городская одежда, поскольку люди в Бостоне одевались совсем не так, как в округе Коос. Дэнни поначалу не внял совету Кетчума и не сменил фамилию. Однако мальчишку не удивило, что его отец

едва ли не в первую их ночь в Норт-Энде стал Домиником дель Пополо (в конце концов, он и был поваром «из народа»).

У Кармеллы на кухне стоял стол с тремя стульями и ванна, которая была больше стола. На газовой плите, в двух громадных макаронных кастрюлях, постоянно грелась вода (пламя горелок было таким, что вода оставалась горячей, но не кипела). Дома Кармелла почти ничего не готовила, и вода предназначалась для мытья. Для женщины, живущей в квартире без горячей воды, Кармелла выглядела очень чистой. От нее очень приятно пахло. С помощью Эйнджела ей удавалось оплачивать счета за газ. Тогда для парней его возраста в Бостоне было мало полноценной работы, в основном почасовая, на подхвате. Те, кто был покрепче и посильнее, ехали искать работу на север штатов Мэн и Нью-Гэмпшир. Но работа там бывала опасной, в чем бедняга Эйнджел и убедился.

Дэнни с отцом сидели на маленькой кухне Кармеллы. Оба понимали: женщине надо дать выплакаться. Они рассказывали рыдающей матери разные истории про ее утонувшего сына, часть из которых была связана и с Кетчумом. Когда первая полоса рыданий закончилась, все трое, успев проголодаться, вернулись в ресторан. По воскресеньям в «Vicino di Napoli» подавали лишь пиццу и незатейливые блюда из макарон. (В те времена для большинства итальянцев послеполуденная еда была основной.) Рестораны закрывались довольно рано. Когда посетители расходились, повара готовили пищу для персонала. Во все остальные дни рестораны работали допоздна, и персонал кормили перед открытием.

Престарелый владелец (он же метрдотель) «Vicino di Napoli» ждал их возвращения. В углу составили четыре столика, за которые все и уселись. Они ели и пили как на настоящих поминках. Трапеза то и дело прерывалась плачем (плакали все, кроме Дэнни). Утонувшего парня здесь очень любили, и каждый произносил тост в его память, однако ни Дэнни, ни его отец не притрагивались к вину. Собравшиеся часто восклицали: «Аве Мария»³⁸ (почти всегда в унисон), хотя не было ни открытого гроба, ни ночного бдения над покойным. Доминик заверил участников скорбной трапезы, что Кетчум, зная об итальянском происхождении Эйнджела, с помощью местных франкоканадцев проведет «католический ритуал». (Здесь Дэнни выразительно посмотрел на отца. Оба знали: Кетчум и не подумает устраивать ничего «католического». Скорее всего, сплавщик обойдется без ритуалов и, уж конечно, без франкоканадцев.)

Час был уже довольно поздний, когда Тони Молилари спросил Доминика, где они собираются провести ночь. Не возвращаться же на ночь глядя в Нью-Гэмпшир! Доминик помнил слова, сказанные утром Кетчуму: он больше не играет в рискованные игры. Но повар доверился принявшим его людям и, к собственному удивлению и к удивлению сына, сказал им правду:

– Нам туда нельзя возвращаться. Мы в бегах.

От этих слов Дэнни вдруг заплакал. Обе молоденькие официантки и Кармелла бросились его успокаивать.

– Больше ни слова, Доминик. Нам незачем знать, почему и от кого вы убежали! – воскликнул старик Полкари. – У нас вы в безопасности.

– Я и не удивлен. По тебе сразу было видно, что ты попал в передрагу, – сказал изготовитель пиццы Пол, сочувственно хлопая Доминика по плечу и оставляя след от муки. – Здорово тебе в верхнюю губу заехали. До сих пор кровоточит.

– Может, нужно наложить швы? – заботливо предложила Кармелла.

Доминик энергично замотал головой, отвергая ее предложение, однако все видели его благодарную улыбку. (Дэнни опять выразительно поглядел на отца, надеясь, что тот не станет раскрывать, при каких обстоятельствах ему поранили губу, и объяснять, что их бегство никак не связано с необузданным поведением Пам Нормы Шесть.)

– Вы можете остановиться у меня, – предложил Доминику Тони Молилари.

³⁸ Католическая молитва к Божьей Матери, входящая в ритуал бдения по покойнику.

– Они останутся у меня, – возразила Кармелла. – У меня комната пустует.

Никто не осмелился оспорить ее предложение, поскольку речь шла о комнате Эйнджела, одно упоминание о которой вновь повергло Кармеллу в слезы. Когда повар с сыном снова привели бедную женщину в ее некомфортабельное жилище на Чартер-стрит, Кармелла велела им лечь на большой кровати. А сама она проведет ночь на кровати навсегда исчезнувшего Анджелу.

Из-за стены доносились рыдания Кармеллы. Она тщетно пыталась уснуть. Потом рыдания стихли.

– Может, ты пойдешь к ней? – шепотом предложил отцу Дэнни.

– Это не совсем удобно, Дэниел. Она горюет по сыну. Думаю, что пойти надо не мне, а тебе.

Дэнни Бачагалупо отправился в комнату Эйнджела. Кармелла протянула к нему руки, и мальчик улегся рядом на узкую односпальную кровать. «Анджелу», – шептала несчастная мать, пока наконец не уснула. Дэнни не отваживался выбраться из постели, боясь разбудить Кармеллу. Он лежал в ее теплых руках, вдыхая вкусный запах ее тела, пока и сам не заснул. Двенадцатилетний мальчишка прожил длинный и тяжелый день (особенно учитывая обстоятельства предыдущей ночи) и, конечно же, очень устал.

Мог ли этот совместный сон в одной постели с чужой женщиной тоже способствовать тому, что Дэниел Бачагалупо стал писателем? Не прошло и суток, как он случайно убил трехсотфунтовую любовницу отца. И вот он, мальчишка, лежит в теплых объятиях чувственной, любвеобильной вдовы дель Пополо, которая очень скоро заменит отцу Индианку Джейн. У отца начнется новый жизненный этап (и тоже не очень-то веселый). Впоследствии, уже став писателем, Дэнни поймет почти что одномоментность этих серьезных, связанных между собой, но совершенно разных событий. Такие события – движущая сила любого рассказа или романа. Но той ночью, когда юный Дэнни забылся, лежа во вкусно пахнущих руках Кармеллы, уставший мальчишка просто думал: «Откуда столько совпадений?» (Он был еще слишком молод и не знал, что в правдивом, хорошо продуманном романе нет места совпадениям.)

Возможно, достаточно было одних только фотографий его умершей матери, чтобы Дэнни стал писателем. Готовясь к бегству из Извилистого, он сумел взять лишь часть снимков. Мальчик знал: ему будет очень не хватать материнских фото, оставшихся между книжными страницами, как будет не хватать и самих книг, в которых они лежали, – романов с подчеркнутыми Розы абзацами. Вместе со снимками подчеркнутые строчки помогали ему лучше представить свою мать. Теперь попытки вспомнить брошенные в Извилистом фото были и попытками представить ее облик.

Лишь немногие из привезенных в Бостон фотографий были цветными. Отец сказал Дэнни, что черно-белые снимки правдивее передают, как он выразился, «летальную синеву ее глаз». (Почему «летальную»? – удивлялся будущий писатель. И как могли черно-белые фото «правдивее», нежели цветные кодаковские картинки, передавать синеву материнских глаз?)

Волосы Розы были темно-каштановыми, почти черными, но кожа ее лица отличалась удивительной белизной. Лицо с заостренными хрупкими чертами придавало ее фигуре еще более миниатюрный вид. Когда Дэнни перезнакомился со всеми Калоджеро, и в первую очередь – с младшими сестрами матери, он увидел, что две его тетки такие же миловидные и миниатюрные, как Роза на фотоснимках, а у самой младшей из них (ее звали Филомена) были синие глаза. По представлениям мальчишка, Филомена сейчас находилась в том же возрасте, в каком погибла его мать (то есть его тетке было лет двадцать пять – тридцать). Правда, отец, заметив, как сын таращится на Филомену, поспешил заявить, что глаза ее не такого цвета, как у Розы. (Может, недостаточно летальны? Об этом Дэнни мог только гадать.) Отец редко говорил с Филоменой. С нею он вел себя почти грубо, намеренно не глядел на нее и не обсуждал ее наряды.

Можно ли объяснить подмечаемые детали писательской наблюдательностью Дэниела Бачагалупо? Неужели двенадцатилетний мальчишка уже распознал поведенческий стереотип отца в выборе типажа своих любовниц: вначале Джейн, а затем и Кармелла дель Пополо? В противовес Розы Калоджеро обе были полными и темноглазыми. Если Розы действительно была первой и единственной любовью отца, может, Доминик осознанно не шел на контакт с любой женщиной, хотя бы отдаленно напоминавшей ее?

Кетчум однажды упрекнул отца в неестественном сохранении верности Розы, из-за чего Доминик выбирал себе женщин, являющихся ее противоположностью. О комплекции Кармеллы сплавщик узнал от Дэнни. Сам повар в письмах к другу не упоминал ни о полноте своей новой подруги, ни о цвете ее глаз. Доминик почти ничего не рассказывал Кетчуму о матери Эйнджела и стремительно развивающихся отношениях с нею. Он даже не пожелал ответить на изобилующее упреками письмо Кетчума и рассердился, что сплавщик критикует его вкусы в выборе женщин. А Кетчум продолжал жить с Пам Нормой Шесть, которая тоже весьма существенно отличалась от «кузины Розы»!

Чтобы вспомнить Пам, Доминику достаточно было взглянуть в зеркало. Шрам на пораненной ею нижней губе еще долго оставался заметным. Все последующие годы Доминик дель Пополо (в прошлом Бачагалупо) будет удивляться длительности отношений между Кетчумом и Нормой Шесть. Они проживут вместе на несколько лет больше, чем он прожил с Индианкой Джейн, и даже чуть больше, чем повар проживет с Кармеллой дель Пополо – грузной, но милой женщиной.

В свое первое бостонское утро отец и сын проснулись от мучительно дразнящих звуков, доносящихся с кухоньки, где Кармелла принимала ванну. Не желая смущать женщину, Доминик и Дэнни лежали в кроватях, пока Кармелла совершала свои соблазнительно звучащие омовения. Оба не знали, что она уже поставила на плиту две дополнительные кастрюли, вода в которых близилась к закипанию.

– Я нагрела много воды! – крикнула она. – Кто хочет купаться после меня?

Повар мысленно уже представлял себя в одной ванне с Кармеллой (хотя пока и стыдился этих мыслей). Услышав вопрос, он, сам того не сознавая, ответил, что им с сыном вполне хватит одной ванны. Но Дэнни такое предложение воспринял в штыки.

– Нет, отец! – крикнул он, вытянувшись на узкой кровати в комнате Эйнджела.

Кармелла грузно встала в ванне. Было слышно, как на пол стекают струйки воды.

– Ребятам в возрасте Дэнни нужно уединение! – сказала она.

Дэнни с нею согласился, еще не вполне понимая, что вскоре ему понадобится больше уединения от отца и Кармеллы. Как-никак он был уже почти подростком. Эта квартира не очень-то годилась для жизни втроем. Помимо отсутствия горячей воды, туалет здесь был совсем крохотной клетушкой, куда едва вмещался унитаз и маленькая раковина. Двери не было, ее заменяла занавеска. Вскоре они переберутся на другую квартиру – ненамного просторнее этой и не обеспечивающей Дэнни достаточно уединенности, но с горячей водой. Их новое жилье опять будет в доме без лифта, на Уэсли-плейс – переулке, что шел параллельно улице, где находилось «Caffè Vittoria». Две спальни, нормальных размеров ванная комната с ванной и душем и кухня, где вокруг стола помещалось шесть стульев.

Но и здесь спальни располагались рядом. Просторное жилье, какое было у них на втором этаже столовой, в Норт-Энде стоило непозволительно дорого. А Дэнни уже достаточно вырос, чтобы по звукам за стеной понимать, чем занимаются отец с Кармеллой (хотя те и старались не очень шуметь во время своих любовных утех). Как-никак он не только слышал, но и видел, как *это* происходило у отца и Индианки Джейн.

Итак, повар, Кармелла и Дэнни (который все яснее осознавал свою роль суррогатного Эйнджела) обрели вполне сносное жилье, однако время двигалось вперед, и мальчик вырос.

Вскоре между ним и отцом появится некоторое расстояние. Кроме того, еще одна проблема создавала кучу неудобств для взрослеющего Дэнни.

Его все сильнее донимали сексуальные желания. Их пробудила Джейн, потом Пам Норма Шесть. А теперь подросток ничего не мог поделать с новым желанием: ему отчаянно хотелось Кармеллу дель Пополо – отцовскую «заменительницу индианки», как называл ее Кетчум. Кармелла волновала его сильнее, чем собственная уединенность.

«Тебе нужно от них уехать», – не раз писал ему Кетчум, хотя Дэнни нравилась жизнь в Норт-Энде. По сути, он даже любил эту жизнь, особенно когда сравнивал ее с прежней жизнью в Извилистом и, конечно же, когда сравнивал «Микки» со школой в Париже.

В школе имени Микеланджело были весьма невысокого мнения об образовании, полученном Дэнни Бачагалупо вместе с остальными оболтусами в школе на реке Филипс-Брук («этими оторвами из Западного Даммера», как называл их Кетчум). Руководство «Микки» перевело мальчишку классом ниже, в результате чего он оказался на год старше большинства одноклассников. Однако к седьмому классу, когда будущий писатель впервые поделился с мистером Лири – учителем английского языка – замыслом Кетчума об Эксетере, старый ирландец уже считал его одним из лучших своих учеников. А к восьмому классу Дэнни стал настоящим любимцем мистера Лири.

Несколько бывших учеников старого ирландца учились в Бостонской латинской школе³⁹. Еще несколько поступили в Латинскую школу Роксбери⁴⁰, которую мистер Лири считал «англо-снобистской». Двое ребят учились в Милтоне⁴¹, один – в Эндове⁴², а вот в Эксетере – никого. Академия Филипса находилась слишком далеко от Бостона, гораздо дальше других хороших школ. Мистер Лири знал: Эксетер – очень хорошая школа. И если Дэниела Бачагалупо туда примут, у мистера Лири будут все основания гордиться им и собою.

Большинство семиклассников и восьмиклассников в «Микки» издевались над мистером Лири. Дэнни никогда не принимал в этом участия, поскольку насмешки и другие, более жестокие виды издевательства живо напоминали ему нравы его парижской школы.

Лицо мистера Лири было красным от постоянных возлияний. Нос картошкой словно напоминал об основной еде его соотечественников. Над ушами торчали всклокоченные завитки седых волос, похожие на мех. Остальная часть головы учителя английского языка была совершенно лысой, с заметной вмятиной на макушке. Всем своим ученикам он обязательно говорил:

– В детстве я получил удар по голове полным изданием словаря, отчего, несомненно, приобрел неиссякаемую любовь к словам.

В своей фамилии мистер Лири отбросил типичную ирландскую приставку «О», за что ученики называли его «О». В отсутствие старого учителя эти скверно воспитанные мальчишки покрывали классную доску множеством «О». Но вслух называть его так они не решались.

Дэнни не понимал, почему это столь задевает бывшего мистера О'Лири, и не считал отбрасывание какой-то там приставки чем-то особым и заслуживающим внимания. (Разве Эйнджел Поуп не переделал на американский манер и имя, и фамилию? Почему эти итальянские сорванцы думают, что только ирландцы стремятся избавиться от этнической принадлежности?)

Но мистера Лири восхищало в Дэниеле Бачагалупо не только примерное поведение. Главной причиной его симпатии к мальчику стало то, что Дэнни любил писать и писал постоянно.

³⁹ Одна из старейших школ Америки, основана в 1635 г.

⁴⁰ Школа основана в 1645 г. в Роскбери, тогда самостоятельном городе, а ныне – пригороде Бостона.

⁴¹ Частная школа-интернат в городе Милтон (округ Норфолк, штат Массачусетс). Основана в 1798 г.

⁴² Теологическая школа в г. Ньютоне (пригород Бостона). Основана в 1807 г.

Ни в седьмом, ни в восьмом классах «Микки» такого ученика еще не было. Мальчик казался одержимым писательством или, по крайней мере, свихнувшимся на этом занятии.

Написанное юным сочинителем часто заставляло мистера Лири вздыхать и хвататься за лысую голову. Сюжеты рассказов были надуманны или откуда-то заимствованы, изобиловали жестокостями и множеством сексуальных эпизодов, совершенно дико выглядевших в творчестве подростка. Однако все это было написано добротным, ясным языком. Мальчишка обладал даром прирожденного рассказчика. Мистеру Лири хотелось лишь помочь ему усовершенствовать грамматику и всю остальную механику письма. А в Эксетере, как слышал старый ирландец, очень щепетильно относятся к грамматике. Там из юных голов выбивают всякие мысли о вдохновении, делая писательство повседневным ремеслом. Учащиеся Эксетера обязаны каждый день о чем-нибудь писать.

Составляя письмо в приемную комиссию Эксетера, мистер Лири умалчал о темах рассказов Дэнни. В Академии Филипса не слишком-то поощряли литературное творчество: там главным было умение четко и ясно излагать свои мысли на уровне сочинения, а не сочинительства. Письмо мистера Лири начиналось с краткого рассказа о школе имени Микеланджело, где учится этот одаренный мальчик. Она находится в районе Бостона, населенном преимущественно италоамериканцами. (Мистер Лири предусмотрительно не употребил слово «иммигранты», хотя весь смысл его фразы намекал на это.) Старый учитель желал, чтобы в Эксетере знали: эти люди склонны к лени и преувеличениям. Но Дэниел Бачагалупо был «не похож на остальных».

Послушать этих итальянцев (мысленно рассуждал мистер Лири), так едва ли не все они плыли сюда в вонючих трюмах, кишаших крысами; едва ли не все они – сироты или выходцы из громадных семей, решившие избавить родных от лишнего рта. И конечно же, все они ступали на американскую землю с несколькими жалкими лирами в кармане. И хотя многие юные итальянки очень симпатичны и грациозны, в дальнейшем они превращаются в безнадежно толстых женщин из-за своей любви к макаронам и необузданных appetitov. В число последних, как подозревал мистер Лири, входило не только чревоугодие. По правде говоря, эти итальянцы не столь изобретательны и трудолюбивы, как иммигранты ранней волны – ирландцы. Разумеется, мистер Лири не стал писать такое приемной комиссии Эксетера, однако изрядное количество его предвзятых суждений легко читалось между строк вместе с восхвалениями таланта и характера Дэниела Бачагалупо и перечислением «трудностей», с которыми мальчик ежедневно вынужден сталкиваться дома.

Матери у мальчика нет. Его воспитывает отец, которого мистер Лири назвал «весьма нелюдимым поваром». Этот повар живет с женщиной, пережившей «множество трагедий». Словом, если и есть достойный кандидат на обучение в Эксетере за счет академии, его имя – Дэниел Бачагалупо! Мистер Лири считал свое письмо составленным тонко и умно. Из письма явствовало: скромный учитель английского языка понимает, что уже ничем не может способствовать дальнейшему развитию юного дарования. Но он хотел, чтобы то же самое поняли и в Эксетере. Он живописал бостонский Норт-Энд как место, откуда Дэнни нужно спасать. Мистеру Лири хотелось, чтобы кто-нибудь из приемной комиссии Эксетера побывал в школе имени Микеланджело (даже если этот представитель увидит, каким унижениям подвергается там автор письма). Если человек, ведающий стипендиями, увидит Дэниела Бачагалупо среди его дурно воспитанных одноклассников и, что не менее важно, увидит мальчика в итальянском ресторанчике, где работают отец, несчастная вдова и где подрабатывает и сам Дэнни, будет ясно, каких усилий стоит мальчику тянуться к знаниям. Да, он не сдастся. Впрочем, Дэнни не сдался бы и в любом другом месте, не только в Норт-Энде, но об этом мистер Лири умалчал. Он и так сказал достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.